

Владлен
Терентьевич
Логинов

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В. И. Ленин —
мыслитель,
революционер,
человек

СОЖЖЕННАЯ КНИГА

**СОХРАНИВШИЙСЯ ОТТИСК КНИГИ, СОЖЖЕННОЙ ПО
ТРЕБОВАНИЮ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА**

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В. Т. ЛОГИНОВ

**ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ
В. И. ЛЕНИН -
МЫСЛИТЕЛЬ,
РЕВОЛЮЦИОНЕР,
ЧЕЛОВЕК**

КНИГА-ФЕНИКС

Книга, которую вы держите в руках, не вычитана, не правлена, напечатана без ведома автора (!), напечатана почти на правах рукописи, главным образом в качестве подарка автору, поскольку более 40 лет тому назад ее рукопись была сожжена в издательстве по требованию директора Института марксизма-ленинизма.

Его имя – Анатолий Егоров – советский и российский учёный-философ, педагог, доктор философских наук, профессор, действительный член АН СССР и прочая, и прочая, и прочая.

В 1980 году книгу о Ленине съёг Институт марксизма-ленинизма... Звучит прекрасно и сильно! Оксюморона этой ситуации хватит на несколько историко-философских книг, учитывая так же и то, что автор книги, Владлен Логинов, является авторитетнейшим биографом Ленина, бесспорно главным, который пользуется сегодня громаднейшим авторитетом среди всех левых. Но факт книжного аутодафе остаётся фактом, тем более интересным, что вся запрещённая, сожжённая, сильно отредактированная литература советского периода уже давным-давно издана в перестройку – уже давно из столов извлечено абсолютно все, и вся эта история понимается зачастую как антисоветская, но наша книга о Ленине самая что ни на есть просоветская, даже больше чем многие сугубо казённые и официальные труды.

Книга Логинова, наверно, абсолютный рекордсмен, она выждала все книжные волны перестройки и 90-х годов, все архивные открытия и воскрешения и от того приобрела ещё больший вес.

Действительно, что было бы, если бы дубовым головам из ИМЛ хватило бы тогда элементарной порядочности, чтобы не препятствовать печати книги Логинова в 1980 году? Она стала бы в ряду множества прекрасных, информормативных историко-революционных изданий, которые тоже ждут своего читателя и републикации, но книге Логинова была суждена куда более почетная судьба, ее удостоили чести сожжения!

А все что осталось от неё – это, скорее всего, один единственный экземпляр корректуры для автора, который предоставили для ознакомления и вычитывания. В его наборе множество шероховатостей, не отпечатаны некоторые ссылки, присутствует полиграфическая грязь, почти каждая страница испещрена замечаниями человека из издательства, но... **ДЕЛО СДЕЛАНО!** Один единственный известный в природе **ТЕКСТ КНИГИ «ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ» УЦЕЛЕН И МОЖЕТ ДАЛЬШЕ БЫТЬ РАЗМНОЖЕН!**

Как шутит автор – в то время такое название ещё было оригинальным. Сам же по себе текст – несомненно новаторский, изобилующий разными сюжетами, обратил на себя внимание крупнейших советских философов – Эвальда Ильенкова и Михаила Лифшица, высоко оценивших плотность повествования и богатство исторического материала. К чести книги следует сказать, что она первая стала разбирать тему революционного насилия, что могло вызвать в то

время шквал возмущения партийных историков и архивистов. И не раз работа Логинова вызывала на себя нарекания с их стороны. Суть их претензий напоминает историю 1968 года, когда Логинов был консультантом фильма «6 июля» про левоэсеровский мятеж и отвечал перед инстанциями за каждую мелочь. Как сказал тогда (по выражению Логинова) **«ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО ТЕРРОРУ – И НА ПРАКТИКЕ, И В ТЕОРИИ»**, террору деспотическому – сталинскому, Андрей Свердлов (сын!): «Что ты все оправдываешься?! Мы за террор оправдываться не должны!». Эти слова бывшего следователя НКВД, который вел под расстрел или в лагерь «всех более или менее ярких стариков, которые знали его» еще ребенком, а также их детей, обнаруживают всякое отсутствие даже элементарного представления о марксизме и диалектике, но именно такими людьми писались донельзя официальные книги по истории партии и революции. Вердикт Логинова звучит так: «При чем тут оправдаться? Надо объяснять!». В этой книге автор даёт не только объяснение, но и показывает на фактах подлинное отношение Ленина к насилию.

Книга берет тему совсем по-иному, монтажным, ассоциативным путём, свободно обращаясь с хронологией, показывая жизнь Ленина тематически, рассматривая его гений диалектически, то есть со всех сторон – творчески. Это «шарообразная книга», как выражался Эйзенштейн, то есть книга-метод, в которой все связано со всем, каждая тема с каждой, и все скреплено личным марксистским пониманием, приложимым в том числе к турбулентностям нашего века, включая проблемы и других стран (для меня стали откровением рассуждения Логинова о массовых бунтах – это сегодняшнее диалектическое противоречие американского общества). Так что книга эта ещё и вклад в мировую марксистскую литературу, в чем я абсолютно убеждён.

Сегодня автор написал бы ее иначе, для него, как настоящего ученого и творческого человека это вопрос принципиальный, по его мнению, надо убрать все то, что в сегодняшних реалиях выглядит уже не совсем уместным, то без чего книга не рассматривалась бы издательством вовсе. И однако же...

ДОРОГОЙ ВЛАДЛЕН ТЕРЕНТЬЕВИЧ! Мне кажется, книгу можно оставить именно в таком виде – здесь все прекрасно в своём историческом контексте – и ссылки на постановления современных тому времени съездов, ссылки на речи Брежнева, а особенно закамуфлированные упоминания Сталина! Мне кажется, в конце книги стоит поместить Вашу статью с объяснением этих мест и рамок советской книжной политики, а так же, как Вы считаете, что в ней надо изменить и дополнить при сохранении самого текста 80-го года.

И ещё:

Владлен Терентьевич! Эта книга жест моего огромного уважения к Вам и Вашему труду! Я, и громадное количество коммунистов-ценителей Истории, **ЛЮБИМ ВАС И ОБОЖАЕМ!**

Здоровья Вам! И сил! Впереди еще много текстов и бесед!

ВАШ ВИКТОР ТКАЧЁВ!

Рецензенты:

ТЕКСТ ИЗДАНИЯ СВЕРСТАН И ПРОНУМЕРОВАН ПО ОБРАЗЦУ
КОРРЕКТУРЫ 1980 ГОДА В ЦЕЛЯХ УДОБСТВА ДАЛЬНЕЙШИХ
ПРОВЕРОК И ПРАВOK.

КНИГА ДОПОЛНЕНА СОВРЕМЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

ТАКЖЕ ЖДЕТ СВОЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМО
МИХАИЛА ЛИФШИЦА ПО ПОВОДУ ЭТОЙ КНИГИ.

ВВЕДЕНИЕ

В физиономистику давно уже никто не верит. И все-таки каждый раз, знакомясь с человеком, всматриваешься в его лицо... Первое впечатление может оказаться и очень точным, и очень обманчивым. За заурядной внешностью можно не заметить гения и, наоборот, за внешностью гения – заурядной посредственности.

Когда жандармским чинам пришлось составлять словесный портрет лидера «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ильича Ульянова, они не нашли в его внешности ничего примечательного: «Рост 2 арш. 5 1/2 вершков, телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины»¹.

Впервые встретив Ленина, Горький записал: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь - как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от „вождя“»².

---

¹ «Красный архив», 1934, № 1(62), с. 139.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. Т. 2. М., 1969, с. 238.

Первое впечатление от внешности Ленина действительно было таково. «Его невысокая фигура, - пишет Г. М. Кржижановский, — в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком - вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян,- было в его облике именно нечто, как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови»¹.

Любопытно, что спустя много лет Борис Пастернак, совсем по другому поводу, высказал мысль довольно близкую к словам Кржижановского: «Гений - не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных, рядовых людей времени, ее бессмертное выражение. Гений ближе к этому обыкновенному человеку, сродни ему, чем к разновидностям людей необыкновенных... Гений - это количественный полюс качественно однородного человечества. Дистанция между гением и обыкновенным человеком воображаема, вернее, ее нет. Но в эту воображаемую и несуществующую дистанцию набивается много «интересных» людей, выдумавших длинные волосы... и бархатные куртки. Они-то (если допустить, что они исторически существуют) и есть явление посредственности. Если гений кому и противостоит, то не толпе, а этой среде...»².

И все-таки при всей простоте и обыкновенности облика Ильича внимательный взгляд сразу же улавливал в нем нечто особенное.

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 10,

² «Литературное обозрение», 1978, № 4, с. 105.

Однажды, в 1904 году, А. В. Луначарский, только что познакомившись с Лениным, зашел вместе с ним в мастерскую скульптора Н. Аронсона.

«Владимир Ильич разделся, - рассказывает Луначарский, - и в своей обычной живой манере обошел большую мастерскую, с любопытством, но без замечаний рассматривая выставленные там гипсы, мраморы и бронзы... Аронсон отвел меня в сторону:

- Кто это? - зашептал он мне на ухо...

- Это один друг...

Аронсон закивал своей пушистой головой:

- У него замечательная наружность.

- Да? - спросил я с изумлением, так как я был как раз разочарован, и Ленин, которого я уже давно считал великим человеком, показался мне при личной встрече слишком похожим на среднего... хитроватого мужика.

- У него замечательнейшая голова, - говорил мне Аронсон, смотря на меня с возбуждением. - Не могли бы вы уговорить его, чтобы он мне позировал? Я сделаю хоть маленькую медаль. Он мне очень может пригодиться, например, для Сократа.

- Не думаю, чтобы он согласился, - сказал я. Тем не менее я рассказал об этом Ленину, о Сократе тов. Ленин буквально покатывался со смеху, закрывая лицо руками»¹.

Впрочем, «нечто особенное» в облике Ленина замечали не только художники. «..Стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, - пишет Кржижановский, - в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь

---

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 84-85.

не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности...»¹.

Интереснейшие зарисовки оставил Луначарский: «Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи»².

Однажды в беседе с молодым большевиком И. Ф. Поповым, ставшим позднее писателем и драматургом, Ленин, говоря о Плеханове, употребил выражение «физическая сила ума». «Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? - спросил Попов. - Я не пойму». Ленин ответил: «А вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него, и видите: сильный физически... Так и у Плеханова ум. Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»³. Именно такое впечатление на окружающих производил и сам Ленин.

Немецкий профессор О. Ферстнер, повидавший на своем веку немало знаменитых пациентов, познакомился с Владимиром Ильичем уже в 20-е

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 10-11.

² Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969, с. 19.

³ Ленин всегда с нами, с. 94-95.

годы. «Всякий, не принимавший личного участия, - рассказывает он, - в великом деле Ленина, попадал, как только сталкивался с ним, под магическое действие его мощной личности... И мне довелось испытать на себе прикосновение его сильного духа...

И теперь он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими эластичными движениями, со своим великолепным закругленным, как своды мощного здания, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять прицел на мир, всегда лился искрящийся поток ума...

Его мимика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание»¹.

Характеристики внешности Владимира Ильича, оставленные современниками, порой сложны, иногда и противоречивы. Но еще более сложна другая проблема - рассказ о духовном облике Ильича.

Казалось бы, стоит обратиться к мемуарам людей, близко знавших и наблюдавших его на протяжении многих лет, как мы получим на сей счет вполне исчерпывающие и достаточно категорические характеристики. Однако именно эти качества как раз и отсутствуют в воспоминаниях соратников и друзей Ленина.

«...Ни один портрет не даст подлинного физического образа Владимира Ильича, - пишет Л. А. Фотиева, - не покажет его таким, каким он был в действительности, тому, кто не знал и не видел его никогда. Еще во много раз труднее нарисовать духовный образ Ленина.

---

¹ «Правда», 1925, 21 янв.

Образ Владимира Ильича так многогранен, так колоссально значителен, что только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать этот образ»¹.

С Фотиевой вполне солидарен и Луначарский, который пишет, что может дать лишь «несколько штрихов, глубоко запавших в мою память или возникших в моем представлении позднее, когда приходилось думать над грандиозным явлением - Ленин. Может быть, и они послужат толчком для того или другого художника пера, резца или кисти, для того или другого молодого читателя, которому не довелось счастья дышать одним воздухом с Ильичем...»².

И наконец, еще более трудная задача - рассказать о Ленине - мыслителе и революционере.

Сегодня, хотя это и парадоксально звучит, мы знаем о Ленине несравненно больше, чем его современники. Выходят тома «Биографической хроники», где день за днем собрано все, что известно о его жизни и деятельности. Издано 55 томов Полного собрания сочинений, и каждая статья и строчка в нем изучается, комментируется... Но и сегодня, как и десятки лет назад, каждое его произведение, даже факты ленинской биографии - арена острейшей политической борьбы.

Авторитет Ленина во всем мире столь велик, что различного рода «правые» и «левые» оппортунисты, целая армия буржуазных фальсификаторов истории пытаются в своих сугубо корыстных интересах использовать, а точнее –

---

¹ Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, с. 136.

² Ленин всегда с нами, с. 19.

искажить и извратить ленинское идейное наследие.

В свое время, работая над «Государством и революцией», Владимир Ильич писал о Марксе и Энгельсе:

«Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его.

..При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма... необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и несколько не поспособствуют его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно»¹.

Излагая взгляды Ленина, мы также будем прибегать к «длинным цитатам»... Впрочем, и они вряд ли смогут дать сколько-нибудь полное представление о Ленине-мыслителе, Ленине-революционере...

«Когда временами в истории человечества, - размышлял Кржижановский, - появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей... Приходится, по-видимому,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 5, 6.

признать, что общее определение гениальности - неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я, - заключает Кржижановский, - и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала»¹.

Дать лишь «некоторый материал» для размышлений, лишь некоторые, может быть малоизвестные читателю, «штрихи к портрету» Владимира Ильича Ленина - на большее не претендует и эта книга...

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 9-10.

**«У НАС НЕТ
ШАБЛОНОВ»**

Те, кто видел, как работают художники, вероятно, обратили внимание на один характерный момент: художник может часами сидеть у своего полотна, выписывая детали будущей картины. Но буквально почти после каждого штриха он обязательно отходит в сторону - меняется перспектива и все полотно, вся работа со всеми ее деталями схватывается в целом. Такое изменение перспективы бывает иногда полезным и в тех случаях, когда речь идет об оценке деятельности той или иной исторической личности.

Уже много лет ЮНЕСКО Организации Объединенных Наций регулярно проводит исследование, которое ставит своей целью выяснить, какие именно авторы чаще других издаются и переводятся на языки народов мира. И каждый раз, когда завершается это исследование, выясняется, что первое место в мире среди переводной литературы занимают произведения Владимира Ильича Ленина. Сегодня они издаются более чем в 60 зарубежных странах на 125 языках и распространяются во всем мире в большем количестве, чем какие-либо другие книги¹.

На второй план отошли и классики мировой литературы, и наиболее популярные современные поэты и писатели. На второй план отошла даже

---

¹ См.: «Вопросы истории», 1974, № 4, с. 4; «Коммунист», 1979, № 6, с. 3.

Библия, столетиями державшая эту монополию. Еще в 1958 году этот факт с грустью вынуждена была признать «Оксфордская конференция современных деятелей церкви»¹.

Без малого две тысячи лет потребовалось священникам всего мира для того, чтобы распространить догмы христианства по земному шару. Этот путь был отмечен крестовыми походами, религиозными войнами, кострами инквизиции... Почти две тысячи лет!

На рубеже XX века, т. е. в масштабах истории человечества совсем недавно, Ленин был известен десяткам, в лучшем случае лишь нескольким сотням его единомышленников и товарищей по борьбе.

Вспомним щемящие цифры, которые относятся ко времени «Союза борьбы»... Первый листок Владимира Ильича был написан в четырех экземплярах от руки печатными буквами. Иван Васильевич Бабушкин разбросал их на заводе Семяникова. Из них два подобрали сторожа, и только два пошли по рукам рабочих.

Первая часть брошюры Ленина «Что такое «друзья народа»?..» была выпущена на гектографе максимум в 250 экземплярах, вторая - еще того меньше, а третья - едва ли в пятидесяти экземплярах»². Но проходит двадцать, тридцать, пятьдесят, восемьдесят лет, и сегодня его имя, его идеи известны миллионам и миллионам людей во всем мире.

Чем объяснить это столь стремительное и глубокое распространение ленинских идей, их влияние на судьбы человечества? Только и только тем, что именно Владимир Ильич Ленин наиболее точно

---

¹ См.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, с. 333.

² Кузнецов Ф. Ф. «Растут новые люди...». М., 1974, с. 62-63.

выявил и сформулировал основные тенденции и закономерности современной эпохи, наиболее полно выразил «чаяния и надежды рабочего класса, трудового народа, ответил на коренные вопросы, которые властно диктовались жизнью»¹.

К концу XIX века, после того как в ряде европейских стран закончились буржуазные революции, после того как были подавлены первые выступления пролетариата, обывателям казалось, что наконец утихли социальные бури, что мир приобрел стабильность и устойчивость и что сложился наконец тот порядок вещей, который будет существовать на протяжении многих и многих веков.

Но вот начался XX век, и все то, что казалось удивительно стабильным и устойчивым, выстроенным на века, стало разваливаться на куски. Эпоха «мирного» и «добротного» капитализма с многими порожденными ею догмами и представлениями агонизировала. Началась эпоха величайших социальных битв и революций.

Обычно на таком сломе эпох появляются люди, которые стараются заглянуть в будущее и предсказать это будущее человечеству. Так было и в начале XX века. В романе английского писателя Честертона «Наполеон из пригорода» рассказывается, как «тяжело» жилось в начале XX века тем же обывателям, которым буквально некуда было деться от ужасных пророчеств, обрушившихся на них со всех сторон.

Но опять проходит двадцать, тридцать, пятьдесят, семьдесят лет, и имена многих из тех, кто в начале XX века претендовал на то, чтобы предугадать будущее человечества, давно забыты. Вы найдете их разве только в Британской энциклопедии.

---

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». М., 1968, с. 3.

А имя Ленина стало известно десяткам и сотням миллионов людей в самых различных частях земного шара.

Конечно, признание это не пришло сразу и само собой, и оно менее всего походило на обычную популярность тех или иных политических деятелей или модных философов. Признание приходило с каждым новым шагом, с каждой победой русского и международного пролетарского движения, с ростом и укреплением на мировой арене авторитета созданной Лениным революционной партии.

В свое время К. Маркс отметил одну интересную особенность обыденного политического сознания людей. Привычный поток лежащих на поверхности и кажущихся ужасно важными повседневных дел и явлений настолько заслоняет и назревающие и даже уже произошедшие серьезнейшие глубинные перемены, что порой совершенно утрачивается реальное понимание того, какие события действительно являются существенными и действительно имеют историческое значение. «...Хотя атмосфера, в которой мы живем, - писал об этом Маркс, - и давит на каждого из нас с силой в 20 000 фунтов, разве вы чувствуете это? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 г. чувствовало революционную атмосферу, которая его окружала и давила на него со всех сторон»¹. В самом начале нынешнего столетия с «европейским обществом» произошла аналогичная история.

Летом 1903 года для «большой прессы» Европы вполне хватало сенсаций. Еще бы!.. Обмен визитами между английским королем и французским президентом... новый военно-морской бюджет, предложенный германскому рейхстагу рейхсканцлером фон Буловом... убийство сербского

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 3.

короля Обреновича и воцарение династии Карагеоргиевичей... политические интриги США вокруг концессий на строительство Панамского канала... Разве могла за всем этим солидная буржуазная пресса обратить серьезное внимание на съезд российских социал-демократов, проходивший с 30 июля по 23 августа сначала в Брюсселе, в помещении заброшенного мучного склада, а затем на окраине Лондона - в маленьком клубе рыбаков, где 57 молодых революционеров спорили о будущем...

После окончания съезда довольно сочувственная информация о нем появилась в европейской социалистической печати. Но и тогда мало кто из теоретиков и лидеров II Интернационала понял исторический смысл и суть произошедшего. Большевик М. Лядов рассказывал, как в ответ на его предложение опубликовать в центральном органе германской социал-демократии обстоятельную статью об идейных разногласиях, проявившихся на II съезде РСДРП, главный редактор ответил, что его газета «не может уделять много места иностранному движению, в особенности русскому, которое еще так молодо и так мало может дать зрелому немецкому движению»¹.

Аналогичный эпизод вспоминал и Г. Плеханов. После окончания съезда он встретил Пауля Зингера - видного деятеля германской социал-демократии. «А сколько времени продолжался этот съезд?» - спросил Зингер. «Около месяца». Сангвинический Зингер громко расхохотался и заметил: «Да эдак вы должны были все перессориться...» - «Почему же?» - «Просто от нервного переутомления»².

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1. М., 1964, с. 523.

² Плеханов Г. В. Соч., т. XV, с. 324.

Сколько толков и пересудов ходило тогда об особой склонности русских социалистов, или, как говорили тогда, «славянских анархистов», к бесконечным словопрениям и распрям. «...Э, батенька, - писал позднее по этому поводу Ленин Горькому, - да неславянские европейцы во времена вроде нашего дрались, ругались и раскалывались во сто раз почище!..»¹.

«Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем, - писала Крупская, - одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали - сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал - сумасшедший, подошел ближе, видит - человек нож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть - дело касается самого существенного. Так и с программой было»². Споры на II съезде вокруг программы и устава Российской социал-демократической рабочей партии как раз и касались «самого существенного» - это были споры о проблемах, поставленных перед человечеством новой эпохой.

На рубеже XIX и XX столетий мировой капитализм вступил в свою последнюю, империалистическую стадию развития... Позднее, в 1916 году, когда Ленин напишет книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма» и даст четкую характеристику этого нового исторического явления, все станет на свои места и будет восприниматься нами как очевидность. Но тогда, в начале века, все ощущали лишь одно: привычный уклад жизни рушился на глазах.

Какими путями пойдет отныне дальнейшее развитие человеческого общества? Какие перспективы

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 78.

открывает эта новая эпоха перед рабочим классом и трудящимися массами? Остаются ли в силе те мысли и идеи, задачи и конечные цели борьбы, которые были сформулированы Марксом и Энгельсом?

Эдуард Бернштейн, которого в Европе многие считали тогда чуть ли не «душеприказчиком» классиков марксизма, за несколько лет до II съезда РСДРП попытался дать на все эти вопросы свой ответ.

Возникновение капиталистических монополий, в особенности международных монополистических союзов, считал он, приведет не только к бурному росту производительных сил, но и к планомерному регулированию производства и распределения продуктов и тем самым устраним как экономические кризисы, так и войны; появление акционерных обществ демократизирует капитал, обеспечит благосостояние рабочим, и капитализм, таким образом, постепенно «врастет» в социализм. Отсюда следовал и практический вывод: поскольку в новую эпоху прогресс человеческого общества связан не с пролетариатом, а с буржуазией, с эволюцией самого капитализма, необходимо отказаться от социалистической революции и завоевания рабочим классом политической власти...

Все эти «идеи» Бернштейна были не только актом личного предательства по отношению к Марксу и Энгельсу, это была открытая ревизия всего марксизма, идейно разоружавшая пролетариат в новых условиях классовой борьбы.

Программа партии, принятая II съездом РСДРП, давала принципиально иной ответ на важнейшие вопросы, поставленные эпохой.

Казалось бы, разрабатывая проект этой программы, Ленин определял цели, задачи и методы борьбы лишь применительно к русским условиям. Но Россия начала XX века развивалась по тем же

законам, как и любая другая капиталистическая страна. И Владимир Ильич решительно выступал против тех, кто, отрицая это, пытался объяснить основные тенденции социально-экономического и политического развития России в новую эпоху некими сугубо самобытными особенностями, например, присущей ей якобы испокон веков «азиатчиной», порожденной «столетиями монгольского ига».

Безусловно, указывал Ленин, история каждой страны имеет свою специфику, которая накладывает отпечаток и на ее прошлое и на ее настоящее. Но когда ученый или писатель, считающий себя человеком серьезным и «желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильнее отнести это к политическому шарлатанству? Монгольское иго есть исторический факт... Однако немного найдется людей - типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», - способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом монгольского ига»¹.

Ленин высмеивал и попытки тех, кто пытался объяснить всю сложную российскую действительность некими отрицательными особенностями «русской души», которой якобы тоже испокон веков был свойствен особый консерватизм, раболепие и холопство. «...Вы изволили очень верно сказать про душу, - писал позднее Владимир Ильич Горькому, - только не «русскую» надо бы говорить, а мещанскую, ибо еврейская, итальянская, английская - все один черт, везде паршивое мещанство одинаково гнусно...»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 227-228.

В своем капитальном труде «Развитие капитализма в России», вышедшем в 1899 году, и других работах Ленин доказал, что Россия прочно встала на капиталистический путь развития и, при всех ее особенностях, при всех чудовищных феодальных пережитках, вступила, подобно другим странам, в эпоху империализма. Мало того, именно в России все противоречия новой эпохи проявлялись с особой силой и остротой. Вот почему решение национальных задач, стоящих перед российским пролетариатом, неразрывно связывалось с решением теоретических проблем, имевших международный характер.

Дав глубокий анализ новым явлениям в развитии мирового капитализма, Ленин пришел к выводам, прямо противоположным выводам Бернштейна. При всей эволюции капитализма, указывал Владимир Ильич, он и в новую эпоху отнюдь не сглаживает, а лишь обостряет все глобальные противоречия, переносит их на более широкую мировую арену, порождая повсюду в развитых и отсталых странах, в городе и деревне, колониях и полуколониях - новые социально-экономические и политические потрясения.

Начавшийся в 1900 году мировой экономический кризис и первые кровавые империалистические войны в Африке и Латинской Америке наглядно показали, какими бедствиями и ужасами оборачивается новейшая эволюция капитализма для населения земного шара. Капитализм тормозит мировое общественное развитие, и пролетарская революция даст толчок дальнейшему поступательному развитию человечества - таков главный вывод, который был сделан Лениным.

Работая над проектом программы партии, Владимир Ильич писал в 1899 году, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата». Он характеризовал эту мысль как чрезвычайно

важную «в теоретическом отношении» и как «центральный пункт, к которому должна сводиться... вся разнообразная деятельность социал-демократии, состоящая в пропаганде, агитации и организации»¹.

Против этого важнейшего положения марксизма, казалось бы, не возражали и оппортунисты. Но интересы общественного развития понимались ими крайне односторонне. По существу весь прогресс человеческого общества они сводили к развитию производительных сил и, прежде всего, прогрессу производственно-техническому. А поскольку капитализм до поры до времени решал эту задачу достаточно успешно, такое толкование прогресса открывало самую широкую дорогу для примирения с буржуазной действительностью.

Для Ленина важнейшим критерием прогресса также являлось развитие производительных сил. Но, в отличие от оппортунистов, он, как и положено марксисту, понимал, что производительные силы - это прежде всего люди и общественный прогресс носит гуманистический характер лишь постольку, поскольку он совершается в интересах людей, народных масс, в интересах развития самого человека.

Тогда, в начале века, некоторым марксистам казалось, что все эти «нюансы» не столь уж существенны... В проекте программы партии, представленном Плехановым, при определении конечных целей борьбы пролетариата говорилось, например, что социализм и социалистическая организация производства необходимы «для удовлетворения нужд общества... и обеспечения благосостояния всех его членов». Ленин сразу же отметил: «Этого мало...» - и указал на необходимость включения положения о всестороннем

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220.

гармоническом развитии членов социалистического общества¹.

Однако и во втором плехановском проекте программы содержалась прежняя видоизмененная формулировка - «для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». И вновь Ленин пишет: «Этого мало... Не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития в с е х членов общества»².

Со временем выяснилось, что такого рода «нюансы» при определении критериев общественного развития имеют самое существенное не только теоретическое, но и политическое значение. Призыв российского бернштейнианца П. Струве «идти на выучку к капитализму», сформулированный им на рубеже нового столетия, лишь отражал ту общую тенденцию, которая все более распространялась в среде лидеров II Интернационала. В 1919 году Каутский довел эту тенденцию до логического и позорного конца. В обстановке экономической разрухи и обострения классовой борьбы в Европе после окончания мировой войны, когда в повестке дня стоял вопрос о социалистической революции, он предложил рабочим заботиться не о своих «эгоистических» классовых интересах, а прежде всего о развитии капиталистического производства. Это была открытая измена марксизму.

Марксисты никогда не поддерживали любой и всякий «прогресс». История не стоит на месте даже в эпохи жесточайшей общественно-политической реакции. «Разве можно, не сойдя с ума,- спрашивал Ленин, - отрицать, что бисмарковская Германия и ее социальные законы «лучше» Германии до 1848 года? Столыпинские реформы

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 199

² Там же, с. 232.

«лучше» России до 1905 года? Разве на этом основании немецкие социал-демократы (они были еще тогда социал-демократами) голосовали за бисмарковские реформы? Разве столыпинские реформы прикрашивались или хотя бы поддерживались русскими социал-демократами...?»¹.

Отвечая в 1919 году Каутскому, Ленин писал: «„Думай о производстве!“ говорит сытый буржуа изголодавшемуся и обессиленному от голода рабочему, и Каутский, повторяя эти песни капиталистов якобы под видом «экономической науки», целиком превращается в лакея буржуазии.

...С полным правом Цеткина заявила Каутскому, что он

„скатывается к буржуазной политической экономии. Производство для человека, а не наоборот...“»².

Вот почему программная формулировка Ленина, указывавшая на человека как на самоцель всего процесса общественного развития, противопоставила оппортунистам принципиально иное, подлинно марксистское, гуманистическое определение исторических задач пролетариата.

Мысль о том, что победоносная классовая борьба рабочих необходима в «интересах всего общественного развития»³, что именно пролетариат является носителем общественного прогресса, пронизывала весь ленинский проект программы партии. Именно под углом зрения объективной необходимости революционного низвержения капитализма и завоевания рабочим классом политической власти рассматривал Владимир Ильич и вопрос о диктатуре пролетариата, которая должна была не только закрепить победу, но и стать могучим инструментом социалистических

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 344.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 395-396.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 363.

преобразований, экономического и социального прогресса общества.

Тот факт, что вопреки сопротивлению оппортунистов II съезд РСДРП отстоял эти принципиальные положения и впервые в истории международного рабочего движения требование диктатуры пролетариата вошло в программу социалистической партии, свидетельствовал о зрелости делегатов съезда, о верности российской пролетарской партии революционному марксизму.

Съезд решил и другую важнейшую проблему, поставленную перед человечеством новой эпохой.

Развитие империализма несло с собой не только ужасы и страдания населению земного шара. Ширился и фронт борьбы против угнетения и эксплуатации. Когда-то Гёте сравнивал историю человечества с фугой, в которую один за другим вступают голоса различных народов. В XX веке эти голоса постепенно слились в один мощный хор. В освободительное движение втягивались сотни и сотни миллионов людей на всех континентах. Темпы развития исторического процесса необычайно ускорились. И если в период перехода от рабовладения к феодализму исход крупнейших социальных битв решался участием в них тысяч, в период перехода от феодализма к капитализму - участием сотен тысяч, то теперь исход борьбы могли решить только миллионы.

«Здесь оправдывается, - писал позднее Ленин, - одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему

и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»¹.

Пробуждаясь от темноты и забитости к политической жизни, от векового терпения и покорности к борьбе за свое освобождение, миллионы людей в различных частях земного шара спрашивали - к чему им идти? С кем идти? Во имя чего восставать? Не менее трудные вопросы стояли и перед рабочим классом - как относиться к движению этой гигантской непролетарской массы в городе и деревне, колониях и полуколониях? Кто они - враги или союзники рабочих в борьбе за социализм?

Толкуя пролетарские требования и интересы до крайности убого и узко, теоретики II Интернационала полагали, что социализм есть общество рабочих и для рабочих. Поэтому в будущей социалистической революции пролетариату будут противостоять все классы, в том числе и вся мелкая буржуазия, крестьянство и большинство интеллигенции. Ему «придется вести грядущие бои в одиночку», - заключал Каутский². Поэтому рабочим остается лишь ждать тех отдаленных времен, когда все эти классы и слои полностью пролетаризируются.

Ленинская программа РСДРП, принятая II съездом, давала иную историческую перспективу и иной ответ на эти вопросы.

Для партии русского рабочего класса проблема взаимодействия с другими, непролетарскими, освободительными потоками стояла отнюдь не в плане общих, умозрительных рассуждений. Именно Россия была единственной в мире страной, где все эти революционные потоки - и пролетарское, и крестьянское,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

² Каутский. Социальная революция. М., 1918, с. 53.

и национально-освободительное движение - складывались и развивались в рамках одного государства. Вот почему и в данном случае решение задач, стоявших перед русскими рабочими, приобретало не узконациональное, а международное значение.

Еще в 1894 году Ленин писал, что «русский рабочий - единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»¹. Владимир Ильич исходил при этом из известного марксистского положения, согласно которому пролетариат является классом, борющимся за политическое господство не только «для себя». Он не может освободиться, не защищая всех угнетенных, не положив конец всякой эксплуатации.

В этой мысли, сформулированной основоположниками марксизма, не было ни грана идеализации рабочего класса. «Дело не в том, в чём в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугазываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»².

Вот почему в борьбе за свое собственное освобождение рабочий класс выдвигает требования, которые, казалось бы, лежат вне его непосредственных каждодневных интересов, т. е. является классом, которому, в известном смысле, свойственны идеальные побуждения, стремление к социальному идеалу.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 310.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 2, с. 40.

Ленин доказал, что и в новую историческую эпоху это важнейшее положение марксизма полностью сохранило свою силу. «Пролетариат становится революционным, - писал Владимир Ильич, лишь постольку, поскольку он не замыкается в узкоцеховые рамки, поскольку он выступает во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни, как вождь всей трудящейся и эксплуатируемой массы...»¹. Мало того, указывал Ленин, в новых условиях объективные возможности для привлечения на сторону рабочего класса всех угнетенных значительно расширились, ибо только социализм мог избавить их от всякого гнета.

Отстояв в схватке с оппортунистами и это положение ленинского проекта программы, II съезд РСДРП впервые в международном пролетарском движении выдвинул перед рабочим классом историческую задачу - завоевать на свою сторону всех трудящихся, сплотить под руководством пролетариата все революционные силы и потоки освободительного движения.

Программа РСДРП решительно выступала против «эксплуатации многомиллионного крестьянства», против расовой и национальной дискриминации за право каждого народа самому решать свою судьбу. Съезд солидаризировался и с революционными выступлениями учащейся молодёжи. Вся эксплуатируемая масса, говорилось в программе, «в интересах ее собственного освобождения» может и должна стать союзником пролетариата в его борьбе за революционное переустройство общества.

Поэтому идеалом пролетарского революционера был для Ленина не партийный или профсоюзный чиновник, «а народный трибун,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 193-194.

умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались... умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать пред всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата»¹.

Когда в свое время Л. Фейербаха спросили что такое теория? - он ответил: «Это мысль, остающаяся в моей голове». А что такое практика? «Это мысль, перешедшая из моей головы в головы масс»... Приобщение к политической жизни и борьбе миллионов и миллионов людей с самого начала XX столетия с особой остротой поставило еще один самый сложный вопрос - о задачах и формах работы и организации сознательного пролетарского авангарда, просвещающего и ведущего за собой народные массы, о том, какой должна быть в этих новых условиях сама партия рабочего класса. Проанализировав в этой связи опыт партий II Интернационала, Ленин пришел к выводу: «...готовых образцов нам искать негде...»².

Казалось бы, российские социал-демократы, не имевшие в тот период возможности, хотя бы в силу полицейских условий, создать массовую партию, могли лишь завидовать своим европейским коллегам с их многочисленными организациями, газетами и журналами, профсоюзами и солидными фракциями в парламентах. Но для Ленина было очевидным, что эта массовость достигалась и за счет идейной, организационной рыхлости, примиренчества по отношению к оппортунизму, децентрализации и полной автономии

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 80-81.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 190.

Lenine

পাঠ্য

TE

MARX
ENGELS
LENINE

SUR
LA COMMUNE
DE PARIS

LÉNINE

Cultura
e Revolução
Cultural

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

সোভিয়েত রাষ্ট্র
এবং
কম্যুনিস্ট পার্টির
সংগঠিত ইতিহাস

প্লেমিন

প্লেমিন

Ленин
Е.И. ЛЕНИНА

LÉNINE

Le développement
du capitalisme
en Russie

ЛЕНИН

লেখিত

LÉNINE

OBRAZ ESCOC

লেখিত
লেখিত
লেখিত

LENIN
ON
LANGUAGE

V.I. LENINE

OBRAZ
AS

লেনিন

নির্বাচিত রচনাবলি

খণ্ড ৩

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

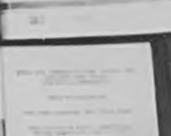
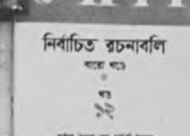
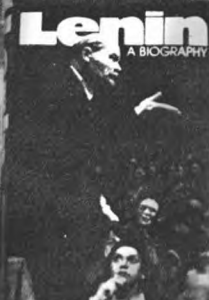
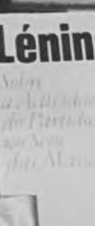
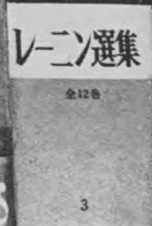
১৯

১৯

১৯

১৯

১৯

местных ячеек, что весь стиль и характер деятельности этих партий целиком приспособлен к мирным и легальным условиям работы.

В обстановке надвигавшихся социальных битв и потрясений такие партии не годились на роль боевого руководителя революционной борьбы. И это было особенно очевидно для русских социал-демократов, стоявших буквально накануне могучей революции - первой народной революции эпохи империализма.

Ее приближение явственно ощущали и участники II съезда. Дух революционной романтики витал над ними, когда, открывая съезд, Плеханов сказал: «...каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже восклицал словами рыцаря-гуманиста: «Весело жить в такое время!» Ну, а когда весело жить... тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу; в этом заключается весь смысл нашей жизни»¹.

Партия решительной революционной борьбы, партия, тесно связанная с массами, сплоченная идейно и организационно, способная противостоять сильному и опытному противнику, партия народной революции - вот что было нужно рабочему классу. И ленинский проект устава, представленный на рассмотрение съезда, в котором четко фиксировались строжайшая дисциплина и коллегиальность руководства, жесткая централизация, сочетающаяся с широкой инициативой местных групп, как раз и предусматривал создание такой боевой и монолитной партии.

Борьба Ленина и его сторонников с оппортунистами сосредоточилась на съезде вокруг параграфа устава, определявшего членство в партии. Ленинская формулировка была направлена на то, чтобы обеспечить чистоту рядов

---

¹ II съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 5.

РСДРП, закрыть доступ в нее случайным и неустойчивым элементам, ибо чем меньше шаткости будет внутри самой партии, тем плодотворнее станет ее влияние на массы. «Лучше, чтобы десять работающих, - говорил Владимир Ильич, - не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»¹.

Противники Ленина сплотились вокруг формулировки Мартова, открывавшей дверь в партию различного рода шатающимся и околупартийным элементам. Оппортунистам удалось провести ее на съезде, и по требованию местных организаций она была отменена лишь III съездом РСДРП, восстановившим ленинский первый параграф устава. Но и на II съезде ленинцам удалось отстоять основные принципы, определившие сам тип построения партии, а именно - принцип демократического централизма и принцип пролетарского интернационализма. Впервые в международном рабочем движении устав РСДРП четко формулировал и мысль о руководящей роли партии, о партии как руководителе пролетарской борьбы.

Сколько бумаги было исписано и изведено политическими противниками Ленина о его «нетерпимости» и особой склонности к «расколам»... Между тем на протяжении всей своей жизни Владимир Ильич не только постоянно подчеркивал необходимость, но и решительно боролся именно за единство партии, единство всех революционных сил. Только само это единство понимал он не по-мещански, не по-обывательски...

Для обывателя, в том числе и обывателя политического, единство - это смешение в одну

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 290.

кучу самых разнородных и разношерстных элементов при сохранении видимости «семейного мира», это стремление запрячь в один воз все и вся... В противоположность такому подходу Ленин считал необходимым, перед тем как запрягаться с кем-то в один воз, выяснить сначала, куда именно этот воз собираются тащить. И если с этой точки зрения «единство» упряжки будет напоминать крыловских лебедя, рака и щуку, то такое «единство» лишь дискредитирует великую идею.

Но разве при таком подходе не ущемляется «свобода поисков» различных путей борьбы? На этот вопрос в свое время остроумно ответил Плеханов: «Я был бы совсем плохим социал-демократом, если б не признавал самой полной свободы теоретического исследования. Но я был бы столь же плохим социал-демократом, если б не понимал, что свобода исследования должна сопровождаться и дополняться свободой группировки людей сообразно их взглядам.

Я убежден, - и можно ли не быть убежденным в этом? - что люди, расходящиеся между собой в основных взглядах в теории, имеют полное право разойтись между собой также и на практике, т. е. сгруппироваться по разным лагерям. Я убежден даже в том, что бывают такие «ситуации», когда они обязаны это сделать. Ведь мы еще со времени Пушкина знаем, что

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань...»¹.

Партия не была для Ленина группой людей «приятных друг другу во всех отношениях», собравшихся побеседовать или поспорить по тем или иным интересным проблемам. Партия

---

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. XVII, с. 3-4.

нового типа, создаваемая Лениным, должна была стать боевым авангардом революционного пролетариата, объединенным единством цели и действий.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки,- писал Владимир Ильич. - Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото! -а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! - О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»¹.

Противники Ленина на II съезде буквально вопили о том, что ленинский устав якобы «закроет дверь» в РСДРП рабочей массе, что партия неизбежно превратится в замкнутую сектантскую группку интеллигентов. «Рабочие, желающие вступить в партию, - отвечал им

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 9-10.

Плеханов, поддержавший Ленина, - не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина». Побоятся как раз лишь те интеллигенты, которые насквозь пропитаны «буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо»¹.

Анализ состава партии в те годы позволяет назвать точные цифры: среди вступивших в большевистскую партию до 1905 года рабочие составляли 61 процент, а среди вступивших в 1905-1907 годах - 71 процент. Надвигавшаяся революция поднимала к сознательной политической жизни широкие пласты народа, и в первую очередь в борьбу включалась молодежь. Не случайно именно она и преобладала в те годы в рядах большевистской партии: более 50 процентов ее состава приходилось на возраст до 20 и около 30 процентов - на возраст от 21 до 25 лет².

Когда оппортунисты с кислой миной кивали на такого рода состав партии, видя в нем признак «незрелости» большевизма, Ленин с негодованием отвечал им: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь»³.

Можно лишь поражаться той косности, рутинности и догматизму мышления, которые проявили на II съезде оппортунисты. При обсуждении всех важнейших вопросов у них не находилось иных доводов, кроме: «этого нет в европейских программах...», «в немецком

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 473.

² См.: Революция 1905-1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976, с. 176, 181.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 163.

уставе говорится не так...», «Каутский указывал...», «Адлер полагал...» и т. д. и т. п. Когда один из лидеров оппортунизма Либер бросил большевикам упрек: «Почему вы, товарищи, каждый раз выставляете новые принципы?», Ленин решительно ответил: «У нас нет шаблонов»¹.

Объективная обстановка XIX и XX веков, говорил Владимир Ильич, отличается между собой самым явным образом. «Не обращать внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма - значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации»². Именно в таком подходе и проявлялась зрелость и верность большевиков революционному марксистскому учению.

Среди тех, кто на съезде пошел за Лениным, были и ветераны, такие, как: 47-летняя Л. Книпович, начинавшая свою революционную деятельность еще в народовольческих кружках. Были и совсем молодые, такие, как трое рабочих токарей: 23-летний питерец А. Шотман, 27-летний туляк С. Степанов, 28-летний киевлянин Н. Никитин. 27 лет было тогда делегату съезда р. Землячке, 29 - С. Гусеву, 30 - Н. Бауману. Но у каждого из них за плечами уже стояли годы подпольной работы, аресты, тюрьмы, ссылка. Впрочем, и самому вождю партии большевиков Ленину, которого друзья в шутку называли «стариком», исполнилось в то время лишь 33 года...

«Сила, выразительность, своеобразие и простота речи Ленина, - писал Гусев, - отсутствие

---

¹ II съезд РСДРП. Протоколы, с. 243.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 237.

всяких «украшений»... великолепное спокойствие и улыбка Ленина, его поразительная простота в отношениях к товарищам... какое-то высшее наслаждение и упоение, с каким он отдавался работе, не уступая ни единой крупинцы времени на какую-то «частную» жизнь... все это уже выделяло Ленина...»¹. И в исторической победе, которую одержал на II съезде творческий марксизм, была гигантская личная заслуга Владимира Ильича.

За год до II съезда Ленин писал: «...от съезда Российской социал-демократической рабочей партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте всех революционных задач современности...»². Большевики во главе с Лениным оказались на высоте задач, поставленных новой эпохой, дали ответы на все коренные проблемы российского и международного рабочего движения.

Судьбы идей не менее сложны, чем судьбы самих людей. Немало нашумевших в свое время «теорий» не смогли пережить даже своих создателей. Иная историческая судьба выпала на долю ленинского учения. Марксизм позволил Ленину заглянуть в будущее гораздо дальше, увидеть суть происходящих процессов гораздо глубже, чем кому-либо другому из его современников.

Ленин выдвинул ясную программу революционного решения сложнейших социальных проблем, стоявших перед человечеством, создал пролетарскую партию нового типа, способную возглавить революцию, сплотившую вокруг своего знамени сначала тысячи, а затем миллионы. И никто в мире не смог противопоставить

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 451-452.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 295.

этому каких-либо других идей, требований, целей, столь же полно отвечающих чаяниям миллионов и объективному характеру самого освободительного движения...

Прошло менее двух десятков лет со времени создания ленинской партии, менее трех лет со дня победы Октябрьской революции, и в июле 1920 года делегаты II конгресса Коминтерна решили записать в особую книгу то, что они думают о Ленине. Почему записать? Да потому, что высказать все это самому Ленину практически было невозможно.

Всего за несколько месяцев до этого, в дни 50-летия Ильича, такой опыт уже был проделан. Окончился он довольно неожиданно для устроителей... С «юбилейного» заседания IX съезда партии Ленин ушел, а на торжественную часть вечера, организованного, несмотря на его возражения, Московским комитетом партии, «опоздал». А когда явился, то в своем выступлении высмеял обычай «подобных юбилейных празднеств» и выразил надежду, что «мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам»¹. Об этом случае все были хорошо осведомлены.

И вот - красная книга «Делегаты Конгресса о товарище Ленине»: «...великий дух Маркса снова ожил в Ленине» (Том Квелч. Англия); «...Ленин олицетворяет эпоху пролетарской революции и борьбу между угнетенными и угнетателями. В его имени заключается протест, борьба, освобождение» (Джачинто Серрати. Италия); «Ленин произвел в политической области более мощный переворот, чем тот, который

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 325.

был вызван в промышленности изобретением паровой машины» (Жак Садуль. Франция); «Знает, что требуется и как этого добиться!» (Джек Таннер. Англия); «Ленин - локомотив истории» (Джон Рид. Америка); «Великий борец, философ... Великий мыслитель и деятель и самый большой друг трудящихся» (Исмаил Хакки. Турция); «Самый благородный представитель человечества» (делегат Индии); «Смелый, потому что справедливый» (Маринг. Остров Ява); «Как теоретик он в настоящее время не имеет себе равных» (Уильям Мак-Лейн. Шотландия); «В Вас я вижу соединенными несравненное чувство реализма русского сельского и городского трудового народа, как оно показано в его лучших литературных произведениях, и универсальность древних греков...» (Д. Вайнкоп. Голландия)... Пересказывать эту книгу нет смысла. Ее надо читать¹.

Сегодня даже многие противники коммунизма не отрицают того неоспоримого факта, что Ленин является величайшим мыслителем нашей эпохи, мыслителем, обладавшим глубокими знаниями, огромной эрудицией и культурой. Но сказать только об этом - значит не сказать о главном. О том, что все свои знания, всю эрудицию и культуру он отдал одной цели - делу пролетарской революции.

В феврале 1903 года, после того как Ленин выступил с лекциями по аграрному вопросу в парижской Русской высшей школе общественных наук, известный ученый М. Ковалевский воскликнул: «Из него вышел бы великолепный профессор!» Конечно, Владимир Ильич вполне мог стать великолепным профессором или знаменитым адвокатом... Но он предпочел иной путь - путь,

---

¹ См. письма В. И. Ленину из-за рубежа. Изд. 2-е. М., 1969, с. 269-291.

сопряженный с опасностями и лишениями, арестами и тюрьмами, ссылкой и эмиграцией,- путь борьбы за освобождение рабочего класса.

И не случайно среди «рабочих кабинетов» этого величайшего мыслителя-революционера, в которых создавались его крупнейшие произведения, были не только гостеприимные и тихие залы Британского музея, библиотек Парижа, Берлина, Женевы, Цюриха, но и одиночка петербургской тюрьмы, и угол деревенской избы в далекой сибирской глуши, и шалаш в Разливе...

Мыслитель, ученый, посвятивший себя поиску истины... и политический деятель, последовательно отстаивающий определенные классовые позиции... Для мещанина, старательно защищающего свою иллюзорную духовную «автономию» от вторжения «идеологии», свято верящего в анекдоты о непрактичных и чудаковатых академиках, такое сочетание может показаться несовместимым.

Поиск истины действительно требует объективности. «...Человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения,- писал Маркс, - которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, - такого человека я называю низким“»¹. Столь же решительно высказывался по этому поводу и Энгельс: ученый, у которого результаты исследования корректируются его политическими взглядами, «не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения»².

Независимость человека, занимающегося общественными науками, от самого общества и

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 26, ч. 1, с. 125.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 36, с. 170.

господствующих в нем воззрений, всегда весьма относительна. Он живет и творит в этом обществе и связан с ним тысячами видимых и невидимых нитей. Вот почему, нисколько не отрицая того, что и буржуазные ученые могут «давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований», Ленин вместе с тем предупреждал, что им «нельзя верить ни в одном слове», когда «речь заходит об общей теории» и политических выводах, вытекающих из нее, ибо общественные науки - науки сугубо партийные¹.

Однако законы развития общества объективны. И общественные науки, отражающие разные классовые позиции, не могут добывать «свои» одинаково объективные (и взаимоисключающие) выводы. В каждой конкретной проблеме истина может быть только одна, и «правда не должна зависеть от того, - писал Ленин, - кому она должна служить»².

Поэтому ученый-марксист ни в коей мере не должен приспособлять науку и корректировать результаты своих исследований заранее определенным выводом или политической целью. «Коль скоро речь идет о «человеке науки»...- пояснял Энгельс,- то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике»³.

Борьба пролетариата за коммунизм не нуждается во лжи. Мироззрение восходящих общественных классов тем и отличается от политической спекуляции и ложного идеологизма, что оно обязывает к поиску истины. И теоретик,

---

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363-364.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 446.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 36, с. 170.

ученый может служить интересам рабочего класса только до тех пор, пока он не уклоняется от поиска истины. «Марксизм должен в посылки своей политики,- указывал Ленин,- ставить только точно и бесспорно доказанные факты»¹. Владимир Ильич всегда решительно требовал «смотреть правде прямо в лицо. В политике это всегда самая лучшая и единственно правильная система»².

Именно такого рода принципиальная и последовательная классовая позиция Ленина позволила ему наиболее объективно и наиболее полно увидеть и оценить глубинную суть процессов, происходящих в XX веке.

Диапазон ленинского идейного наследия поистине огромен. «В трудах Владимира Ильича получили дальнейшее обогащение и конкретизацию все составные части марксизма - философия, политическая экономия, научный коммунизм»³.

По существу, нет такой проблемы, которая была поставлена в нынешнем столетии перед человечеством - будь то проблемы философского осмысления новейших естественнонаучных открытий или дальнейших перспектив общественно-исторического развития, стратегии и тактики мирового коммунистического и освободительного движения или путей построения социализма, судеб культуры и цивилизации, взаимоотношений личности и общества, человека и природы, - нет такой проблемы, которая не получила бы в ленинских трудах того или иного решения, того или иного ответа...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 130.

³ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», с. 5.

Не будем в данной работе раскрывать содержание этих идей, все богатство ленинского теоретического наследия. Укажем лишь, что именно эти идеи стали надежным оружием Коммунистической партии, мирового революционного движения, дали ключ к пониманию сложнейших процессов, происходящих в современном мире.

Сознание обывателя, живущего сиюминутными заботами и мелкой повседневной суетой, постоянно демонстрирует нарушение культурной, интеллектуальной преемственности поколений, своего рода «разрыв цивилизации». Он не желает портить свои природные дарования изучением философии, истории и прочих премудростей. Привычно пользуясь цветным телевизором и холодильником, он абсолютно убежден, что нынешняя НТР не только перевернула всю сферу материального производства, быта, но и напрочь отмела все прежние представления о путях развития общества.

Современный ученый обыватель, подвизающийся на поприще буржуазной или реформистской идеологии, настолько снисходителен, что он может даже признать заслуги Ленина перед историей общественной мысли начала века. Но это «признание» делается лишь для того, чтобы причислить Ленина (как и его великих предшественников Маркса и Энгельса) к «гениям эпохи керосиновой лампы».

Что же касается второй половины века, то она якобы не имеет ничего общего с прежним капитализмом, ныне воплотившим в себе «разумные» начала, которые когда-то ассоциировались лишь с идеалами социализма. Национализация отдельных предприятий и даже отраслей народного хозяйства, успехи государственного регулирования экономики - все это, по мнению таких ученых, разрушает представления о капитализме,

существовавшие 100 - 50 лет тому назад, и опровергает те законы его развития, которые были установлены Марксом, Энгельсом, Лениным.

Что ж, человек может нарушить даже законы природы - на то он и человек, обладающий знанием и волей. В конце концов законы все равно возьмут свое, как это уже не раз бывало... Однако ирония истории заключается в том, что как раз те явления современной жизни, которые приводятся для того, чтобы опровергнуть марксизм, лучше всего подтверждают справедливость марксистского анализа основных тенденций развития капитализма.

Что касается буржуазной «национализации», то еще Энгельс едко высмеял этот «мнимый социализм» на примере полуанекдотического проекта национализации публичных домов, предложенного одним из советников прусского «просвещенного монарха» Фридриха-Вильгельма III. В 1907 году в своем капитальном труде «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции...» В. И. Ленин обстоятельно доказал, что и в условиях современного буржуазного государства национализация сама по себе, рассматриваемая в отрыве от характера власти, осуществляющей ее, не несет в себе ничего социалистического, что эта реформа, содействуя экономическому развитию и меняя лишь «владельца одной части прибавочной стоимости», вполне «логична» в пределах капитализма¹.

Что же касается государственного регулирования экономики в капиталистических странах и приписываемого марксистам вульгарного предрассудка, согласно которому капитализм отличается от социализма лишь отсутствием планомерности

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 271-277.

в развитии производства, то еще в 1917 году Ленин по этому поводу говорил:

«Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран.

...Интересно то, что Энгельс 27 лет тому назад отметил неудовлетворительность такой постановки вопроса о капитализме, которая не учитывает роли трестов, которая говорит: «капитализм отличается отсутствием планомерности». Энгельс замечает на это: «где есть трест, там нет отсутствия планомерности и есть капитализм». Это указание тем более уместно сделать теперь, когда мы имеем... государственно-монополистический капитализм. Введение планомерности не избавляет рабочих от того, что они - рабы, а капиталисты берут прибыль более «планомерно». Сейчас мы имеем прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его»¹.

Ленин был свидетелем становления, исследователем и одним из тех, кто творил современную эпоху. И многие из глобальных процессов, которые сегодня стали очевидными для всех, с величайшей прозорливостью выявлялись и прослеживались им уже тогда - в первые десятилетия нашего века, когда семена новой эпохи давали лишь первые ростки.

Сколько иллюзий породили современные ученые-«технократы», пытавшиеся доказать, что нынешнее капиталистическое «индустриальное общество» с помощью новейших ЭВМ и других достижений науки и техники сможет - без всяких социальных потрясений - решить все проблемы, стоящие перед человечеством...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 443-444.

Время подобных иллюзий сегодня, кажется, уже прошло. Ожидания были обмануты. Описание противоречивости социальных последствий научно-технической революции, критика отрицательных сторон прогресса и пороков нынешней буржуазной цивилизации стали уже общим местом даже в западной литературе и постепенно превращаются в банальность.

В чем же причины крушения этих «технократических» надежд? Почему рост общественного богатства обладает чертами ретроградного движения и вызывает растущие признаки политического и морального упадка? Чем объяснить, что такие великие силы цивилизации, как наука и техника, все более проявляют себя как силы, угрожающие самому существованию человека?

Подлинно научный ответ на эти вопросы впервые дали Маркс и Энгельс. В начале XX века на эти же вопросы ответил Ленин.

Не будем на сей раз обращаться к его фундаментальным работам... Почти 70 лет назад Владимир Ильич опубликовал небольшую популярную статью «Одна из великих побед техники»¹. В ней рассказывалось о новейшем (по тем временам) научном открытии - разработке способа подземной газификации угля.

Ленин показал, какие гигантские возможности для человечества заложены в широком практическом применении этого способа: огромный эффект в экономии человеческого труда и энергетических ресурсов планеты, улучшение условий самого труда и окружающей природной среды, реальная основа для ряда социальных преобразований и т. д. и т. п. «Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе, - писал Ленин, - будут совсем не те...»².

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 93-95.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 94

Достижения науки и техники, взятые сами по себе, в известном смысле не являются для человека ни добром, ни злом. Они становятся таковым в зависимости от того, как их применяет человек. Для магнатов капитала любое научное открытие - это прежде всего более эффективный способ получения прибыли. Хорошо, если достижение этой «высокой цели» не войдет в противоречие с интересами человечества. Ну, а если... О такого рода последствиях открытий в области исследования атомного ядра вряд ли стоит напоминать.

Вот почему, указывал Ленин, решение вопроса о том, станет данное открытие благом или злом для человека, зависит прежде всего от того, в чьи руки оно попадает, во имя чего, а главное, в каких общественных условиях оно реализуется. Вот почему даже такое благо, как экономия человеческого труда, которую сулила подземная газификация угля, в условиях капитализма может обернуться злом - массовой безработицей и ухудшением положения трудящихся.

Это, конечно, не означает, что решить проблему можно было бы на путях технического консерватизма или отказа от благ цивилизации. Тяжкий труд не способствует росту духовного богатства человека, от голода люди звереют. Но и материальное благополучие, комфорт, которые могут создать для человека научно-технические достижения, сами по себе не делают людей нравственно чище. Они создают лишь реальную вещественную основу для этого.

Значит, все дело в том, заключает Ленин, что современная «техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает» капиталистические общественные отношения. Остается лишь изменить эти отношения.

Диапазон мыслителя, масштабы и характер его воздействия на эпоху определяются не

только кругом затронутых им проблем, но и тем, кому адресует он свои труды.

XX век всколыхнул многомиллионные массы, и надо было дать им те позитивные идеи, которые могли сплотить их, указать цель. Десятки, сотни статей и выступлений Ленина были обращены к читателям и слушателям, осваивавшим лишь азбуку общественных наук, только недавно вступившим или вступающим на путь сознательной революционной борьбы. Надо было уметь донести до них эту азбуку. И этим умением Ленин владел в совершенстве.

Борис Пастернак однажды заметил: «Обращали ли вы внимание на сходство языка Льва Толстого с языком Ленина? Когда Италия напала на Абиссинию, «Известия» напечатали отрывки из толстовского дневника времени первого нападения Италии на Абиссинию, в середине девяностых годов. Прочитав выдержки, я был буквально потрясен открывшимся мне сходством. Может быть, я и увлекаюсь, но мне дорого это сходство, удивительное по общности тона, по простоте расправы с благовидными и общепризнанными условностями мещанской цивилизации империализма...»¹.

Но может быть, поэт действительно «увлекся»?

Однажды, после выступления Владимира Ильича на конгрессе Коминтерна, к нему подошла Клара Цеткин: «„Послушайте, товарищ Ленин, у нас председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, так неприязнательно, как вы. Он боялся бы казаться «недостаточно образованным». Я могу сравнить ваше искусство говорить только с одним: с великим искусством Толстого. У вас та же крупная, цельная, законченная

---

¹ «Литературное обозрение», 1978, № 4, с. 107.

линия, то же непреклонное чувство правды. В этом - красота. Может быть, это специфическая отличительная черта славянской природы?"

- Этого я не знаю, - ответил Ленин. - Я знаю только, что, когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли... Впрочем, хорошо, что никто не слышал о вашей гипотезе по части национальной психологии. Могли бы сказать: вот-вот, старик дает себя опутать комплиментами»¹.

Искусство обладает одним удивительным секретом. Фраза, сказанная великим мастером, приобретает характер непреложной истины. Вспомните начало «Анны Карениной»: «Все счастливые семьи...» и т. д. Вот уже многие десятки лет эти слова старательно выписываются в юношеские дневники; да и не только юношеские... Но поставьте перед собой вопрос, действительно ли все счастливые семьи «счастливы одинаково», а все несчастные – несчастливы «по-разному», и, казалось бы, непререкаемая истина начинает вызывать сомнения...

Пожалуй, еще большую известность имеют слова Горького, повторившего характеристику Ленина, данную одним из рабочих: «прост, как правда»... А существует ли «простая» правда? Даже «дважды два - четыре» становится простым лишь после ликвидации неграмотности...

Некогда апостолы христианства полагали, что темной и неразвитой массе рабов вполне достаточно дать несколько элементарных идей, что вообще любые проблемы, стоящие перед человечеством, можно решить с помощью простых истин и заповедей. Но христианское «не убий» или «не укради» оказалось слабой преградой для тех, кто столетиями грабил и убивал людей. И в

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 32.

XX веке находилось немало охотников решать любые глобальные и сложнейшие проблемы, стоящие перед населением земного шара, с помощью «простых» идей... Ленин иронизировал над такого рода любителями прописных истин. «...Мало убеждения в том, - писал он, - что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и уменя на ней ездить»¹.

Когда-то для таких наук, как физика, математика, было установлено понятие «точные науки», хотя уже Энгельс отмечал известную его относительность. Но это никогда не означало, что науки общественные имеют право быть неточными. Ленин не раз указывал, что именно в этих науках, где «судьбы людские» являются самим предметом науки, упрощение, однозначность решения всегда рискуют обернуться примитивизацией и вульгаризацией.

2 марта 1913 года «Правда» опубликовала его статью «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России». Тема ее ясна из заголовка. Но как охарактеризовать в небольшой газетной статье эту основу основ аграрных отношений в деревне, как сделать статью доступной для каждого рабочего и крестьянина?

Ленин рисует большой белый четырехугольник. Это - владение крупного помещика. Вокруг четырехугольника он рисует маленькие квадратики - это мелкие крестьянские участки. Всего квадратиков 324, а площадь четырехугольника равна 320 квадратам. Вот то соотношение, которое существует между площадями помещичьего и крестьянского землевладения в европейской России. И Ленин пишет: «В среднем приходится, значит, на одного крупнейшего помещика около 330 беднейших крестьянских семей, причем у каждой крестьянской семьи земли около 7 (семи)

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 15.

десятин, а у каждого крупнейшего помещика - около 2300 (двух тысяч трехсот) десятин»¹. И все. В статье всего лишь два десятка строк, но экономическая и политическая сущность аграрного вопроса изложена. К этому Ленин привел своего читателя с максимумом наглядности и убедительности.

Но что стояло за ленинскими квадратиками? На протяжении ряда лет, работая над «Развитием капитализма в России», «Аграрной программой социал-демократии в первой русской революции 1905 - 1907 годов» и другими исследованиями, Ленин из сотен книг, статей, статистических сборников и обзоров, содержащих богатейший фактический материал, отбирает работы наиболее полные, наиболее объективные и добросовестные. Данные, имеющиеся в этих работах, он еще и еще раз скрупулезно проверяет, уточняет, классифицирует и перегруппировывает, освобождая саму статистику от предвзятых схем и заданных выводов, и, наконец, заново пересчитывает. Лишь после этого приступает он к анализу, который и дает наиболее полную картину действительного положения в России и общественно-экономических отношений в русской деревне со всеми политическими и философскими аспектами затронутых проблем. Вот что стояло за маленькой ленинской статьей! Ленин не раскрывал в статье свою научную лабораторию, весь исследованный им гигантский материал, который и определил параметры квадратов. Он дал минимум представлений и выводов. Но этот **минимум** представлений опирался на **максимум** знаний.

Перелистаем ленинские труды, определившие стратегию и тактику нашей партии, исторические судьбы марксизма. Эти фундаментальные произведения

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 11.

сделали бы честь любому прославленному мыслителю человечества. Теоретические ленинские работы были рассчитаны на подготовленного читателя - не в смысле образовательного ценза, но на читателя, знающего, интересующегося, изучающего эти проблемы. Для такого читателя и размышления Ленина о солипсизме Маха и Авенариуса, и выводы по теории дифференциальной ренты, и анализ тенденций развития государственно-монополистического капитализма или исторических уроков Парижской коммуны - все звучало удивительно точно, глубоко обоснованно и потому просто. И только изучение всей суммы ленинских произведений может создать ясное представление о Ленине - мыслителе и теоретике.

Авторитет Ленина среди миллионов и миллионов людей сегодня настолько велик, что его именем иногда пытаются прикрыться те, кто не имеет и не должен иметь никакого отношения ни к Ленину, ни к ленинизму. Сегодня ссылки на Ленина мы находим даже в статьях откровенных оппортунистов и антикоммунистов, призывающих пересмотреть «обветшавшие догмы марксизма». Из всего гигантского ленинского наследия они пытаются вырвать какие-то фразы или цитаты для того, чтобы использовать их в своих спекулятивных целях.

Леонид Лиходеев как-то хорошо написал о таких людях: «Это они для подтверждения своих ничтожных взглядов призывают на помощь классиков и заставляют их поддерживать то, что им даже в голову не приходило. Этим людям нужны не книги, им нужны цитаты. Они выколулпиват кирпичи из великих строений духа и швыряют их на головы своим оппонентам»¹.

---

¹ «Журналист», 1968, № 4, с. 14.

Ленинские работы основывались на диалектическом единстве фактора исторического, который нельзя отнести к другому времени, не исказив его смысл, и фактора истинного в применении к любому времени. Выдергивание же цитат без вдумчивого анализа этих особенностей ленинского диалектического мышления может привести к самым печальным результатам.

В попытках цепляться за «старые слова» Ленин видел лишь проявление тупого догматизма. Когда реакция, наступившая после поражения революции 1905-1907 годов, стала вновь сменяться революционным подъемом, Ленин сразу же указал на необходимость приспособления форм партийного «подполья» к новым условиям борьбы. В ответ на возражения он писал:

«Комики! Гонятся за словом, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая совсем новые формы, лишь частью «уцепленные» нами.

Люди большей частью (99% из буржуазии, 98% из ликвидаторов, около 60 - 70% из большевиков) не умеют думать, а только заучивают **слова**. Заучили слово: «подполье». Твердо. Повторить могут. Наизусть знают.

А как надо изменить его формы в новой обстановке, как для этого **заново** учиться и думать надо, этого **мы** не понимаем»¹.

В свое время В. Либкнехт сформулировал один из законов политической борьбы: «Если обстоятельства меняются в двадцать четыре часа, то и тактика меняется в двадцать четыре часа». Политическая деятельность Ленина проходила именно в такую эпоху, когда реальная обстановка и расстановка сил на политической арене изменялись непрерывно, когда эти изменения и сама логика борьбы превращали те или иные идеи и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 242-243.

лозунги, те или иные формы и методы работы, абсолютно правильные вчера, в свою полную противоположность сегодня. И Ленин - величайший мастер революционной стратегии и тактики - всегда точно реагировал на эти объективные изменения, уточнял или пересматривал вчерашние идеи и лозунги.

Пример, связанный с отношением Ленина к лозунгу «Вся власть Советам!», достаточно известен... В 1917 году на определенном этапе борьбы, когда после свержения самодержавия в стране установилось двоевластие, этот лозунг означал мирный путь развития революции. На другом этапе, когда после июльских событий двоевластие окончилось, меньшевистско-эсеровские лидеры превратили Советы в фиговый листок контрреволюции. Ленин тогда, естественно, требовал временно снять этот лозунг. На третьем этапе, когда в ходе борьбы с корниловщиной Советы проявили себя как подлинно революционные органы, лозунг «Вся власть Советам!» был вновь восстановлен. Но в новых условиях, лишь на несколько дней вновь открыв возможность мирного развития революции, он становится затем уже лозунгом победоносного вооруженного восстания... И все это на протяжении лишь семи месяцев одного года!

Другой пример. В условиях гражданской войны, при государственной монополии на хлебную торговлю, стремление крестьян к свободе торгового оборота Ленин расценивал как противоречащее борьбе за социализм. Ибо без концентрации всех продовольственных ресурсов страны и жесткого централизованного распределения их победа революции была невозможна. Город, рабочий класс просто вымерли бы от голода... Именно в этот период Елизавета Драбкина слышала, как крошечная питерская девчужка, донельзя худая, похожая на старушку, бормотала своей

кукле - запеленатому в тряпку чурбанчику: «Варька, не реви, не надрывай ты мне душу! Вот принесу получку, куплю картошки, наварю и поставлю тебе, как царице, полную миску!»¹. Государственная монополия на торговлю хлебом помогла выстоять и победить. Но когда война окончилась, при переходе к нэпу, Ленин доказывал, что в новых условиях свобода местного торгового оборота не только не противоречит, наоборот, способствует социалистическому строительству.

Выше уже упоминалось о том, что в 90-х годах Ленин решительно выступил против призыва Струве «идти на выучку к капитализму», ибо перед рабочим классом стояла иная задача свергнуть сначала царизм, а затем и буржуазию. Но после того как буржуазия была свергнута, гражданская война окончена, Ленин на XI съезде партии указывал коммунистам - людям, сидевшим в тюрьмах, отдавшим десятки лет жизни революционной борьбе, на необходимость учиться у капитализма рациональной организации производства, учиться у умных капиталистов тому, как вести коммерческие дела, учиться даже у толкового приказчика, который десятки лет сидел в купеческих лабазах. Ибо без умения наладить производство и организовать экономику, говорил Владимир Ильич, «Советская власть существовать не может»².

В десятках работ, написанных до 1917 года, Ленин иронизировал над утопическими мечтаниями и реакционными идеями теоретиков «кооперативного социализма», полагавших, что социализм можно построить без диктатуры пролетариата с помощью одной лишь кооперации. После

---

¹ Драбкина Е. Черные сухари. Рассказы. М., 1970, с. 53.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 80.

победы Советской власти в своей статье «О кооперации» Ленин призывал коммунистов изучать «старых кооператоров» и опыт кооперативного движения, указывал на «совершенно исключительное значение» кооперации в решении задач, стоявших перед диктатурой пролетариата, называл социализм (в определенном смысле) строем «цивилизованных кооператоров».

Правильная революционная теория, указывал Ленин, «не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения»¹. Горький выразил эту мысль по-своему... В письме Ромену Роллану он отметил: «Я - знаю, что он любил людей, а не идеи, вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали интересы народа»².

Всегда важно понять ход ленинской мысли, условия, в которой она формируется, саму логику его мышления. Ибо ссылка на Ленина не освобождает от необходимости мыслить самому. Она должна помочь мыслить самостоятельно, искать и находить правильные решения «по методу» Ленина.

Владимир Ильич всегда выступал против попыток отделить научную постановку и трактовку тех или иных политических и социальных проблем, предполагающую их сложность и противоречивость, от предназначенной для «массы», допускающей якобы освещение тех же проблем в «облегченном» виде. В 1922 году он сформулировал эту мысль так: популярная литература должна учить массы «не «полунауке», а всей науке»³. И уж совсем нетерпимыми - «отвратительной

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

² В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 3-е. М., 1969, с. 336.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 210.

лицемерной ложью» - считал он те книги «для народа», которые пытались так или иначе приукрасить жизнь, где имел место «полный разрыв книги с практикой жизни... где все было расписано в самом лучшем виде...»¹.

Статьи для рабочих или крестьян и программные теоретические труды были для Ленина разными классами **одной** школы.

С большой школой - «низшей, средней и высшей в одно и то же время» - сравнивал нашу партию Ленин. Одна из важнейших задач этой школы - преподавание азбуки, которая должна дать не только начатки знаний, но и начатки самостоятельного мышления. Преподавание азбуки неграмотным - благодарное дело. Его результаты прочны и глубоки, ибо оно поднимает огромную массу людей от «нуля» (внеисторического, полуживотного состояния) до реально измеримых величин (до понимания необходимости изменения своего состояния и борьбы за определенные цели и идеалы).

Но и после этого степень высших знаний остается доступной лишь во много раз меньшему кругу лиц. Отвергать на этом основании важность и нужность высших знаний, их узкие (по кругу лиц) и в известном смысле «сомнительные» (по сложности, противоречивости, непрерывному изменению) результаты, противопоставлять их широте и бесспорности азбуки было бы, как писал Ленин, «близорукостью невероятной». Это содействовало бы «полному извращению всего смысла большой школы, ибо игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей»².

---

¹ Ленин В. И. Поли собр. соч., т. 41, с. 302.

² Ленин В. И, Полн. собр. соч., т. 10, с. 358.

Это было написано в 1905 году в статье «О смешении политики с педагогикой»... Через 15 лет, три года спустя после Октября, Клара Цеткин в беседе с Лениным сказала ему: «Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность... В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес»,

Ленин возразил ей: безграмотность еще как-то уживалась, да и то в известных пределах или, вернее сказать, в определенный период, «с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее». А это лучшее, «согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы». И вот с решением этой задачи, подчеркнул Ленин, безграмотность не уживается совершенно¹.

2 октября 1920 года, выступая на III съезде комсомола и обращаясь к тем, кто должен был продолжить дело старшего поколения коммунистов-революционеров, Владимир Ильич предупреждал о той величайшей опасности, которую таит в себе не только безграмотность и бескультурие, но и облегченное и поверхностное изучение марксизма, восприятие его лишь как суммы готовых выводов или лозунгов.

Такой подход к коммунистическому учению, указывал Ленин, не только чудовищно и губительно

---

¹ См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 15.

обедняет самого коммуниста как личность, превращает его в коммунистического начетчика или хвастуна. Главное - такие коммунисты вообще не сумеют жить и «действовать так, как того действительно коммунизм требует», и, наконец, самое страшное - в таких руках коммунизм вообще «превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску...»¹.

«Если бы мы вовремя эту опасность не поняли, - говорил Владимир Ильич, - и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма»².

И далее, определяя главные задачи, Ленин указывал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество ... Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека»³.

Те проблемы, которые заставили Владимира Ильича столь остро ставить вопрос о содержании и формах идеологической, агитационно-пропагандистской работы в массах, далеко выходили за рамки сугубо российской специфики.

XX век пробудил к политической жизни и вывел на историческую арену миллионы и миллионы людей. Но это не означает, что они «естественно»,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 302, 305.

² Там же, с. 302.

³ Там же, с. 305.

сами по себе становятся под знамя социализма, знамя борьбы за передовые идеи эпохи. Среди этих миллионов пролетариат отнюдь не составляет большинства, а мелкобуржуазная масса может стать союзником не только коммунистического движения. После Октября идеи социализма приобрели колоссальное влияние среди угнетенных всего мира. Выступать против этих идей открыто становится необычайно сложным, так же как становится все более невозможным строить «большую политику» без масс, без учета их настроений. И антиподы коммунизма прибегают к мимикрии. Они охотно кричат и о «р-р-революции», и об «интересах народа», используют в своих целях и псевдоантиимпериалистическую и псевдосоциалистическую фразеологию, паразитируя на массовых движениях.

Призывая коммунистов упорно учиться самим и энергичнее работать над просвещением масс в духе коммунистических идей, Ленин предостерегал их от каких бы то ни было «прекраснодушных» иллюзий. В 1922 году, после беседы с итальянскими товарищами, рассказавшими ему о своих первых схватках с фашистами, но не придавших еще должного значения самому факту появления фашизма, Ленин на конгрессе Коминтерна говорил, что именно фашизм должен убедить итальянцев в том, что «они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни»¹.

С помощью демагогии, пробуждая фанатизм и низменные инстинкты, опираясь на темноту и политическую неразвитость масс, реакция не раз делала их своим слепым орудием, превращала массы в послушную толпу. И если они выходили на политическую арену в таком качестве,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 293.

под таким знаменем, делу социализма, делу прогресса и цивилизации наносился неизмеримый ущерб.

Проблема идейной, социальной ориентации многомиллионного движения народов становится проблемой, от которой во многом будут зависеть исторические судьбы человечества. Союз рабочего класса, всех трудящихся и угнетенных народов, всех антиимпериалистических сил в борьбе за мир, демократию, социализм и прогресс - к этому зовут ленинские идеи. Союз «желтых» и «черных» против «белых», «всемирная деревня» против «мирового города» - к этому зовут маоисты. И те, кто сегодня пытается сориентировать движение угнетенных народов именно по этому второму пути, совершают преступление против коммунизма, против цивилизации, против всего человечества.

Величайшая заслуга коммунистов и их вождя Ленина перед человечеством заключается в том, что всей своей деятельностью они не только способствовали и способствуют пробуждению масс, но и все свои силы, всю энергию отдают их просвещению и организации. Помогают осознать свои действительные интересы. Поднимают до уровня сознательных борцов за интересы всего народа, всего человечества. То есть превращают их из «страдающего» объекта в субъект истории, в силу, способную сознательно влиять на ее ход. И чем успешнее идет этот процесс, тем шире и глубже распространяются повсюду ленинские идеи. Именно эти глубочайшие социальные сдвиги, проходящие во всем мире, сделали и делают имя Ленина, ленинизм достоянием миллионов.

ДИАПАЗОН ЛИЧНОСТИ

В 1902 году, работая в редакции «Искры» в Лондоне, Ленин частенько заходил в коммуны, которую устроили русские эмигранты-социалисты. Впоследствии, рассказывая о ней С. И. Гусеву, Владимир Ильич говорил: «Нельзя жить в доме, где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете. Я бы с ума сошел, если бы пришлось жить в коммуне, вроде той, что в 1902 году Мартов, Засулич и Алексеев организовали в Лондоне. Это больше чем дом с открытыми окнами, это проходной двор. Чернышевский правильно заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного...»¹.

Вероятно, поэтому Владимир Ильич не так уж часто рассказывал о своих сугубо личных делах и переживаниях. «Он, как никто, - заметил Горький, - умел молчать о тайных бурях в своей душе». А если иногда в брошенной мимоходом реплике или в постскриптуме к письму вырывалось что-либо, то обычно лишь в самой шуточной, иронической форме...

Скольких революционеров сломала царская тюрьма с ее мрачными одиночками и карцерами,

---

¹ «Юность», 1969, № 9, с. 78.

жестокими надзирателями, раз навсегда заведенным тупым распорядком жизни... Ломала не скудностью казенного пайка, не жесткостью арестантской койки. Ломала одиночеством и кажущейся безысходностью. Тюрма становилась экзаменом для революционного романтизма, нередко разбивавшегося об эти сырые и холодные стены.

Первое знакомство Владимира Ильича с тюрьмой было недолгим. Второе, в 1895-1897 годах, продолжалось 14 месяцев. Об этих месяцах Ленин чаще всего вспоминал с юмором. Во время свидания он говорил сестре: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, - меня взять не могут».

В 1898 году, когда в тюрьму попадает его младший брат Дмитрий, Владимир Ильич пишет матери: «Во-1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) - 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал - и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви!»¹.

Октябрь 1916 года. Ленин в Цюрихе. Отсюда он руководит деятельностью большевиков в

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 72.

России, пишет статьи в партийную прессу и каждый день, утром и вечером, сидит в библиотеке над рукописью «Марксизм о государстве» (потом по этим материалам он напишет книгу «Государство и революция»). А в Европе полыхает война. И одно из последствий ее - инфляция и дороговизна. В самом Цюрихе платной работы не найти... И вот в конце большого письма, целиком посвященного партийным делам, появляется фраза: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!!»¹. Ироническим «поколевать» Владимир Ильич пытается прикрыть драматизм реальной жизненной ситуации...

Июль 1917 года. Агенты Временного правительства планомерно и методично ищут Ленина. Угроза кровавой расправы идет за ним по пятам. И Владимир Ильич пишет: «Entre nous²: если меня ужокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная... Условие: все сие абсолютно entre nous!»³. Итак, вместо торжественного и трагического «погибну» - ироническое «ужокошат», да и оно то «абсолютно между нами».

Перед лицом смерти люди нередко открываются самыми неожиданными сторонами. Порой их поведение настолько не соответствует существовавшему представлению о данном человеке, что не стоит и писать об этих минутах... Но применительно к Ленину и эта тема дает лишь новые штрихи, дополняющие сложившийся образ...

В конце 1907 года русская полиция выследила Ленина в Финляндии. Надо было немедленно

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 302.

² Entre nous - между нами (франц.)

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 444.

уходить, и уходить по льду до ближайшего острова, чтобы там незаметно сесть на пароход. «...До острова надо было идти версты три по льду, - рассказывает Крупская, - а лед, несмотря на то что был декабрь, был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли - лед стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались... Лишь случайность спасла Ильича от гибели. А Ильич рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: „Эх, как глупо приходится погибать“»¹.

Крупская рассказывает, что «финны дивились, как этот человек пошел на такой риск. Как гибнут в море, они знали, как гибнут в тюрьмах в руках русских палачей, тогда, в 1907 году, они представляли себе довольно смутно. Ильич это хорошо знал и пошел на риск»².

30 августа 1918 года... В Ленина, почти в упор, отравленными пулями стреляет эсеровская террористка... «Тов. Ленин, - рассказывает профессор Б. С. Вейсброд, - был на грани между жизнью и смертью; из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было. У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний... «Оставьте меня в покое» или «Спасите меня».

Между тем, тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 138.

² Рядом с Лениным. Воспоминания о Н. К. Крупской. М., 1969, с. 224-225.

меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить». Таким образом, тов. Ленин... борясь между жизнью и смертью... сумел подавить в себе инстинкт, толкающий обычно всех больных к выражению совершенно иных, чисто личных желаний»¹.

Вставка к стр. 73

19 января 1919 года. По дороге в Сокольники, где в лесной школе устраивали для детей елку, машину Ленина останавливают какие-то люди. Шофер подумал - обычный милицейский патруль... Оказалось - бандиты, известная по тем временам шайка матерого убийцы Кошелькова...

Все дальнейшее происходит в одно мгновение...

Марию Ильиничну и Владимира Ильича сразу же высаживают из автомобиля и один из бандитов - высокий блондин в короткой теплой куртке, с ничего не выражающим, равнодушным лицом - приставляет к виску Ильича револьвер...

Для шофера и сопровождавшего машину чекиста ясно: оказывать сопротивление поздно... Жизнь Ильича - на волоске...

Бандиты отбирают у Владимира Ильича и других пассажиров оружие, выворачивают карманы, затем прыгают в машину и исчезают..

Ленин и его спутники остаются на дороге. Все молчат, потрясенные случившимся и вдруг... Владимир Ильич начинает хохотать, глядя не чекиста Чебанова...

---

¹ «Правда», 1924, 24 янв.

Еще в машине, на тряской дороге, его попросили подержать бидон с молоком и, несмотря на трагизм произошедшего, он успел вынуть этот бидон из автомобиля и теперь держал его в руках как самую большую драгоценность... Напряжение спадает и все, вслед за Владимиром Ильичем, начинают весело хохотать¹.

Через четыре месяца, 19 мая, выступая на Всероссийском съезде по внешкольному образованию, Ленин говорит: "Представьте себе, что ваш автомобиль окружают бандиты и приставляют вам револьвер к виску". И далее он анализирует на этом случае проблему политического компромисса².

К этому примеру Ленин возвращается и в "Детской болезни "левизны" в коммунизме": "Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно... Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс "принципиально недопустимым" или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев, а в случае, который был со мной лично, действительно так и поступили, но потом были пойманы и расстреляны"³.

---

¹ См. Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1969, с. 370-383.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 341-342.

³ Ленин В.И. Изд. 3-е, т. XXV, с. 184; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 19.

Позднее Крупская, говоря о Ленине, заметила: «...не только пережитое в молодости наложило на него свою печать; в жизни часто Ильич стоял на краю смерти. Это тоже отпечаток свой кладет, тоже страшит от мелких чувств»¹.

Повторяю, свидетельств, рассказывающих о подобных минутах в жизни Владимира Ильича, не так уж много... Но стоит ли вообще выискивать их, останавливать на них внимание? Да, стоит, ибо в ленинской индивидуальности наиболее полно воплотились нравственные идеалы революционного класса и, говоря словами Луначарского, даже «биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность»².

Как-то в одном из писем Горький писал, что человеческий характер проявляется в отношении людей «к внешним, мелким фактам их бытия. Человек ловится на мелочах, в крупном - можно «притвориться», мелочь - всегда выдаст истинную «суть души», ее рисунок, ее тяготения»³.

Вряд ли можно согласиться с Горьким целиком, потому что главным в оценке человека все-таки остается дело. И для современников и для истории всегда важно было не то, как данный человек

---

¹ Рядом с Лениным, с. 224.

² Луначарский А. В. Собр. соч., т. 8. М., 1967, с. 60.

³ «Известия», 1964, 2 окт.

ел или ходил, а именно социальное поведение личности. Еще в 1894 году Ленин писал: «...по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, - а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей...»¹.

Эту мысль он неоднократно повторял и потом: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Впрочем, тут же Владимир Ильич добавлял: «...можно понять психологию того или иного участника борьбы, но не смысл борьбы, не значение ее партийное и политическое»². Ну, а раз «можно понять психологию», то прислушаться к совету Горького надо, ибо сам Ленин однажды, шутя, написал ему: «...тут «психология», Вам и книги в руки»³. Поэтому, может быть, имеет смысл продолжить разговор о Ленине-человеке с характеристик, которые для политического деятеля на первый взгляд могут показаться мелкими и второстепенными.

Что может с этой точки зрения характеризовать человека? Может быть, какой-то внешний рисунок его поведения, темперамент, какие-то «непрограммируемые» привычки?

В 1935 году ученые Института мозга, исследуя личность Владимира Ильича в самых многообразных ее проявлениях, составили список такого рода вопросов. Ответила на них Крупская:

«Слабым не был... Был подвижной. Ходить предпочитал... Ходил быстро. При ходьбе не покачивался и руками особенно не размахивал.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423-424.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

³ Там же, с. 152.

Неуклюжим не был, скорее ловкий. Беспорядочности и суетливости в движениях не было. На ногах был очень тверд...

Гимнастикой не занимался... Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде... Вдаль видел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле. Глазомер у него был хороший - стрелял хорошо и в городки играл недурно...

Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще... Азарт на охоте - ползание за утками на четвереньках. Зряшного риска - ради риска - нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости... Высоты не боялся - в горах ходил «по самому краю». Быструю езду любил...

Смел и отважен»¹.

Что может еще характеризовать человека?

Может быть, музыкальные вкусы? Ведь еще

Лев Толстой заметил, что «музыка - это, может быть, самое практическое доказательство духовности нашего существования».

О том, что Ленин любил классическую музыку и глубоко понимал ее, о том, что он, в частности, очень любил Бетховена, достаточно широко известно.

«Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, - пишет Горький, - Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаия Добровейн, сказал:

- Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»².

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 479, 480, 483, 485.

² В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 328.

Писательнице Софье Виноградской довелось однажды наблюдать за Владимиром Ильичем во время концерта, на котором исполнялась музыка Чайковского: «Откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди, слушал Ленин, как Шор, Пинке и Крейн выводили трио Чайковского. Он сидел вполоборота к залу, чуть наклонясь... Глаза Ленина были задумчиво-сосредоточенными, словно он обдумывал какую-то мысль. Потом они стали напряженными - казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей. Вот Ленин разнял обе руки и закинул, словно уронил от усталости одну руку за спинку стула. Лицо его постепенно становилось спокойным, черты теряли твердость»¹.

Крупская пишет: «Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как больной». Любил музыку Вагнера? Споры о его сложном, противоречивом творчестве не умолкают и по сей день. Были в нем и такие страницы, как драма-мистерия «Персифаль», где отрешенность от всего земного сочеталась с мистической символикой и пафосом религиозного служения... Но были и совсем другие - утверждавшие красоту и радость бытия, величие человека, мощь его свободного духа...

О его творчестве - «могучем и жестоком, как все могучее» - Александр Блок писал в 1918 году: «Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации и поднимет народ на высоту

---

¹ Виноградская С. Рассказы о Ленине. М., 1965, с. 123.

артистического человечества». В этом революционном пафосе Блок усматривал главное в эстетике Вагнера. «Новое время тревожно и беспокойно, - продолжал Блок.- Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем. Это будет уже не самодовольное ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту»¹.

Схожие мысли о Вагнере высказывала и Клара Цеткин: «Лишь тогда, когда труд сбросит ярмо капитализма... лишь тогда мечта о свободе искусства обретет реальность и гений художника сумеет свободно совершать свой полет ввысь. Это давно понял и возвестил миру один избраннык искусства - Рихард Вагнер»².

Что же еще можно сказать о музыкальных вкусах Владимира Ильича? Крупская пишет: «Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино... Оперу любил больше балета»³. Казалось бы, вопрос о музыкальных вкусах можно считать исчерпанным...

Но рядом с этим мы видим и нечто другое...

Многие из тех, кто встречался с Владимиром Ильичем в домашнем кругу, пишут о том, как любил он революционную, русскую народную песню, старинные романсы. С каким удовольствием пел, как бы растворяясь в поющей массе импровизированного хора. Голос у него был «громкий, но не крикливый, грудной. Баритон». Любил такие песни, как

---

¹ Блок А. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 8. М. - Л., 1936, с. 59.

² «Новый мир», 1957, № 8, с. 180.

³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 483, 484.

«Замучен в тяжелой неволе», «Варшавянка», «Вставай, подымайся, рабочий народ». Любил романсы и арии «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно» ... Любил напевать и насвистывать»¹.

Казалось бы, что на этом и можно закончить разговор о музыкальных вкусах. Но рядом с этим мы видим и нечто третье...

Надежда Константиновна Крупская рассказывает, как, будучи в Париже в 1910-1912 годах, они охотно ходили в рабочие кафе или пригородные театры, где выступали революционные шансонье. «Особенно нравился Ильичу Монтегюс, - пишет Крупская. - Сын коммунара, Монтегюс был любимец рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях - всегда с ярко бытовой окраской, не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения. Ильич часто напевал его привет 17-му полку, отказавшемуся стрелять в стачечников... Однажды на русской вечеринке Ильич разговорился с Монтегюсом, и странно, эти столь разные люди... размечтались о мировой революции. Так бывает иногда встретятся в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговаривают о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время, потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке, - на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном»².

Итак, мы взяли, казалось бы, совершенно третьестепенную для политического деятеля

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 480, 482.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 4-е. М., 1969, с. 627-628.

область - музыкальные вкусы. Но даже в них мы видим у Ленина отражение того, что называют диапазоном личности. И проявлялся он во всем...

«Театр очень любил, - пишет о Ленине Крупская, - всегда это производило на него сильное впечатление». Причем в театре, как и в литературе, живописи, он более всего ценил реализм, русских классиков. Особое предпочтение отдавал Московскому Художественному театру. «Превосходно играют, - писал Владимир Ильич в 1901 году, - в «Художественно-Общедоступном» - до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...»¹. Спустя годы, уже после Октября, Ленин говорил: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, - это, конечно, Художественный театр»².

Любимыми его авторами были Чехов, Толстой, Горький, Островский и др. «У них учились, - пишет Крупская, - наши революционеры вглядываться в жизнь, в людей, в их поступки, учились замечать и ненавидеть пошлость, глупость, лицемерие, фразерство, бездушие... учились ценить в людях самых незаметных, затертых жизнью, их стремление к светлому будущему, их убежденность, талант, энергию, героизм»³.

Но можно ли на этом закончить разговор о театральных вкусах Ленина? Конечно, нет.

Л. А. Фотиева вспоминает, как в 1905 году она пошла с Владимиром Ильичем в один из парижских театров, где «показывали коротенькие

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 204.

² Дрейден С. В зрительном зале - Владимир Ильич. М., 1967, с. 6.

³ Крупская Н. К. Педагогические сочинения, т. 11. М., 1963, с. 571.

сценки легкого жанра. Запомнилась одна: «Ноги Парижа». Из-под опущенного до уровня колен занавеса видны были ноги проходящих по сцене людей разных профессий и общественного положения. Один за другим шли: рабочий, ламповщик, гризетка, священник, полисмен, мелкий лавочник, парижский денди и т. п. Ноги были так подчеркнута типичны, что нельзя было не узнать, кому они принадлежали, невольно рисовался весь облик данного лица. Это получалось очень смешно. Владимир Ильич хохотал так заразительно, как только он один умел...»¹.

Горький рассказывает, как в 1907 году они пошли «небольшой компанией в «мюзик-холл» - демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное...» Он «интересно говорил об «эксцентризме» как особой форме театрального искусства.

- Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а - интересно!»².

Попробуем взять характеристики, связанные с областью человеческих эмоций... Когда Крупскую спросили, какое состояние было наиболее характерным для Владимира Ильича, она ответила: «Обычное, преобладающее настроение - напряженная сосредоточенность». Крупская рассказывает: «На прогулке, бывало, идет молча, сосредоточенно. Тогда я тоже не говорю, даю ему уйти в себя... Бывали случаи, когда какая-нибудь неожиданная реплика показывала, что, гуляя, он сосредоточенно и напряженно думал,

---

¹ Воспоминания о Ленине, т. 2, с. 159.

² В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 302.

обдумывал... После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен... Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках... Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Думаю, что отчасти, чтобы не беспокоить, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоить и хозяев квартиры. Но это только отчасти.

Кроме того, наверное, еще и потому, что такой быстрой бесшумной ходьбой на цыпочках создавалась еще большая сосредоточенность¹.

Казалось бы, характеристика достаточно определена. Но... не будем торопиться, потому что тут же, отметив «напряженную сосредоточенность», Крупская пишет: «Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны... Впечатлителен. Реагировал очень сильно... Веселый и шуточный... Улыбался очень часто. Улыбка хорошая, ехидной и «вежливой» она не была. Ух, как умел хохотать. До слез»².

Николай Семашко, старый большевик, рассказывает, что, когда собирались товарищи, Владимир Ильич был центром всеобщего веселья. «Его юмор и жизнерадостность, клокочущая энергия, - пишет он, - проявлялись и здесь; вокруг него стон стоит от смеха»³.

Итак - «напряженная сосредоточенность» и... «вокруг него стон стоит от смеха». Что это - о разных людях? Нет. Обе характеристики относятся к Владимиру Ильичу.

Особенно разительны эти контрасты при сопоставлении различных воспоминаний.

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 479, 481, 485.

² Там же, с. 480, 484, 485.

³ «Известия», 1923, 14 марта.

Весной 1904 года Ленин, живший тогда в Женеве, вместе с Надеждой Константиновной и Марией Эссен пошли на прогулку в горы. Это был период ожесточенной борьбы с меньшевиками, но, отправляясь на прогулку, все договорились о меньшевиках не говорить, чтобы «не портить пейзажа». Решили подняться на одну из снежных вершин. «Наконец, - рассказывает Эссен, - добрались. Ландшафт беспредельный, неопишима игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже - растения севера, а дальше - сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: „А здорово гадят меньшевики!..“»¹.

Казалось бы, можно делать определенный вывод: Ленин был человеком целеустремленным, всю свою жизнь он отдал делу партии, борьбе рабочего класса и поэтому всякие обычные для смертных «эмоции» его мало волновали...

Можно найти еще факты, которые, казалось бы, подтверждают этот вывод. Последний раз Ленин был в театре 29 октября 1922 года. Он смотрел пьесу Диккенса «Сверчок на печи». «Уже после первого действия, - рассказывает Крупская, - Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия»².

Казалось бы, уж теперь у нас достаточно оснований... Но не будем опять торопиться. Вот воспоминания Мартына Лядова: «...я помню

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 120.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве, с. 629.

Ильича на спектакле Сары Бернар в Женеве: мы сидели рядом в ложе, и я был очень удивлен, увидав вдруг, что Ильич украдкой утирает слезы»¹. И опять невольно задаешь себе вопрос - о ком это? Да, это тоже о Владимире Ильиче.

Ну а теперь сопоставьте воспоминания Марии Эссен с записями В. Д. Бонч-Бруевича, относящимися к тому же периоду.

В те дни, рассказывает Владимир Дмитриевич, борьба Ленина с меньшевиками достигла особой остроты. Ильич работал днями и ночами. Он похудел, осунулся. Мучили головные боли, бессонница... Целыми днями напряженно работали и другие большевики, жившие в Женеве, - сидели над документами, писали статьи и письма, готовили доклады. А на женевских улицах именно в эти дни сверкал и шумел ежегодный карнавал.

«Не до веселья было нам, - пишет Бонч-Бруевич. - На улицу даже не тянуло. Вдруг звонок. Входит Владимир Ильич, оживившийся, веселый.

- Что это мы все сидим за книгами, угрюмые, серьезные? Смотрите, какое веселье на улицах!.. Идемте гулять! ...Все важные вопросы отложим до завтра...

...Шумной толпой вышли на улицу. Погода стояла прекрасная, теплая... Пела вся улица веселые бодрые песни... Вдруг Владимир Ильич быстро, энергично схватив нас за руки, мгновенно образовал круг около нескольких девушек, одетых в маски, и мы запели, закружились, заплясали вокруг них. Те ответили песней и тоже стали танцевать. Круг наш увеличился, и в общем веселье мы неслись по улице гирляндой, окружая то одних, то других, увлекали всех на своем пути... Надо было видеть, с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением

---

¹ У великой могилы. М., 1924, с. 164.

и заражавшим всех подъемом веселился Владимир Ильич...»¹.

Отмечая особенность характера Ленина, Горький писал:

«Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал...

Азарт был свойством его природы, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира, - роль врага хаоса. Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков»².

О ленинском смехе Горький писал: «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться»³.

Как-то в разговоре с Лениным Кржижановский

---

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 2. М., 1961, с. 304-305.

² И. Ленин и А. М. Горький, с. 316, 317.

³ Там же, с. 304-305.

привел слова знаменитого немецкого хирурга Теодора Бильрота: здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности. Ленин сразу же ответил: «Вот именно так, если здоровый человек хочет есть,- так уже хочет по-настоящему; хочет спать - так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит,- так уж тоже по-настоящему...»¹.

...Зимой 1906 года в Куоккале Яну Берзину довелось встречаться с Лениным почти ежедневно. «Перед сном он устраивал себе перерыв,- рассказывает Берзин, - и часто, а может быть и ежедневно, уходил гулять... Бредем медленно, обмениваемся редкими словами... О чем - неизвестно. Обо всем, о всяких пустяках, только не о политике... Из далекого тумана прошлого смутно всплывают некоторые темы этих разговоров - темы, казавшиеся необычными для Ильича, темы интимные: о лесной тишине, о луне, о поэзии, о любви...»².

Можно лишь сожалеть о том, что не записал Берзин этих бесед. «Стерлись из памяти эти разговоры», - замечает он. Но об аналогичных беседах вспоминают другие...

Январь 1918 года. Для Владимира Ильича это напряженнейшие дни и бессонные ночи, заполненные работой... В одну из таких ночей Александра Михайловна Коллонтай, без стука, вошла к нему в кабинет...

«В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по силуэту, вырисовывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замираю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 12.

² Воспоминания о В. И. Ленине. В 3-х т. Т. 3. М., 1960, с. 75.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к двери. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо.

Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину.

- Звезды, - говорит он. - Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

- А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

- Когда бываю на океане или в деревне.

- На океане? Ах да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь начинаю забывать»¹.

«Ужасно любил природу, - пишет Крупская. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетания красок... Любил в комнате весенние запахи. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал»². И еще: «У нас в быту сложилось как-то так, что в дни его рождения мы уходили с ним куда-нибудь подальше в лес... Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки - все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть»³.

Надежда Константиновна не упоминает о том, что Владимир Ильич любил и дарить цветы... В приводившемся выше рассказе Марии Эссен о прогулке в горы весной 1904 года есть такой эпизод: «Мы наткнулись на целое поле цветов.

---

¹ Ленин всегда с нами, с. 224-225.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 483, 484.

³ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 4-е. М., 1979, с. 66-67.

Владимир Ильич стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы», - сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку цветов».

Прочитав эти строки, опять невольно задумываешься над тем, как мало мы знаем о сугубо личной стороне его жизни и как мало сам он говорил и писал о ней...

Через всю жизнь пронес Владимир Ильич любовь к своей матери - Марии Александровне. 81 год прожила она. И нелегкая судьба ее была тесно связана с судьбой ее детей, ставших профессиональными революционерами. Вслед за ними она отправлялась в ссылки, носила передачи в тюрьмы... Дома, в шкафу, всегда наготове висело ее черное платье с белым воротничком «славный мамочкин боевой мундир», как называла его Анна Ильинична, - которое Мария Александровна надевала для посещений жандармских приемных...

Однажды, во время одного из таких посещений, директор департамента полиции Зволянский зло сказал ей: «Можете гордиться своими детками: одного повесили, а о другом также плачет веревка». Мария Александровна поднялась и с достоинством сказала: «Да, я горжусь своими детьми»¹.

Что переживал, о чем думал Владимир Ильич при редких встречах с ней?

Последний раз они встретились в Стокгольме в 1910 году, когда Мария Александровна вместе с дочерью возвращалась из кратковременной заграничной поездки в Россию. «...Владимир Ильич, - рассказывает Мария Ильинична, - проводил нас до пристани - на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал

---

¹ Крупская Н. К. О Ленине, с 37.

русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать,- и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью. Так оно и вышло на деле»¹.

Всего год не дожидаясь она до возвращения сына... В апреле 1917-го его встретил весь революционный Петроград. «Прошли первый вечер и первая ночь: митинги, речи, призывы, клятвы, воспоминания, - пишет В. Д. Бонч-Бруевич. - И вот наступил первый день свободного пребывания Владимира Ильича в Петрограде. Он позвонил мне и просил прислать автомобиль, и я знал, что первой его поездкой в Петрограде будет поездка на Волково кладбище на могилу матери. Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьезный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича»².

Как мало мы знаем об этом...

А о том, какое глубокое чувство связывало его с Надеждой Константиновной...

Вера Дридзе - секретарь Крупской - передает один из ее рассказов:

«Приехав в Шушенское, где он должен был отбывать ссылку, Владимир Ильич написал Надежде Константиновне, опять «химией», большое

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. XXIX-XXX.

² Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969, с. 65-66.

письмо, в котором звал ее к себе, просил стать его женой. В своем ответном письме она написала: «Ну что ж, женой так женой». Почему же Надежда Константиновна так ответила Владимиру Ильичу?

Разные бывают люди, - продолжает Дридзо, - и по-разному выражают они свои чувства. Одни - свои мелкие чувства выражают громко и шумно, высокопарными словами, другие же - свои очень глубокие, сильные чувства не умеют выразить. Таким человеком была и Надежда Константиновна. Она глубоко любила Владимира Ильича, знала о его отношении к ней, но из-за застенчивости, смущения, боязни громких фраз она так ответила ему»¹.

Крупская писала, что в юности Владимиру Ильичу «очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви... Конечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке и внимание к нему...». Но все-таки искренность и взаимное доверие Ленин считал очень важным, обязательным элементом отношений между любящими. «Надежда Константиновна, - пишет Дридзо, - рассказывала, что когда они стали жить вместе с Владимиром Ильичем, у них был уговор: никогда ни о чем друг друга не расспрашивать - без величайшего доверия они не мыслили себе совместной жизни. И еще об одном договорились они - никогда не скрывать, если их отношение друг к другу изменится»².

Как-то, рассказывая о Ленине, Надежда Константиновна мимоходом заметила: «Никогда не

---

¹ Дридзо В. С. Надежда Константиновна. М., 1963, с. 49.

² Крупская Н. К. О Ленине, с. 30; Дридзо В. С. Надежда Константиновна, с. 57.

мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе»¹. Но однажды, когда ей попала в руки рукопись рассказа, где автор описывал, как сидели Владимир Ильич и Надежда Константиновна в ссылке и изо дня в день занудно переводили с английского толстенную книжку, Крупская не выдержала: «Подумайте только, - говорила она, - на что это похоже! Ведь мы молодые тогда были, только что поженились, крепко любили друг друга, первое время для нас ничего не существовало. А он- „все только Веббов переводили“»². О другой аналогичной рукописи она коротко, но достаточно эмоционально написала: «Мы, ведь, молодожены были... То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти»³.

А вот один из самых последних ленинских документов - от 5 марта 1923 года, адресованный человеку, оскорбившему Крупскую: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»⁴.

Казалось бы, ни слова о чувствах... Но в старые времена в таком вот тоне - «Я не намерен забывать... прошу Вас взвесить... взять сказанное назад...»- писались обычно «письма чести» - вызовы на дуэль...

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 472.

² Дридзо В. С. Надежда Константиновна, с. 56.

³ «Исторический архив», 1957, № 2, с. 38.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 330.

Что думал Владимир Ильич о любви? К сожалению, Ян Берзин не запомнил его размышлений... Но их подробно записала Клара Цеткин... Они сохранились и в письмах самого Владимира Ильича...

Это не были какие-то специальные назидания, поучения или советы... Ленин прекрасно понимал, что никакая наука не может помочь человеку ни в выборе подруги жизни, ни даже в объяснении того, почему именно эта девушка стала избранницей... Он считал, что любовь это такое сугубо интимное, индивидуальное чувство, которое требует от любящих максимальной душевной тонкости и такта.

Определенного такта требует оно и со стороны окружающих. «Владимир Ильич, - пишет Крупская, - ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь... историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтений в чужих сердцах, праздного любопытства... Его потом обвиняли в отсутствии чуткости... Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением именно настоящей чуткости»¹.

Исследование конкретной любви двух людей, писал Ленин, это предмет для романа, для художественного анализа индивидуальных отношений, обстановки, «характеров и психики данных типов»². Такой анализ менее всего поддается искусственному и надуманному схематизированию. Не случайно Владимир Ильич терпеть не мог тех «профессоров от любви», которые в пухлых, псевдонаучных книгах рассуждали о «теории пола» и поучали своих читателей «природе любви»...

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 478.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 57.

Но Владимиру Ильичу, как политическому деятелю, гораздо чаще приходилось высказываться не столько о лирико-романтической, сколько о социальной стороне взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Потому что при всей, казалось бы, неповторимости и индивидуальности этого чувства и оно не является чем-то «надсоциальным» и «внеисторическим», ибо, как замечал Ленин, существует и объективная логика «классовых отношений в делах любви»¹.

«Классовые отношения в делах любви»??? Не пахнет ли это упрощенчеством и механическим перенесением абстрактных понятий, существующих в сфере политической деятельности человека, на сферу совершенно иного рода, сферу сугубо интимную?

Есть абстракция и абстракция... Ребенку, например, все окружающее его кажется простым и ясным, и он с величайшим удовольствием раскладывает весь мир по полочкам - хорошее и плохое, доброе и злое, черное и белое...

Позднее, по мере расширения и усложнения контактов с людьми и внешним миром, появляется иное ощущение и убеждение - в сугубой уникальности не только каждого человека, но и каждого индивидуального случая человеческих отношений... Поэтому советы старших, с их якобы пошлыми сентенциями и прописями, воспринимаются лишь как элементарная грубость, примитивизм и отвергаются целиком и полностью...

И наконец, со временем, по мере зрелости, появляется сознание того, что обобщения, мало того - многие из тех простых «прописных истин», к которым раньше относились с пренебрежением, - это не упрощенчество, грубость и примитивизм, а жизненный опыт и умудренность,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 52.

позволяющие типизировать самые сложные и многообразные варианты жизненных казусов... Как сказал кто-то: «Ребенок и старец могут произносить одни и те же истины, но для старца они имеют значение всей прожитой жизни».

И все-таки, даже соглашаясь с возможностью такого рода типизации отношений между мужчиной и женщиной, можно ли переносить на эти отношения, или, как выразился Ленин, на «дела любви», какие-то классовые критерии и категории?

Казалось бы, тысячи потрясающих воображение и ум примеров этого великого чувства, оставленных нам легендами, поэзией, литературой народов мира, говорят об обратном... Но эта кажущаяся «внеисторичность» и «независимость» Вечной Любви, возвышающейся над всеми «суетными» перипетиями социально-политических конфликтов своего времени, остается лишь уделом поэзии и легенд.

Скорее, это лишь мечта о великой и чистой любви, которая прошла через столетия именно потому, что для миллионов и миллионов людей она являлась чем-то желанным, но недостижимым высоким, идеальным, противостоящим низменной и грубой реальности жизни.

Конечно, в любом обществе всегда находились «он» и «она», которые во имя любви шли против этой «реальности», против предрассудков, против закона... В этом смысле в основе многих легенд вполне могла лежать - и зачастую действительно лежала - какая-то конкретная «история любви»... Но все-таки она оставалась именно индивидуальным случаем, казусом, а не обычаем, не общепринятым. Ибо как только из сферы романтической поэзии и легенд миллионы людей погружались в свою реальную, повседневную жизнь, тут-то и начинала выпирать на передний план та самая

объективная логика «классовых отношений в делах любви», о которой писал Ленин.

В эксплуататорском (и буржуазном и добуржуазном) обществе, отмечает Владимир Ильич, любовь и обычные супружеские связи густо замешаны на такой основе, которая весьма далека от чистого и возвышенного чувства. Мало того, любовь и брак зачастую воспринимаются не как причина и следствие сложного процесса развития взаимоотношений двух людей, а как нечто независимое и даже противостоящее друг другу... Не в том смысле, что необходимость любви в браке отрицалась вообще... Нет, зачем же - просто ей отводилось в этом союзе «надлежащее» место.

И в массе своей это зависело уже не столько от индивидуальных особенностей «характеров и психики данных типов», сколько от системы жизненных ценностей, присущей данному обществу.

Ленин конкретно указывает на то, как это проявляется в жизненной практике:

материальный расчет («а сможет ли он должным образом обеспечить семью?»)- у одних;

классовые предрассудки («нашего ли круга невеста?») - у других;

предрассудки национальные и религиозные («а какой она нации или веры?»)- у третьих;

наконец, просто запрет папеньки, грозящего проклятьем (и лишением наследства)...

Что еще можно добавить к этому перечню? Разве что страх перед одиночеством в этом огромном мире разобщенных людей? Впрочем, вполне достаточно и тех «обычных» проявлений, на которые указывает Ленин... Где уж тут после всего этого место для возвышенных чувств и эмоций...

Вот почему марксисты всегда высмеивали и отвергали попытки попов и мещанских моралистов

выдать такого рода брачные союзы за «чистую любовь» и «идеальную семью».

Означало ли это отрицание «святости» и «незыблемости» буржуазно-мещанских брачных уз призыв к немедленному их расторжению, или, как выразился один из оппонентов Ленина, «приглашение всех жен уходить от мужей»? Конечно, нет! И если бы среди марксистов, писал Владимир Ильич, нашелся такой человек, то «самое большее, что сказали бы: нельзя же в большой партии без больших чудачков!»¹.

Конечно, сводись вся проблема к такого рода чудачествам, о ней, вероятно, и не стоило бы говорить. Но в XX веке империализм, обостривший и еще более запутавший буквально все и главные, и второстепенные, и глобальные, и менее существенные - противоречия буржуазного общества, умудрился довести до крайности и эту проблему - семьи, брака, вообще взаимоотношений между полами...

Угнетение, указывал Ленин, все более распространялось не только «на самые различные классы общества», но проявлялось и «в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч...»².

Соответственно и протест широких масс против всей господствующей системы выливался не только в различные формы политической и экономической классовой борьбы против капитала, но и в протест против существующих общественных, идеологических институтов, против устоявшихся традиций, обычаев, морали, в протест против «общепринятых» и «узаконенных» буржуазным обществом норм отношений

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 127.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 56-57.

между людьми, и в частности между мужчиной и женщиной.

«...В эту эпоху, - говорил Ленин Кларе Цеткин, - когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются».

«Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности, проводятся новые разграничения... Все это, - отмечает далее Ленин, - касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторможённостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения... Люди восстают против господствующей мерзости...». И особенно энергично, «со свойственной ей возрасту бурностью» восстает против нее молодежь¹.

В этих условиях особенно важно, чтобы молодежь, да и не только она, осознала место данной проблемы, поняла как производность ее возникновения, так и подчиненность, зависимость ее решения от решения других глобальных конфликтов, рожденных эпохой крушения старого мира.

Дело в том, что при всей прогрессивности разложения и гибели старой буржуазной морали процесс этот, как и его последствия, всегда проходил чрезвычайно сложно и противоречиво. «...Старые идеологические ценности, - указывал Ленин, - рушатся, теряя свою сдерживающую

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 45, 46.

силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой... Это медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения»¹. И в такой ситуации, чреватой возникновением психологии «вседозволенности», любые попытки рассматривать, а тем более решать «проблемы пола» сами по себе, вне контекста эпохи, были не только абсолютно бесперспективны, но и социально опасны.

Между тем уже где-то в начале века, особенно во втором его десятилетии, полезли на свет божий именно такие теории и теориейки «новой половой морали» и «свободной любви», которые преподносились их проповедниками не только как нечто самое «передовое» и «современное», но и как сугубо «марксистское» и ужасно «революционное»...

Необходимо отметить, что не все марксисты сумели сразу же правильно оценить это явление... Когда Клара Цеткин попыталась доказать Ленину, что именно через «проблемы пола» можно привести массы, и особенно молодежь, к пониманию необходимости революционной борьбы и неизбежности гибели буржуазного строя, Ленин категорически отверг это.

Вопросы пола и брака, говорил он, при таком подходе «не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание...»².

«Затемняет мышление, затемняет классовое сознание...» Почему? Не все мечтают о револю-

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 45, 46.

² Там же, с. 44.

ционном переустройстве общества, но, наверное, каждый человек мечтает о любви и личном счастье... Социальная опасность различного рода теорий «свободной любви» в том и состоит, что, затрагивая насущные вопросы, указывая зачастую на вполне реальные проблемы отношений между полами в буржуазном обществе, эта проповедь уводила на ложный путь их решения.

Особую опасность, отмечал Владимир Ильич, представляла она как раз для юношества, так как «в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи». И попытка рассматривать сложнейшие социальные проблемы современного мира через призму «проблем пола» «очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности», ибо «подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу... Последствия, - замечает Ленин, - бывают прямо роковыми»¹.

Но самое главное, и это касалось уже не только молодежи, Владимир Ильич убедительно разоблачил псевдореволюционность проповеди «свободы любви». Удивительная терпимость буржуазии к подобным теориям была доказана прежде всего опытом истории. «Вы, вероятно, помните, - говорил Ленин Кларе Цеткин, - что эта теория проповедовалась в изящной литературе примерно в середине прошлого века как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела». Причем и сама-то «проповедь в то время была талантливее, чем сейчас...»².

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 45, 46.

² Там же, с. 47.

Научившись протестировать любые идеи, буржуазия очень быстро поняла, что бояться «свободы любви» нет никаких оснований. Подменяя проблемы социальные проблемами сексуальными, она, как заметил Ленин, сумела отождествить «свободу любви» со свободой «от серьезного в любви», «от деторождения», а главное - со свободой «адюльтера»¹. И возможность такого рода трансформации была заложена в самих исходных посылах указанных теорий, ибо, критикуя ханжество и лицемерие буржуазно-мещанского брака, они, целиком оставаясь в рамках буржуазной морали, не затрагивали «устоев» и проповедовали большей частью лишь свободу внебрачной жизни.

«Мне кажется, - заметил по этому поводу Владимир Ильич, - что это изобилие теорий пола... вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне также противно, как и любовное копанье в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно»². Вот почему «требование свободы любви», указывал Ленин, независимо от «воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях)- явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием»³.

Это было написано Лениным в 1915 году...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 52, 55.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 43.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 55.

Сегодня, когда капиталистический Запад вновь пережил свой бурный медовый месяц «сексуальной революции», история еще раз подтвердила справедливость ленинской оценки.

Ленин решительно выступал и против аналогичных концепций «освобождения любви», которые появились в нашей стране уже после победы Октября. В те годы некоторые новоявленные, но не очень грамотные «теоретики» под видом «ревизии буржуазной морали» попытались оправдать и «узаконить» беспорядочную половую жизнь «марксистскими» ссылками на «отмирание семьи», которое, по их мнению, должно было последовать сразу же после отмены частной собственности и ликвидации капиталистического строя. «Вы, конечно, знаете, - говорил Ленин Кларе Цеткин, - знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек... Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?»¹.

Мало того, эта теория, ставящая во главу угла ни с чем не считающееся, животное «я хочу», насквозь эгоистична и выражает самое отвратительное неуважение к женщине и чисто человеческим чувствам вообще.

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 46-47.

В свое время, размышляя о социогенезе любви, о трансформации животного полового инстинкта в высший элемент человеческой культуры, Кант писал, что по мере своего развития человек «замечает, что половое возбуждение, покоящееся у животных на преходящем, большей частью периодическом влечении, способно у него принять характер длительный и более интенсивный благодаря воображению, которое поддерживает эту эмоцию, умеряя ее, но делая в то же время тем продолжительнее и единообразнее, чем больше предмет удален от чувства, в результате чего избегается пресыщение как необходимое следствие полного удовлетворения животной потребности... Отказ был волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность в любовь, просто приятное ощущение в переживание красоты...»¹.

С определенным аспектом этих размышлений Ленин был вполне солидарен. В отличие от теоретиков «стакана воды» он не считал целомудрие и воздержанность сугубо мещанской добродетелью. Если отношения между мужчиной и женщиной действительно построены на любви, то тогда, говорил Владимир Ильич, «самообладание, самодисциплина - не рабство; они необходимы и в любви»².

«Но важнее всего, - отмечал Ленин, - общественная сторона. Питье воды - дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»³.

---

¹ Интересующихся взглядами Канта по этому вопросу отсылаем к главе «Вера-надежда. Любовь» книги А. Гулыги «Кант». М., 1977, с. 215.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 48.

³ Там же, с. 47.

Вот почему Ленин категорически отвергал всякую попытку приклеить к теории «стакана воды» марксистскую этикетку. «Спасибо за такой «марксизм», - говорил он, - который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

...Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией»¹.

И далее, по словам Цеткин, Ленин заключал: «Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи - а часто и взрослых - довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости»².

Что ж, значит, назад - к тому самому мещанскому браку, который при всех его минусах, при всей его пошлости и ханжестве все-таки хоть как-то регламентирует отношения между полами?

Конечно, нет, отвечает Ленин: «Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали»³. Однако

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 47.

² Там же, с. 46.

³ Там же.

само противопоставление мещанского брака и так называемой «свободной любви»- ложно. Оно лишь запутывает существо вопроса. И Владимир Ильич доказывает это на примере такой, на первый взгляд, казалось бы, убедительной альтернативы: даже мимолетная страсть и связь поэтичнее и чище, чем поцелуи без любви пошлых и пошленьких супругов.

Правильно ли это противопоставление?

«Поцелуи без любви у пошлых супругов,- отвечает Ленин, - грязны. Согласен»

«Индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи» - вполне возможен...

Ну и что же? Какова альтернатива такому браку - мимолетная связь? Но ведь и «мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая». И если она грязна, т. е. без любви, то нелепо противопоставлять «поцелуи без любви (мимолетные)... поцелуям без любви супружеским...» И тем и другим - по всем законам не только логики, но и общечеловеческих норм морали - противостоит совсем не «мимолетная связь», а «поцелуи с любовью».

Ну а уж если действительно есть любовь, замечает Владимир Ильич, то почему же речь идет всего-навсего о «Мимолетной связи», да и вообще почему лишь о «связи», а не просто - о настоящей любви? Итак, заключает Ленин, надо противопоставлять мещанский «пошлый и грязный брак без любви... браку с любовью...»¹.

Что - «старомодно»?.. В разговоре с Цеткин Ленин, смеясь, говорил: «Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 56.

первых рядах»¹. Вероятно, подобного рода «старомодностью» объяснялось и то, что не терпел Владимир Ильич пошлости, когда речь заходила о женщинах и о любви...

Бонч-Бруевич рассказывает: в 1904 году, собираясь в двухнедельную прогулку по Швейцарии, Ленин разговорился с одним из эмигрантов «о том, как приятно иногда бывает отряхнуть прах от ног своих и бежать в горы от бесконечных дел и дрызг женевских.

- Люблю путешествовать, особенно вдвоем вместе с Надей, - сказал Владимир Ильич, берясь за руль велосипеда.

- Ну уж, - посмеиваясь, грубо сказал тот приезжий, - нашли что интересного... Я понимаю вдвоем, это да... - и он хотел что-то сказать плоское, но Владимир Ильич, словно предчувствуя грубость, жестким голосом, несколько покраснев, сказал, перебивая:

- Как? С женой-то не интересно?.. А с кем же? ...Эх, вы... - и он оборвал разговор»².

Пошлomu и грязному браку без любви противостоит, по Ленину, не некая «свободная любовь» вообще или «мимолетная страсть», а брак с любовью. И это будет не альтернатива отдельных случаев или индивидуальных казусов, а противопоставление «классовых типов»³.

Не в том смысле, что всякий брак двух буржуа продажен и грязен, а каждый пролетарский брачный союз заведомо возвышен и чист... А в том, что все отвратительные стороны буржуазно-мещанского брака, его продажность, ханжество и лицемерие определяются самой системой буржуазных отношений. Пролетариат же борется за создание принципиально

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 14,

² Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине, с. 40.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 56.

иною общества и иных человеческих отношений.

В этом новом обществе, писал Маркс, свободном от уз капитала, в основе человеческих отношений будут лежать естественные человеческие чувства, освобожденные от всего отчуждающего и калечащего их. И при таких человеческих отношениях, в отличие от товарных, «ты сможешь любовь обменивать на любовь...»¹. Тогда-то и сможет в отношениях между мужчиной и женщиной свободно проявиться то естественное и высокое духовное начало, которое делает любовь великим и специфически человеческим чувством. Даже «в половой жизни, - отмечал Ленин, - проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой...». Вот почему, подчеркивал он, так важно, чтобы в новом обществе «половая любовь развилась и утончилась... Не монах, не Дон-Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее». «Коммунизм должен нести с собой, - заключает Владимир Ильич, - не аскетизм», а «разносторонность духовных интересов» и физическое совершенство, «жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни»².

Что ж, наступит некая блаженная гармония в отношениях между полами! Конечно, нет... Именно потому, что любовь нельзя купить, «если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она - несчастье»³.

---

¹ Маркс К., Энгельс ф. Соч., изд. 2-е, т. 42, с. 150.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 47, 48.

³ Маркс К., Энгельс ф. Соч., изд. 2-е, т. 42, с. 151.

Иными словами, пролетариат борется за создание такого общества, которое отнюдь не гарантирует, а лишь создает - причем не для единиц, а для миллионов - наиболее благоприятные условия для подлинно чистого союза между мужчиной и женщиной, союза, основанного только на любви, свободного от материального расчета, рабской зависимости и предрассудков. А это как раз и означает реализацию извечных представлений народа, той самой мечты многих и многих поколений людей о личном счастье, которое воспевалось и в легендах о великой любви, и в романтической поэзии, и в литературе народов мира.

«Темы, казавшиеся необычными для Ильича, темы интимные...» Откуда это? Почему? Сам Ян Берзин лишь иронизирует над теми, для кого размышления Ленина «о лесной тишине, о луне, о поэзии, о любви» являются чем-то неожиданным и необычным... Несовместимыми с образом вождя они могут быть лишь для людей, полагающих, что вождем революции может быть лишь мрачный аскет, стоящий якобы над всеми мирскими страстями.

Между тем как раз именно такой человек и не смог бы никогда стать вождем действительно народной революции. Мало того, он принес бы ей неизмеримый вред. Потому что нет проблем революционной борьбы, лежащих над и вне «простых» человеческих отношений и страстей, как и нет решения ни одной из извечных проблем «простых» человеческих отношений вне классовой, вне революционной борьбы, хотя осознать эту связь не всегда просто.

В мае 1913 года в Петербурге открылся XII Пироговский съезд врачей. Присутствовало на нем около полутора тысяч человек, съехавшихся со всех концов России. Были заслушаны десятки докладов, рефератов, сообщений, но

особые дебаты вызвал доклад директора Мариинского роддома о «ненаказуемости аборт».

Под бурю аплодисментов один из виднейших фабрично-заводских врачей И. Д. Астрахан, обрисовав чудовищные условия жизни народа, тяжкое и унижительное положение женщины работницы, с негодованием восклицал: «Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивали жеребьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»

Астрахану ответил в большевистской «Правде» Ленин. Пролетариат, писал Владимир Ильич, должен «требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт», ибо это есть не что иное, как «охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки». Но совсем другое дело - та мещанская аргументация, которая прозвучала на съезде врачей.

Мелкий буржуа, мещанин, обыватель «видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт бесспорный... Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений...» Такова, указывает Ленин, философия «мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно». «„...Рождать детей, чтобы их калечили...” Только для этого? - спрашивает Ленин. - Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее, решительнее нашего боролись против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение??

<...> Да и мы, рабочие, и масса мелких хозяйчиков, мы ведем жизнь, полную невыносимого гнета и страданий. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. Мы научились и быстро учимся бороться - и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренне чуждых нам лозунгов буржуазных краснобаев, а во имя своих лозунгов, лозунгов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и они победят.

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, спланивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы-пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы - горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 256-257.

**ЧТО ТАКОЕ
«ХОРОШИЙ
ЧЕЛОВЕК»?»**

В начале XX века, наблюдая суетность и мелкое тщеславие профессиональных буржуазных политиков, многие вполне соглашались с Карлейлем, считавшим Наполеона последним великим государственным деятелем на земле.

Русская революция внесла в эти представления свои поправки. «История давно уже показывала, - писал Ленин, - что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и разворачивают такие таланты, которые раньше казались невозможными»¹. Русская революция выдвинула могучую плеяду гигантов, которыми могла бы гордиться история любой страны и любого народа.

Американский полковник Раймонд Робинс, находившийся в Петрограде в 1917-1918 годах с миссией Красного Креста, неоднократно бывавший в Смольном, встречавшийся с Лениным, человек, которого трудно заподозрить в предвзятости, писал: «...Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире»². И Ленин в глазах всего мира был признанным руководителем этого правительства.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 78.

² «Новый мир», 1967, № 5, с. 260.

Для многих современников его личность была неразрывно связана с революцией и той ролью, которую он в ней сыграл. Но все они великолепно понимали, что он занял столь выдающееся место в великой революции только потому, что был личностью гениальной. Они могли не разделять всех его идей, они пытались по-своему бороться за идеалы мира, демократии, просвещения народов, но и им было ясно, что для достижения этих идеалов Ленин, коммунисты сделали гораздо больше, чем любые другие государственные деятели и политические партии, которых знала история.

В 1920 году с Лениным беседовал Герберт Уэллс. После встречи сдержанный англичанин записал: «До тех пор не приходилось встречать столь оригинального мыслителя». Но автор «Машины времени», человек, пытавшийся заглянуть в далекое будущее, не поверил в реальность того пути, по которому уже шла Россия. Ленин так и остался для него «кремлевским мечтателем»... Прошли еще годы, и Уэллс записал: «Я далеко не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что во всяком случае Ленин был действительно великий человек...»¹.

Ромен Роллан писал: «Я не разделял идей Ленина и русского большевизма и никогда не скрывал этого. Я слишком индивидуалист (и идеалист), чтобы примириться с марксистским кредо и его материалистическим фатализмом. Но именно поэтому я придаю величайшее значение великим личностям, именно потому я питаю к Ленину чувство крайнего восхищения.

---

¹ «Иностранная литература», 1957, № 11, с. 34.

Я не знаю другой, столь же могучей личности в Европе нашего века... Никогда еще человечество не создавало властителя дум и людей столь абсолютно бескорыстного»¹.

Американский епископ Броун, говоря о «глубоком восхищении», которое испытывают по отношению к Ленину «миллионы людей, не интересующихся социалистическим движением», выражается еще более категорично: «Я считаю, что он был самым великим из всех людей, которые когда-либо жили»². Бернард Шоу, для которого политические деятели всегда были лишь объектом насмешек, в 1921 году дарит Ленину свою книгу, как «единственному европейскому правителю, который обладает талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению»³. Ту же мысль коротко формулирует и Джон Рид: «Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту...»⁴.

Мы уже приводили записи о Ленине делегатов I конгресса Коминтерна. Их писали не политические юнцы, восторженно взирающие на своего вождя. За спиной делегатов стояла большая жизнь, политический опыт. Они даже немного стеснялись своих эмоций... «Я, - писал Мак-Лейн, - не приверженец культа героев. Социалистическое движение так грандиозно, что в сравнении с ним даже его величайшие вожди кажутся пигмеями. Однако, несмотря на все это...»⁵. «Мы, - указывал Серрати, - не поклонники фетишей, и с нашей, коммунистической точки зрения отдельные личности в

---

¹ Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 323

² Там же, с. 304

³ Там же, с.322

⁴ Там же, с. 345

⁵ Там же, с. 246

исторических событиях играют роль путеводных вех, но...»¹.

Но за этими оговорками стояло то, что являлось для них принципиально важным... «На Вашем примере, товарищ, - писал чешский делегат М. Ванек, - видно, что пролетарская революция требует не только объективных условий в общественном строе, но и творческих носителей идей, личностей, в равной мере пронизательных и гениальных духом...»². К аналогичному выводу пришел и итальянский коммунист, профессор Антонио Грациадеи: «Подобного положения нельзя достигнуть, не обладая из ряда вон выходящими умственными и нравственными достоинствами»³.

Оценивая тех или иных политических деятелей революции, Ленин всегда указывал на исключительную важность не только их теоретических воззрений, интеллектуальных и организационных способностей, но и их нравственного облика. «В той кипучей борьбе, какой является революция, - говорил Владимир Ильич в день похорон Я. М. Свердлова, - на том особом посту, на котором стоит всякий революционер... громадное значение имеет крупный, завоеванный в ходе борьбы, бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс»⁴. Именно таким непререкаемым моральным авторитетом обладал сам Владимир Ильич.

«..Этика не что иное, как единство нашего я. Это суждение полностью применимо к

---

¹ Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 235

² Там же, с. 231

³ Там же, с. 238

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 77.

Ленину, - отмечала голландская писательница Генриетта Роланд-Гольст. - Эпохи социальных переходов и потрясения старых форм производства и форм старого уклада жизни всегда являются также эпохами внутренней разорванности личности. В такие времена имеется лишь очень немного людей вполне цельных и внутренне крепких. Ленин был таким человеком, он был вылит из одного цельного куска, и отсюда вытекает целостность его жизни»¹.

Мы уже приводили слова Ленина: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне»². Поэтому Ленин - «самый человечный человек» неотделим от Ленина - политика и государственного деятеля, Ленина - мыслителя и ученого. И отделять жизнь «частную» от деятельности общественной, искать «человека» вне дела, которому Ленин отдал всего себя, значит идти по пути упрощения.

Для обывателя человечность героя - это прежде всего снижение героя до уровня «обыкновенного человека». В жизни великого человека, будь то политический деятель, поэт, ученый или артист, его интересует только быт, «бытовщина»... Точнее, его интересует, как великий человек делает то, что делает повседневно он, обыватель. То, чего он, обыватель, не делает, его уже не интересует.

Горький писал, что в этом проявляется стремление мещан «не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали „обыденной жизнью“»³. И надо сказать, что делается это не всегда безуспешно.

---

¹ Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 324

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

³ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 315.

Академик М. И. Авербах, лечивший Ленина, справедливо заметил: «Жизненный опыт и изучение биографии великих людей учат, что личной жизнью их большей частью не следовало бы интересоваться. Не часто встречаются люди, которые везде были бы одинаковы - и на трибуне, и у себя дома, у которых общественная и личная жизнь составляла бы одно целое... В громадном большинстве случаев личная жизнь даже замечательных людей оказывается крайне не интересной или стоит в полном противоречии с той общественной ролью, какую играет этот человек. Поэтому широкой публике, особенно людям узким, мещански настроенным, не умеющим отделять идеи от человека, не умеющим прощать крупным людям обыкновенных общечеловеческих слабостей, действительно не следует интересоваться частной жизнью людей, играющих общественную роль. Но в данном случае, по отношению к Владимиру Ильичу, я смело и, повторяю, с удовольствием стану рассказывать вам о его частной жизни»¹.

Широко известны многочисленные рассказы, воспоминания, документы, свидетельствующие о скромности и простоте Владимира Ильича в быту, общении с людьми... Но простота простоте рознь. Иной «скромник» столь афиширует свою добродетель - смотрите, мол, каков я, - что она обращается в свою противоположность.

Луначарский рассказывает, как в 1918 году, когда, в связи с ранением Владимира Ильича, газеты запестрели многочисленными статьями о нем, авторы которых не скупались на эпитеты и гиперболы, Ленин пригласил к себе старых партийцев - Ольминского, Лепешинского, Бонч-Бруевича и Луначарского. Такого рода статьи,

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 385-386.

сказал он, явление просто неприличное, а с точки зрения марксизма - сугубо вредное. Владимир Ильич попросил товарищей объехать редакции газет и «наложить тормоз на всю эту историю». И, объясняя, почему он этого не сделал сам, Ленин сказал: «Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное»¹.

В чем заключались побудительные мотивы этой скромности вождя и человека, проявлявшиеся буквально во всем?

«...Ленин в высшей степени обладал качествами, - пишет Горький, - свойственными лучшей революционной интеллигенции, - самоограничением, часто восходящим до... логики одного из героев Л. Андреева: «Люди живут плохо - значит, я тоже должен плохо жить».

В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неуютную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам...

- Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять - обидишь. А кругом все голодают»².

Альберт Рис Вильямс, рассказывая о быте и тех спартанских условиях, в которых жил Ленин, тоже приходит к аналогичному выводу: «Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства»³.

---

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 5-е. М., 1972, с. 523.

² В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 324-325.

³ О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. Изд. 2-е. М., 1966, с. 198-199.

Но не было ли в этом какого-то насилия над собой, вызванного условиями гражданской войны? На этот вопрос хорошо ответил Авербах. Описав квартиру Владимира Ильича, он заключил:

Это было «жилище нетребовательного, но истинно культурного человека, - все просто, чисто, опрятно, все на месте, без блеска, без шика, никаких предметов роскоши, никаких вещей неизвестного назначения, но зато есть все, что нужно много работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами. И эта простота, скромность и рациональность обстановки не производили впечатления чего-то искусственного, надуманного, умышленно сделанного напоказ для примера другим. Совсем нет. Выросший в небогатой семье, где пропитание добывалось только личным трудом, променяв затем карьеру, быть может, выдающегося ученого или профессора на деятельность подпольного организатора нового мира, вынужденного почти всю жизнь проводить в нужде и лишениях, Владимир Ильич научился ценить простоту и скромность жизни, слился с ними душой... Одним словом, это не было умышленное воздержание от излишеств, а естественное отсутствие потребности в том, без чего можно обойтись...»¹.

Но, пожалуй, наиболее полный и глубокий ответ, объясняющий одновременно и отвращение Ленина к возвеличиванию его личности, и скромность его быта, дала М. И. Ульянова. «Владимир Ильич, - писала она, - прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры»².

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 387.

² Там же, т. 1, с. 211.

Ленин и Крупская не любили, когда кто-либо изображал их жизнь как некое аскетическое подвижничество. «Расписывают нашу жизнь, - писала Надежда Константиновна, - как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали... Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?»¹. И в этом вопросе, поставленном Крупской, по существу и заключался сам ответ.

Относясь таким образом к своему собственному быту, Ленин отнюдь не навязывал это отношение другим. Его письма с просьбами об улучшении материальных или жилищных условий товарищам, его забота об их здоровье и быте достаточно хорошо и широко известны.

В этой связи интересна одна черточка, подмеченная Авербахом:

«Врачу трудно обойтись без разных мелких житейских вопросов чисто личного характера. И вот этот человек, огромного, живого ума, при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность. Но это не была наивность и растерянность старого немецкого ученого, который витал в эмпириях и не понимал того, что совершается у него под носом. Ничего подобного у Ленина не было. Это было глубоко философское пренебрежение, невнимание серьезного человека к мелочам жизни и своему физическому «я», и именно только своему личному. Стоило Владимиру Ильичу узнать о каких-нибудь затруднениях у своих близких или товарищей и друзей, как являлась необычайная энергия, внимание, заботливость, большой житейский опыт и, что

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 606.

называется, умение чужую беду руками развести»¹.

О формировании у Ленина такого отношения к бытовой стороне жизни Надежда Константиновна писала: «В свое время Владимир Ильич много читал Писарева... Писарев в соединении с Чернышевским и Марксом создавал особый тип радикализма, которого никогда не знала Европа. Это критическое отношение к быту, стремление создать новый быт характерно было... Это была не старая показная нигилистичина, показная и крикливая. Но это был глубокий внутренний разрыв со всем помещичье-буржуазным укладом, попытка создать новые, не связанные никакими условностями человеческие отношения»².

Вот почему Крупскую глубоко оскорбляли слащаво-сентиментальные рассказы о «простом» быте «вождя», понимаемом сугубо по-обывательски. «Меньше всего, - пишет она, был Ильич, с его пониманием жизни и людей, с его страстным отношением ко всему, тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают: образцовый семьянин жена, деточки, карточки семейных на столе, книга, ваточный халат, мурлыкающий котенок на коленях, а кругом барская «обстановочка», в которой Ильич «отдыхает» от общественной жизни. Каждый шаг Владимира Ильича пропускают через призму какой-то филистерской сентиментальности»³.

Да, было и с котенком (этот кинокадр всем известен), было и с детьми («...К детям был внимателен и ласков Владимир Ильич, - пишет Крупская, - ...какими ласковыми глазами следил

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 388.

² «Исторический архив», 1957, № 2, с. 28.

³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 478.

Ильич за ребятами, внимательно прислушивался к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли»¹). Все это было. Но было и нечто другое - Ленин и Октябрь, Ленин и Брест, Ленин и нэп. И в этих событиях проявлялся не только Ленин-вождь, Ленин-мыслитель, но и Ленин-человек. И без этих событий мы никогда не расскажем ни о Ленине, ни о том, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата.

«Ленин был добрый человек, говорят иные. - Это опять пишет Крупская.- Но слово «добрый», взятое из старого лексикона добродетелей, мало подходит к Ильичу, оно как-то недостаточно и неточно»².

5 августа 1918 года в Кучкинской волости, Пензенского уезда, кулаки подняли мятеж. Отсюда он стал распространяться на другие уезды. Пенза была одной из немногих губерний, откуда хлеб шел в Питер и Москву. Встал вопрос буквально о жизни и смерти миллионов рабочих. И Ленин посылал телеграмму за телеграммой пензенским руководителям, требовал «с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войска из Пензы, конфискуя все имущество восставших кулаков и весь их хлеб»³. В телеграмме 14 августа Ленин писал: «...Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции»⁴.

В конце 1918 года более сотни московских рабочих приехали в Курскую губернию для

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 461.

² Там же, с. 471.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 144.

⁴ Там же, с. 149.

закупки хлеба. Но член Курского центрзакупа, ссылаясь на целый ряд постановлений и узаконений, отправил их обратно. Такого рода сугубо формалистское, пренебрегающее судьбами живых людей соблюдение буквы закона представителем и должностным лицом Советской власти могло лишь дискредитировать ее в глазах рабочих. Вот почему 6 января 1919 года Ленин телеграфирует в Курскую чрезвычайную комиссию: «Немедленно арестовать Когана, члена Курского центрзакупа, за то, что он не помог 120 голодающим рабочим Москвы и отпустил их с пустыми руками. Опубликовать в газетах и листками, дабы все работники центрзакупов и продорганов знали, что за формальное и бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела»¹.

О другом эпизоде 1919 года на сей раз о реакции Ленина на несоблюдение постановлений Советской власти, на попытки обойти их с помощью протекции и «блата» - рассказывает Е. Я. Драбкина... Существовала в то время специальная Комиссия по борьбе с дезертирством. Возглавлял ее старый член партии С. С. Данилов. Организация эта достаточно сурово, жестко и последовательно боролась против всех тех, кто пытался уклониться от мобилизации и службы в Красной Армии. Но однажды Данилов узнал, что начальник мобилизационного отдела Народного Комиссариата путей сообщения пустился во все тяжкие, чтобы уберечь от армии своего сотрудника. Данилов доложил об этом на заседании Совета Обороны. «Владимир Ильич аж побелел от бешенства, - рассказывал Данилов, - но и бровью не повел. Говорит: «Предлагаю следующее постановление: „Заслушав сообщение

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 238.

товарища Данилова о неправильном возбуждении ходатайства об отсрочке такому-то, поручить ВЧК арестовывать начальника мобилизационного отдела НКПС имярек в течение ближайших пяти воскресений“»¹.

Сегодня, когда право критики и обращения с жалобами на действия любых должностных лиц, государственных и общественных органов зафиксировано в новой Конституции СССР, интересно проследить, как относился к этому праву Ленин...

В мае 1919 года к Ленину приезжал из Новгорода председатель местного артельсоюза А. А. Булатов. Они встретились, беседовали. 20 мая Ленин получил телеграмму, сообщавшую, что после возвращения в Новгород Булатов был арестован. В тот же день Ленин телеграфирует Новгородскому губисполкому и Чрезвычайной комиссии: «По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела»².

А вот другой эпизод... В декабре 1921 года Владимир Ильич шлет телеграмму в Иркутск: «Немедленно выясните причины заключения в иркутскую тюрьму рабочего Котова из Черемховского хозотдела. Письмом на имя Ленина от 23 августа он жаловался на неправильность выборов в Черемховский горсовет... Если это причина - немедленно освободить, привлечь к суду и чистке виновников ареста, кто бы ни были»³.

Бюрократизм и волокита чиновников, за которыми Владимир Ильич видел прежде всего

---

¹ Цит. по кн.: Драбкина Е. Черные сухари. М., 1975, с. 132-133.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 318.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 60-61.

равнодушие к судьбам людей, порочащее Советскую власть, вызвали у него столь же яростную реакцию... В 1921 году в Советской республике, истощенной и разоренной многолетней войной, после страшной засухи начался голод. Новая экономическая политика, проводившаяся партией, постепенно выводила страну из кризиса, но зима 1921/22 года была тяжелой. Страна голодала. И в этот момент, в феврале 1922 года, выяснилось, что за границей можно приобрести несколько десятков тысяч пудов мясных консервов.

Политбюро ЦК партии предложило Наркомвнешторгу ускорить их закупку. Но... началась бюрократическая канитель и волокита. Корабль с консервами уже стоял в Лиепайском порту, а вопрос о консервах все еще обсуждался и рассматривался в различных учреждениях. Проходили дни, недели... а в это время каждый день люди пухли от голода... 3 марта Ленин обращается с письмом в Политбюро ЦК: «...идиоты две недели ходят и говорят! За это надо гн о ить в т ю р ь м е...»¹. Впрочем, об этой истории Ленин подробно рассказывал на XI съезде партии:

«Когда я впервые об этом услышал, я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга - на 36 часов... У нас есть пролетарский суд в Москве, и он должен притянуть тех, которые виновны, почему несколько десятков тысяч пудов консервов не куплены»².

В декабре 1921 года Ленин писал председателю

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 429.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 103, 104.

ВСНХ П. А. Богданову, что ответработников, виновных в волоките и нераспорядительности, необходимо судить открытым судом, - «его общественное значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цеккистски-идиотское притупление поганого дела о поганой волоките без гласности... Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят». И далее, определяя меру наказания за волокиту и бюрократизм, Ленин выражается совсем уж «не парламентски»: «...будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»¹.

Гласный суд по делам о бюрократизме и волоките Ленин считал совершенно необходимым даже «не столько ради строгого наказания... но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»².

Если же бюрократизм был связан с такими явлениями, как очковтирательство и бесхозяйственность, наносящими урон народному добру, то в таких случаях Ленин считал необходимой и более суровую личную ответственность руководителей. В феврале 1922 года Владимир Ильич писал заместителю наркома финансов: «Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за убыточное ведение дела?.. Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 87, 89.

² Там же, с. 71.

требует новых способов новой жестокости кар»¹.

И совершенно неумолимым Ленин был в тех случаях, когда речь шла о сознательном расхищении народного государственного имущества и ценностей... В 1921 году в Подмоскowie был предпринят интереснейший опыт соединения нескольких совхозов, находившихся в ведении военного ведомства, с окрестными промышленными предприятиями в единое хозяйственное целое. Перед этими комбинированными предприятиями (сегодня мы сказали бы «комплексами» или аграрно-промышленными объединениями) ставилась важнейшая государственная задача - практически проверить правильность и целесообразность ряда декретов по экономическим вопросам. Однако к концу года выяснилось, что к этому важнейшему делу начинает примазываться какое-то жулье и «раскрадывается таким образом государственное имущество чудовищно». Реакция Ленина была более чем определена: «...я за расстрел по таким делам»².

Можно ли дать точную оценку этим ленинским поступкам и действиям с точки зрения обычных обывательских «добродетелей» или мерок? Так «добренький» он был или не очень? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, понять, каковы отправные, исходные побудительные мотивы его поступков, попробуем проанализировать еще один очень простой эпизод...

Май 1919 года. Советская Республика окружена кольцом фронтов. Всюду упорные бои. В тылу то тут, то там вспыхивают контрреволюционные мятежи. Красная Армия нуждается во всем - в оружии, обмундировании, продоволь-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 160.

² Там же, с. 57.

ствии, лошадях... Приходится прибегать к реквизициям. И вот 13 и 14 мая в Совнарком поступают два письма. Одно из Ярославской губернии от крестьянина Ф. Романова, второе 'из Московской губернии от крестьянина И. Калинина. Оба жалуются на неправильную реквизицию лошадей.

Эти письма направляются в мобилизационную комиссию при Главном полевом штабе, но оттуда почему-то их пересылают в Особую комиссию по столичным делам. Здесь они попадают в руки одного из сотрудников, который, прочитав крестьянские бумаги, пишет свою резолюцию...

Но прежде чем сказать, как и что он написал, давайте попробуем на минутку стать на точку зрения этого работника...

Идет гражданская война. Республика в огне. Положение чрезвычайно напряженное. В такое время надо думать о судьбах мировой революции или по крайней мере о судьбах миллионов... И вот именно в этот напряженнейший момент какие-то явно несознательные крестьяне хлопочут о каких-то двух несчастных кобылах, т. е. о своих сугубо шкурных интересах... Исходя из этой чиновничьей логики (которая и состоит в том, что интересы государства и интересы людей, населяющих это государство, рассматриваются как нечто обособленное и самостоятельное), он и пишет свою резолюцию: «Работы и так много, пустяками заниматься некогда».

20 мая (в тот же день, что и телеграмма о Булатове) крестьянские письма с этой резолюцией попадают на стол к Владимиру Ильичу...

Но прежде чем сказать, как он реагировал на приведенную резолюцию, давайте попробуем на минутку стать на точку зрения крестьянина...

Революция дала крестьянину землю. Это то, о чем многомиллионное крестьянство России

давно мечтало, и оно готово защищать Советскую власть... Но полученную землю надо обрабатывать, а война выбила лошадей, коров... Если у тебя есть земля и есть лошадь, можешь пахать, сеять, убирать урожай - все ясно. А если нет лошади? Тогда, к сожалению, тоже все ясно: надо шить суму и идти побираться... Только вот подавать некому, ибо в стране голод.

Таким образом, для крестьянина Ф. Романова или И. Калинина вопрос о лошади - это один из главных жизненных вопросов. И когда к Ленину попадают крестьянские бумаги с резолюцией «пустяками заниматься некогда», он пишет свою резолюцию: «...в Государственный контроль для ареста ответившего так чиновника»¹.

В этом конкретном споре между чиновником и крестьянином по проблеме - что есть главное, а что «пустяки» - Ленин стоял на позиции крестьянина. Для него Советская власть являлась понятием, охватывающим не только процессы и события «мирового масштаба», но и судьбу каждого рабочего, каждого крестьянина. И человек, который мог считать жизненно важным для труженика вопрос «пустяками», - такой человек, по мнению Ленина, не мог быть работником Советской власти.

И, наконец, еще один эпизод...

Весной 1919 года Ленин получил большое открытое письмо от воронежского профессора М. П. Дукельского, «письмо,- как выразился Владимир Ильич, - злое и, кажется, искреннее». Дукельский писал о неправильной, с его точки зрения, политике, проводившейся по отношению к интеллигенции, о засоренности большевистской партии авантюристическими элементами и привел, в частности, случай, когда «начальник отряда, расквартированного в учебном заведении,

---

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 319.

где я преподаю», потребовал, «чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати».

Ленин опубликовал это письмо в «Правде», сопроводив его своим ответом. «Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», - писал Владимир Ильич, - нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы. Я это делал с апреля 1918 года, если не раньше».

Подробно разъяснив этот вопрос, Ленин далее пишет:

«Автор требует, чтобы мы очистили нашу партию и наши правительственные учреждения от «бессовестных случайных попутчиков, от рвачей, авантюристов, прихвостней, бандитов».

Правильное требование. Мы его давно поставили и осуществляем. ...Пойманных бандитов, рвачей, авантюристов мы расстреливаем и расстреливать будем. Но, чтобы очищение шло полнее и быстрее, надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогала нам в этом. ...Если употребить выражение открытого письма, тогда муки родов нового общественного уклада значительно сократятся и облегчатся».

И, наконец, Ленин обстоятельно разбирает тот случай, который приводит в своем письме Дукельский... Хотя известно, пишет Владимир Ильич, «что в «среднем» на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось», желание «интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену отдельно, есть желание законное (а оно, несомненно, законное)...».

Но «был ли неправ начальник отряда в данном случае? - спрашивает Ленин. - Если не было грубости, оскорблений, желаний поиздеваться и т. п. (что могло быть и за что нужно карать),

если этого, повторяю, не было, то, по-моему, он был прав. Солдаты измучены, месяцами не видали ни кроватей, ни, вероятно, сносного ночлега вообще. Они защищают социалистическую республику при неслыханных трудностях, при нечеловеческих условиях, и они не вправе забрать себе кровать на короткое время отдыха? Нет, солдаты и их начальник были правы.

Мы против того, чтобы общие условия жизни интеллигентов понижались сразу до средних... Но война подчиняет себе все, и ради отдыха для солдат интеллигенты должны потесниться. Это не унижительное, а справедливое требование»¹.

Владимир Ильич всегда стоял на точке зрения рабочего, трудящихся масс, на точке зрения защиты интересов пролетарской революции. «...Я передумывала всю его жизнь, - говорила после смерти Ленина Крупская, - и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным»². Это было главным, что определяло его позицию в жизни. И позицию как ученого, теоретика, мыслителя и позицию как человека. Без этого никогда нельзя понять движущие мотивы, причины его поступков. Потому что исходили они не из понимаемых по-мещански тех или иных добродетелей «вообще». Они исходили именно из этой партийной позиции.

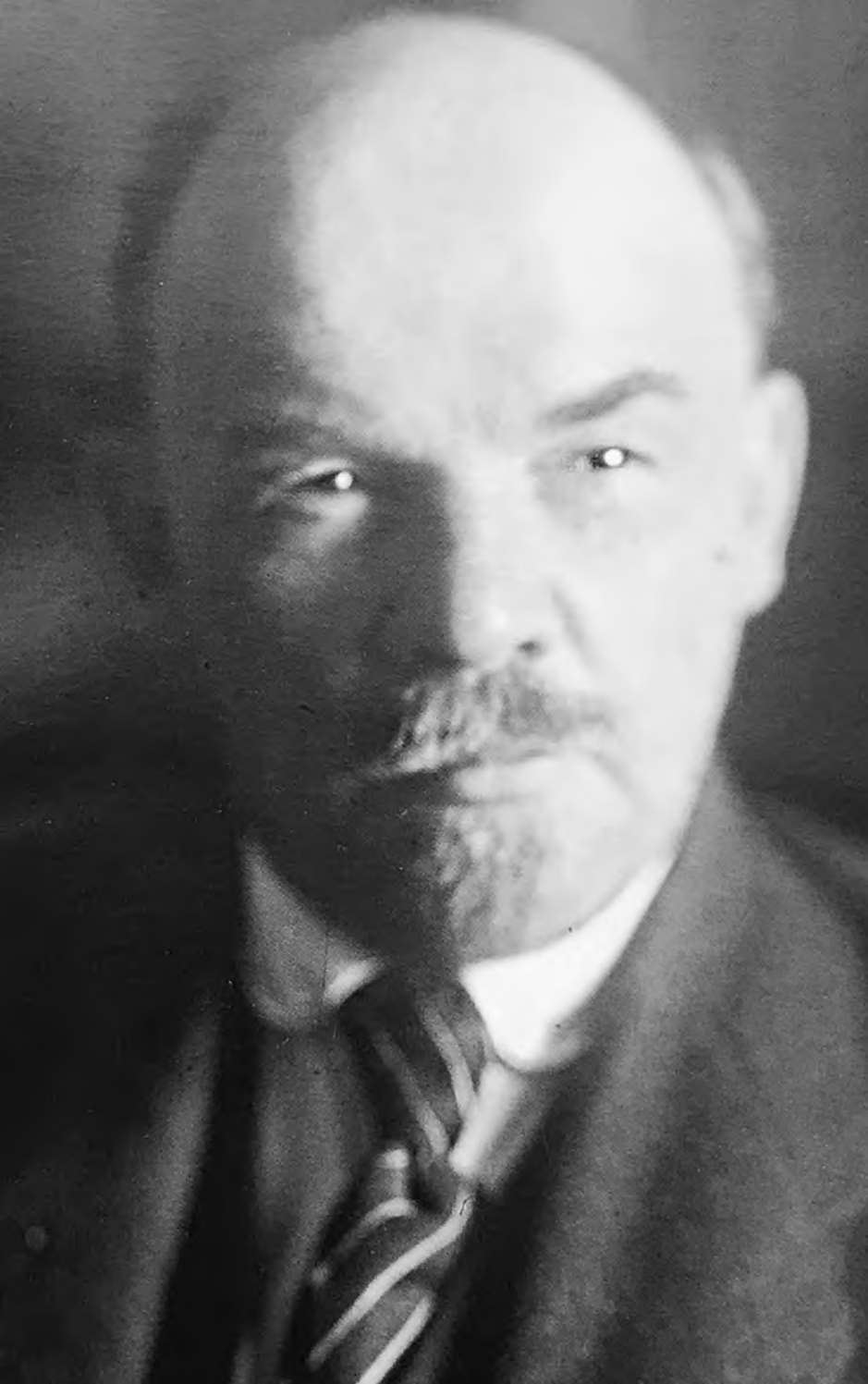
В 1903 году, характеризуя конечную цель борьбы - социализм, Владимир Ильич как бы мимоходом замечает: «Это - великое дело, и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать»³. Борьба за счастье людей была для Ленина не только высшей целью, смыслом жизни, но и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 220-222.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 465.

³ Ленин., В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 183.

главным критерием в определении своего отношения к другим людям.

Если человек глух к чужим страданиям, если его не волнуют и не трогают судьбы обездоленных и угнетенных - такой «бездушный» человек всегда вызывал у Владимира Ильича лишь чувство глубочайшего презрения, как человек безнравственный, морально ущербный.

Говоря о том влиянии, которое оказал на него Чернышевский, Владимир Ильич как-то сказал: величайшая заслуга Чернышевского состояла в том, что он «показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером...»¹. Почему же именно революционером? Потому что и для Чернышевского и для Ленина, когда они думали о счастье людей, речь шла не об умозрительном и сентиментальном сострадании к «униженным и оскорбленным» и тем более не о частной благотворительности, а прежде всего о революционной политической борьбе, ибо не было в тогдашней России иной возможности избавиться от всякого угнетения и несправедливости.

Но одна из важнейших особенностей политической борьбы состоит как раз в том, что общие слова и широковещательные декларации ничего в ней не значат. Потому что общими словами можно прикрыть все что угодно... Все глобальные проблемы, стоящие перед человечеством, политическая борьба трезво и беспощадно разменивает на весьма существенные и очень конкретные вопросы, ответы на которые и определяют пути решения всей проблемы. И эти ответы может дать только определенное мировоззрение, определенная классовая позиция.

Для Ленина дело борьбы за освобождение пролетариата и всех угнетенных было органически

---

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, с. 655.

слито с марксизмом и революционной партией рабочего класса. Вот почему, как рассказывает Кржижановский, Владимир Ильич сердился, когда ему приходилось выслушивать характеристики какого-либо человека в качестве вообще «хорошего» человека. «При чем тут «хороший», - аргументировал он. - Лучше скажите-ка, какова политическая линия его поведения...»¹.

Решая конкретные вопросы, встававшие перед партией, Ленин никогда не проявлял нетерпимости. «Ему чужда была всякая мелочность, - писала Крупская, - мелкая зависть, злоба, мстительность, тщеславие... Ленин боролся, резко ставил вопросы, но никогда не вносил он в споры ничего личного, подходил к вопросам с точки зрения дела, и потому товарищи обычно не обижались на его резкость»².

В 1900 году, отмечая «крайности» полемики между различными социал-демократическими группами, Владимир Ильич указывал: «...нам теперь надо быть осторожнее: не в том смысле, чтобы хоть на капельку поступаться принципами, а в том смысле, чтобы без нужды не озлоблять людей, работающих, по мере их разумения, для социал-демократии»³. Через два десятилетия, в декабре 1921 года, Ленин пишет Н. Осинскому, усмотревшему в критике своих коллег по Наркомату земледелия лишь стремление «подсидеть» его: «...надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей»⁴.

Ленин мог терпимо отнестись и к каким-то чрезвычайно неприятным для него личным

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 49.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 465, 470.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 38.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 73.

недостаткам других людей. Вскоре после Октября, например, к нему в приемную пришел работать молодой матрос С. Сидоренко. Он «был моим личным секретарем несколько дней,- писал Владимир Ильич. - Я был им вполне доволен. Уволен он был за один случай, когда в пьяном виде он кричал, как мне передали, что он секретарь Ленина“».

Владимиру Ильичу такого рода поступок был глубоко противен. Но когда Сидоренко пришел к нему и, сгорая от стыда, попросил направить его на другую работу, Ленин написал Дзержинскому:

«Сидоренко говорит мне, что он глубоко покаялся. И я лично склонен вполне верить ему; парень молодой, по моему, очень хороший. К молодости надо быть снисходительным»¹.

Но каждый раз, когда разногласия или конфликты затрагивали коренные интересы трудящихся, партии, революции, Ленин занимал жесткую и непримиримо последовательную позицию. «У кого есть хоть капля политической чести и политической честности, - писал он, - тот должен... занять определенную позицию и отстаивать свои убеждения»².

Отстаивание своих убеждений есть дело политической чести каждого... Если же ты считаешь, что ради тех или иных временных или сугубо личных обстоятельств можно поступиться основополагающими принципами, значит, эти принципы не стали твоими убеждениями, делом твоей жизни, твоей чести.

Вот почему ни одно из качеств не вызывало у Ленина такого отвращения, как политическая беспринципность. В 1914 году Ленин писал:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 48.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 359-360.

ДЕКРЕ

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ВСТАВКА

ВСТАВКА

них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится...

Во времена старой «Искры» (1901 - 1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому). ...«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем», в 1901 - 1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий - ярый меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам»... В 1904 - 1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906 - 1907 году он подходит к большевикам...

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо...

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций...»¹.

Характеризуя такого рода политических типов, Владимир Ильич заметил: «Эти сверхчеловеки воображают себя выше и «большинства» и «меньшинства»: на самом деле они ниже и того и другого, ибо ко всем недостаткам большинства они сумели присоединить все недостатки меньшинства и все недостатки перебежчика»².

Итак, отстаивание своих убеждений есть дело политической чести каждого. И «раз человек

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 204-205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 263.

партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, - писал Владимир Ильич, - то он обязан выступить против нее»¹.

В 1900 году, в письме А. А. Якубовой, которую Ленин очень хорошо знал по прежней революционной работе, он написал о своей решимости вести отчаянную «литературную борьбу» с «экономистами». Якубова ответила, что она тоже является «экономисткой». 13 октября Ленин вновь пишет ей:

«Вы пишете другу: «боритесь, если не совестно...» Нисколько не совестно бороться, - раз дело дошло до того, что разногласия затронули самые основные вопросы, что создалась атмосфера взаимного непонимания, взаимного недоверия... Борьба вызовет, может быть, раздражение нескольких лиц, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, - определит, какие разногласия существенны и какие второстепенны, определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где сотоварищи по партии, расходящиеся в частностях»².

«...Политически порывая с человеком, - писала Крупская, - он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой...»³. Ленин мог уважать и высоко оценивать заслуги старого революционера Лозовского, много сделавшего для развития профессионального движения в России. Но когда в решающий момент 1917 года Лозовский выступил со статьями, фактически направленными против диктатуры пролетариата, Ленин предложил исключить его из партии.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 151.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 55,

³ Крупская Н. К. О Ленине, с. 20-21.

«...Невозможна, - писал он, - совместная работа в рядах одной партии с человеком, не понявшим необходимости диктатуры пролетариата, признанной нашей партийною программю...»¹.

Когда в октябре 1917 года Зиновьев и Каменев, 'выступив в непартийной газете, выдали противнику план восстания, Ленин потребовал их немедленного исключения из партии. «Я бы считал позором для себя, - писал он, - если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю...»².

Известно, какая горячая любовь и дружба связывали Ленина с Горьким. Но всякий раз, когда Горький ошибался, Владимир Ильич решительно выступал против него, выступал публично, резко осуждая политические колебания великого пролетарского писателя. И он считал, что это борьба не против Горького, а за Горького.

Точно так же, беспощадно бичуя идейную путаницу, допускаящуюся в годы реакции Луначарским, Ленин был уверен, что именно благодаря этой критике Луначарский вернется в партию. Причем даже в самые острые моменты политического и личного разрыва Владимир Ильич не скрывал своих глубоко личных симпатий по отношению к Анатолию Васильевичу. «На редкость богато одаренная натура, - говорил он. - Я к нему «питаю слабость»- черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие - от эстетизма у него»³. И когда в результате острой идейной

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 214.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 420.

³ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 308.

борьбы товарищи вновь возвращались в партию, Ленин был бесконечно рад этому.

В 1913 году Горький написал Ленину, что Богданов, Луначарский и другие «впередовцы», отошедшие ранее от партии, готовы вновь вернуться к активной работе. Владимир Ильич ответил: «...я к Вашей радости по поводу их возврата присоединяюсь горячо... Поняли ли они, что марксизм штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться... или третировать ее как мертвую вещь?.. Ежели поняли - тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку. Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не взывайте: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота»¹.

«Владимир Ильич, - пишет Крупская, - любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова... Всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно».

Известно, что амплитуда политических колебаний Плеханова поистине соответствовала масштабам его таланта. В 1907 году Ленин был вынужден открыто заявить, что «Плеханов прямо вредит революции... «Вождь» зовет войска к борьбе за сделку с реакцией...» И далее, не сдерживая гнева, Владимир Ильич пишет: «Плеханов сравнил себя в шутку с римским полководцем, который казнил сына за преждевременный бой. Шутка остроумная. Ну, если бы я был «сыном» в момент решительного боя, когда «силы революции уже переросли силы правительства», я бы, ни секунды не колеблясь,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с 140, 141.

застрелил (или, по-римски, заколол) «папашу», дающего лозунг сделки с реакцией, и спокойно предоставил бы будущим Моммзенам¹ разбираться в том, был ли мой поступок убийством изменника, казнью его или преступлением против чинопочитания»².

Но даже в этот период острейшей политической борьбы Владимир Ильич без колебаний отдавал дань уважения Плеханову как философу марксисту: «Надо же иметь физическую силу, - писал он в 1908 году, - чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов! Тактика его - верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»³.

И когда всего через два года Плеханов повел решительную борьбу против своих бывших единомышленников, против оголтелого оппортунизма меньшевиков-ликвидаторов, Ленин первый протянул ему руку, и они вновь стали сотрудничать в партийной прессе. Сотрудничество было недолгим - лишь несколько лет, потом опять началась борьба, но и после этого, как рассказывает Крупская, Владимир Ильич «внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: Не хочу умереть оппортунистом»⁴.

Как-то один из читателей воспоминаний Крупской выразил ей неудовольствие по поводу фразы, что Владимир Ильич после раскола на II съезде РСДРП переживал «период нравственного изнеможения». Надежда Константиновна ответила: «Не пойму, что тут худого, и разве разрыв с людьми, с которыми много и так

---

¹ Теодор Моммзен (1817-1903) известный буржуазный историк, автор ряда работ по истории Древнего Рима и римского права.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 60.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 135.

⁴ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 476.

глубоко связывало, может тяжело переживаться только жалким, несчастным интеллигентиком? Не так это...»¹.

«Личная привязанность к людям,- писала Крупская, - делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми... Политическая честность - в настоящем, глубоком смысле этого слова, - честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко»².

Об этом сам Ленин писал как-то Инессе Арманд: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой - против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма...

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками»³.

Для современного читателя, привыкшего при характеристике той или иной личности обращать внимание на тончайшие психологические нюансы, такой сугубо партийный подход на первый взгляд может показаться слишком однозначным... Но попробуем поставить вопрос по-другому... Означает ли этот подход, что столь распространенные и принятые понятия, как «хороший» или «плохой», «умный» или «глупый» человек, суть понятия сугубо политические, классовые и, в частности, что любой человек, стоящий по эту сторону баррикад, всегда заведомо «хорош»?..

Конечно, было бы величайшим соблазном - нет, счастьем - из мысли Чернышевского: «действительно

---

¹ «Исторический архив», 1957, № 2. с. 26.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 476, 477.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 340.

порядочный человек должен быть революционером» - сделать обратный вывод, что каждый революционер - это обязательно человек глубоко порядочный, высоконравственный и т. д.

Но, как всегда, реальная жизнь сложнее... В XX веке дело революции стало делом десятков и сотен миллионов. В революционный процесс вовлекались не только разные классы и социальные слои, но и совершенно разные (с точки зрения их индивидуальной характеристики) люди - с различными побудительными мотивами и целями деятельности, с самыми разнообразными, сугубо личными чертами характера... И по эту сторону баррикад, к сожалению, тоже оказывались не только и не исключительно «действительно порядочные» личности. Тогда-то и появлялось знаменитое ленинское: «С нами, а не наш»¹.

Вот почему политическая, классовая позиция была для Ленина лишь отправной, а не конечной точкой отсчета при характеристике того или иного политического деятеля и человека. С нее начиналась оценка, а дальше... дальше вступали в силу уже столь привычные, знакомые нам критерии: «умный» - «глупый», «искренний»- «лицемер», наконец, просто «хороший» или «плохой» человек.

Вот несколько таких отрицательных характеристик.

«Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассаля...»². Это - о Л. Троцком.

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 332.

² Там же. Напомним характеристику Лассаля, данную Энгельсом: «Этот человек погиб потому, что он все связывал со своей личностью и перманентно занимался самолюбованием. «Как я выгляжу?» - вечный припев».

«...У меня возникли сомнения на его счет. Я опасаясь, что в нем живет большая склонность к самокопанию, самолюбанию, что в нем - что-то от литературного тщеславия»¹. Это - о П. Леви.

«...Он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям..»². Это - о К. Каутском.

Характеристики, как видим, достаточно определенные и резкие, ибо за ними стояли годы внимательных наблюдений, опыт борьбы. Но в практике кратковременных повседневных общений Владимир Ильич был очень нетороплив и осторожен в оценках.

«Людей Владимир Ильич, - рассказывает Горький, - чувствовал, должно быть, очень хорошо. Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятясь к двери задом, раскланивался с Владимиром Ильичем...

- Знаете этого? - спросил он, показав пальцем на дверь...

- Могу сказать: невежественный и грубый человек.

- Гм-гм... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть, ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся; через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина»³.

Во время другой встречи разговор зашел об Алексинском, ставшем, как известно, ренегатом и антисоветчиком. «Можете представить: с первой же встречи с ним, - рассказывал Владимир Ильич,- у меня явилось к нему чисто физическое

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 27.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 325.

³ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 332.

отвращение. Непобедимое. Никогда, никто не вызывал у меня такого чувства. Приходилось вместе работать, всячески одергивал себя, неловко было, а- чувствую: не могу я терпеть этого выродка!»¹.

Среди отрицательных характеристик, которые Ленин давал некоторым людям, была, например, и такая - «бабник»... Владимир Ильич считал это признаком элементарной непорядочности, которая неизбежно должна была проявиться и в других сферах деятельности данного человека. «Прекрасный, высокоодаренный юноша! - говорил он об одном знакомом.- Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую... Я не поручусь... за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке»².

Казалось бы, пустяк, мелочь... Мелочь, не способная заслонить главного - идейной, политической позиции... Но вот история одного из конфликтов Ленина с Плехановым, предельно искренне рассказанная самим Владимиром Ильичем.

В 1900 году он приехал в Швейцарию для переговоров с Плехановым. «Никогда, никогда в моей жизни, - замечает Ленин, - я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением...» И вдруг, в ходе переговоров, - резкий конфликт, ультиматум... почти разрыв.

Причины? Владимир Ильич отвечает: «Подозрительность, мнительность» Плеханова, «абсолютная нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы», стремление «всегда считать себя донельзя правым», а главное -

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 332-333.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 48.

«властвовать неограниченно». «...Тут уж нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он - человек неискренний».

«Мою «влюбленность» в Плеханова... как рукой сняло, -- рассказывает далее Ленин, - и мне было обидно и горько до невероятной степени... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу».

«Просто, как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]- неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?.. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь...».

В заключение Ленин делает чрезвычайно интересный вывод.

Да, «мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это - мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение

в теоретической правоте неспособно заставить забыть его отталкивающие качества»¹.

После Октября, с началом социалистического строительства, с этой же проблемой - соотношения главного и «мелочей» в характеристике человека - Владимиру Ильичу пришлось столкнуться в несколько ином аспекте. Ему не раз приходилось выступать против тех, кто словами о «преданности революции» и своей ортодоксальной «классовой позицией» пытался прикрыть глупость и бесхозяйственность, карьеризм и элементарную непорядочность... Именно в пылу этой полемики и рождались столь, казалось бы, несовместимые сочетания, как «коммунистическое чванство» или, того хуже, уже упоминавшееся «коммунистическая сволочь».

В декабре 1921 года председатель ВСНХ П. А. Богданов написал Владимиру Ильичу, что к коммунистам, уличенным в самой дурацкой бесхозяйственности и волоките, надо подходить помягче, ибо они исключительно хорошие, а главное, «преданные работники». Ленин, с трудом сдерживая ярость и иронию, ответил, что, «принимая во внимание исключительную преданность Советской власти, вполне доказанную рядом свидетелей», суд может на первых порах действительно вынести мягчайший приговор. Однако он должен публично широко и совершенно категорически предупредить «при сем, что впредь будем карать... святеньких, но безруких болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а умение вести дело»².

В начале 1922 года, в связи с заявлениями о злоупотреблениях в жилищном отделе Моссовета, была предпринята его ревизия. Она действительно

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 343, 344, 345.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 87, 88.

вскрыла злоупотребления при распределении жилплощади, в которые был замешан и член партии, заведовавший московским коммунальным хозяйством. Однако бюро МК и президиум Моссовета отвергли выводы ревизии и назначили свою комиссию для пересмотра дела.

18 марта, узнав об этой истории, Ленин направляет письмо в Политбюро ЦК:

«...Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на судьбы в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет исключать из партии.

...Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»¹.

А знаменитое ленинское «Лучше меньше, да лучше» в марте 1923 года, где речь шла о подборе кадров для Рабкрина, на который возлагались высшие контрольные функции за деятельностью всего партийного и государственного аппарата... Рабкрин, подчеркивал Ленин, сможет выполнить поставленную задачу лишь в том случае, если удастся добиться сосредоточения в нем «человеческого материала действительно современного качества», действительно лучших людей. Каких именно? «Для этого нужно, - отмечает Владимир Ильич, - чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, - не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели»².

А знаменитое ленинское «Письмо к съезду», где он дал характеристики некоторым членам

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 53.

² Там же, с. 389, 391-392.

ЦК... Разве рядом с четкими политическими оценками не стоят в нем и такие сугубо «человеческие», как безмерная «самоуверенность» или «односторонность», «грубость» или «капризность». «Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью», - замечает Владимир Ильич. Но в политике «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹.

Ну хорошо, все это характеристики людей и отношение к людям, стоящим - или стоявшим ранее - по эту сторону баррикад. А применим ли подобный подход к тем, кто находился «по другую сторону»? К политическим противникам? Да еще в обстановке острейших революционных битв и гражданской войны?

Если речь идет о субъективных мотивах поведения и сугубо личных оценках - да, применим! В свое время Лассаль довольно остроумно заметил: «Слуги реакции не краснобаи, но дай бог, чтобы у прогресса было побольше таких слуг». Политический противник тоже может быть умным или глупым, искренним или лицемерным, субъективно честным или бесчестным...

В этом смысле Ленин всегда предпочитал честного противника бесчестному карьеристу. «К нам присосались кое-где, - говорил он на VIII съезде партии, - карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому что более честные «служилые» элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности»².

Но в политике и одной личной честности тоже слишком мало. В политике оцениваются не побудительные

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр., соч., т. 45, с. 345, 346.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 199.

мотивы, не намерения, а прежде всего реальные результаты политической деятельности, ибо, как не раз повторял Владимир Ильич, именно «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Ленин, например, высоко ценил личные, сугубо человеческие качества лидера меньшевиков Ю. Мартова. «Жаль - Мартова нет с нами,- сказал он как-то уже после Октября, - очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!.. Какая умница! Эх...»¹. Но, оценивая его политическую деятельность, Владимир Ильич прямо указывал, что единственным ее результатом может быть лишь «самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии...»².

Точно так же Ленин нисколько не сомневался в абсолютной искренности (качестве весьма важном и ценном в человеке) лидера левых эсеров М. Спиридоновой³. Не сомневался он и в субъективной преданности «революции и социализму» и ее левозэсеровского соратника П. Прошьяна⁴. Но это нисколько не смягчало ленинской политической оценки спровоцированного ими в июле 1918 года антисоветского мятежа, толкавшего Россию на гибельный путь войны.

В свое время (1906 год), бичуя политическую позицию кадетов, Владимир Ильич писал, что «было бы в корне ошибочно, разумеется, объяснить это лицемерие и эту фальшь личными качествами кадетских вождей или отдельных кадетов. Марксизму совершенно чуждо подобное вульгарное объяснение... Нет, среди кадетов несомненно есть преискренние люди, верящие в то,

---

¹ В. И. Ленин и. А. М. Горький, с. 330.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 41.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 496.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 384.

что их партия есть партия «народной свободы». Но двойственная и колеблющаяся классовая основа их партии неминуемо порождает их двуличную политику, их фальшь и их лицемерие»¹.

Вот почему нельзя, указывал Ленин, обманываться словами и посулами политических вожаков, их личной честностью или лицемерием. «Это важно для биографии каждого из них. Это не важно с точки зрения политики, т. е. отношения между классами, отношения между миллионами людей»². Не важно потому, что результаты их политической деятельности выходят за рамки личной судьбы самих политических деятелей.

«В личном смысле, - писал Владимир Ильич, - разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика - это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти»³.

Да, отстаивание своих убеждений есть дело политической чести каждого... Но и дело его личной ответственности за последствия проповеди этих взглядов. И последствий не для самого проповедника, а для судеб миллионов людей...

Представьте себе, что армия отступает, говорил Ленин в марте 1922 года на XI съезде партии, когда свирепствовала разруха, голод и страна переходила к нэпу. «...Отступать после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 288.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 60.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 131-132.

все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, - тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная»¹.

И когда в такой обстановке меньшевики начали сеять панику, Ленин прямо предупредил их: мы будем преследовать меньшевиков не за личные убеждения и уж совсем не «за то, что они с нами в Женеве дрались» до 1917 года, а именно за данную публичную пропаганду, сеящую панику в массах.

И все-таки, почему «честность» и «искренность» политических противников важна, как говорил Ленин, «для биографии каждого из них»?

Во-первых, потому, что если честный и искренний человек в конце концов возьмет на себя политическое обязательство - не вести антисоветской пропаганды, то ему можно верить и с ним можно работать.

Еще в 1919 году, когда некоторые меньшевики заявили: «Мы от политики отказались, мы охотно будем работать», Ленин ответил им: «Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят». Если люди верят в учредилку, мы им говорим: Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой». Среди них растет число людей, которые знают, что в политике они оскандалились...»².

И во-вторых, если человек действительно заблуждался искренне, а главное - если он

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 88.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 254.

действительно предан делу освобождения трудящихся, то всегда возможен и вероятен пересмотр им своих взглядов, сближение с революционной марксистской партией рабочего класса. Применительно к таким людям, как, например, левый эсер Прошьян, Ленин писал даже о «неизбежности» его сближения с коммунизмом¹.

Известно, что именно такой путь - от борьбы против большевиков до вступления в Коммунистическую партию - как раз и проделали некоторые действительно честные меньшевики и эсеры. И столь же хорошо известно, что произошло это не потому, что кто-то «дипломатничал» с ними, замалчивал их ошибки, колебания, а именно потому, что шла острая идейно-политическая борьба против этих ошибок, за данного человека. Это и было высшим проявлением (понимаемых не по-обывательски) заботы и чуткости по отношению к людям...

Вставка к стр. 154

Выше мы упоминали о профессоре Марке Петровиче Дукельском и его "злом" письме Владимиру Ильичу. После публикации в «Правде» 28 марта 1919 года этого письма и ленинского "нелицеприятного" ответа, воронежские обыватели с часу на час ждали ареста Дукельского... Раздавались телефонные звонки, приходили сочувственные, но анонимные письма от тех, кто именовал себя представителями "старой русской интеллигенции" и советовал ему сделать «следующий шаг» - уйти к белым.

Дукельского арестовали... но не большевики, а белые, когда осенью 1919 года Мамонтову и Шкуро удалось захватить город... После допроса профессор был брошен в тюрьму в качестве заложника. Спасла его Красная Армия, отбившая Воронеж у белогвардейцев.

И этот печальный личный опыт, и ответ Ленина, искренне желавшего помочь Дукельскому и тем, кто

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 385.

разделял его взгляды, разобраться в своих заблуждениях и ошибках, заставили Марка Петровича многое передумать заново...

Он уехал в Москву, преподавал в Вузах, принимал участие в строительстве крупнейших химических предприятий, вступил в Коммунистическую партию, был награжден орденом Трудового Красного Знамени и до самой своей смерти в 1956 году продолжал вести большую и плодотворную научно-педагогическую работу...

От откровенного неприятия Советской власти к активному участию в созидании нового общества - таков путь этого настоящего и честного представителя старой русской интеллигенции¹.

Партийная, классовая позиция, с которой Ленин подходил к оценке людей, никак не однозначнее, а гораздо тоньше и сложнее, чем так называемая «общечеловеческая». И вместе с тем те важнейшие личные качества человека, которые всем опытом развития человечества были оценены как качества положительные, органически входят и в оценку классовую, оценку марксистскую. Ибо, как заметил однажды Владимир Ильич, никакие объективные обстоятельства, казалось бы целиком обуславливающие поведение данной личности, и никакая построенная на этом философская система «нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»².

---

¹ См. "Известия", 1965, 1 октября, с. 6.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

**«... В НАШЕМ
ИДЕАЛЕ
НЕТ МЕСТА
НАСИЛИЮ
НАД ЛЮДЬМИ»**

«В 19 году, - вспоминает Горький, - в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала: „Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!“.

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и, наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

- Если это и выдуманно, то выдуманно неплохо. Шуточка революции.

Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

- Да, этим людям туго пришлось, история мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо»¹.

Революция - «кровавый кошмар»; в революциях «массы ожесточаются» - эти сентенции сегодня, как и вчера, как и сто лет назад, старательно жуют все «морализирующие» буржуазные идеологи, историки и писатели.

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 324.

В революциях «массы ожесточаются»? Не правда! Революция в этом смысле - лишь переход «количества в качество». Надо было веками угнетать, грабить, насилловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы пожать в конце концов такие взрывы народной ненависти... Эксплуататоры заслужили великий гнев народа.

А в России - России начала XX века? Где ж вы были, «господа хорошие», проклинавшие «разинщину», «пугачевщину», 1905-й и 1917-й, когда люди пухли и мерли от голода? Когда пороли целыми селами и спаивали водкой? Когда на целые деревни грамоту знали лишь поп да писарь? Когда на чуждые им «японскую» или «германскую» войны гнали миллионы мужиков и там забивали, как скот на бойне?

Где ж вы были? Скорбели о «младшем брате»? Философствовали о «русской душе»? Занимались копеечной благотворительностью? Так кто ж виноват в том, что в каждом сытом и прилично одетом мужик всегда видел чужого - «барина»? Не понять этого тем, кто не побывал в мужицкой шкуре... А впрочем...

«...Каждая ранняя и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицею, и тогда горе побежденным...». Этот беспощадный приговор всему миру насилия и угнетения был написан чуть ли не за столетие до 1917 года молодым поэтом Михаилом Лермонтовым¹.

А после 17-го года другой великий поэт - Александр Блок, отвечая тем, кто увидел в революции лишь «хаос и разрушение», писал:

---

¹ Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973, с. 709.

«Почему дырявят древний собор? - Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? - Потому, что там насильовали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему - мощной, а дураку-образованностью.

Все так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают»¹.

«В истории человечества, - писал Маркс, - существует нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам же угнетатель»². Но для революционера недостаточно понять только это. Созная свою ответственность перед человечеством, он должен не плыть по течению, а занять свою позицию, определить свое отношение к тем или иным методам борьбы, ответить на тысячи вопросов, встающих в этой связи в вихре революционных событий. И эти ответы были даны Марксом, Энгельсом, Лениным.

Ленин-революционер, Ленин-политик - это как раз та главная арена, на которой и сегодня пытаются дать бой противники ленинизма, противопоставляющие «крови» и «ужасам» революции извечные «общечеловеческие» идеалы и христианские заповеди.

Оправдывая любые жестокости империализма, буржуазные апологеты упрекают марксистов, и в особенности Ленина, в том, что, разрабатывая тактику политической борьбы, они якобы

---

¹ Соловьев Б. Поэт и его подвиг, с. 709.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 296

опирались и опираются исключительно на вооруженное насилие...

В ход идет все - фальсификации и передержки, кромсание тех или иных цитат и выдергивание тех или иных фактов и событий из их исторического контекста, - лишь бы «доказать», что вся марксистская «практика» глубоко антигуманистична, аморальна, а сами марксисты якобы не брезгают в политической борьбе никакими средствами...

Такого рода «критики» любят, например, приводить слова Энгельса: «...для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным». При этом сознательно опускают начало фразы: «Отвлекаясь от вопроса морали - об этом пункте здесь речи нет, и я его поэтому оставляю в стороне...»¹. Между тем, переходя от теоретического научного анализа к социальной практике, марксистская политика никогда не отвлекается от вопросов морали и никогда не оставляет их в стороне.

Или цитируют Ленина: «Еще Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность... Наивные белоручки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела». И эти слова приводятся в доказательство того, что Ленин якобы вообще считал всякую политику «грязным делом»... Помилуйте! Но ведь именно в опущенных словах как раз и говорится, какую и чью конкретно политику он считал «грязью»: кто боится «испачкать себе руки, раскапывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит прочь»².

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 37, с. 275.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 266-267.

Если бы речь шла лишь о профессиональных фальсификаторах, то вряд ли стоило бы останавливаться на данной проблеме. Но, очевидно, многократное повторение подобного тезиса и ухищренность его «обоснования» привели к тому, что многие - даже из тех, кто не отрицал величия идеалов марксизма и величия самого Ленина, - стали воспринимать этот тезис как установленную аксиому.

«Я уважаю в Ленине человека, - писал, например, Альберт Эйнштейн, - который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости». Но тут же Эйнштейн, добавляет: «Его метод кажется мне нецелесообразным...»¹.

Что ж, давайте посмотрим, что это за «нецелесообразный метод».

Сделаем лишь одно отступление... Попытки решать те или иные проблемы (в том числе и нравственные), связанные с эпохой революции, обращаясь к житейскому опыту взаимоотношений двух или нескольких человек, в данном случае абсолютно бесперспективны. Ибо в революционные эпохи речь идет не только о судьбе отдельного человека, вольного распоряжаться своей жизнью, как ему заблагорассудится, а о судьбах масс. И это сразу меняет критерии нравственных оценок.

«Чтобы показать конкретно, - говорил Владимир Ильич, - я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит- это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста

---

¹ Гернек Ф. Альберт Эйнштейн. Жизнь во имя истины, гуманизма и мира. М., 1966, с. 130-131.

тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, - тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию...»¹.

Точно так же бессмысленны и попытки решать проблемы, встающие в ходе революции, на уровне анализа отдельных ее сторон, отдельных фактов и фактиков или же абстрактных рассуждений о морали и революции «вообще»... «Очень обычен провоз всяческой контрабанды под флагом общих фраз», - писал Владимир Ильич. Хотя «подобрать примеры» - тоже «не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев... Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»².

Сегодня, листая архивные документы, воспоминания современников, собрания сочинений Ленина, выискивая ту или иную деталь, черточку, характеризующие его как революционера, вождя и мыслителя, наверное, тоже можно было бы раскладывать по полочкам те или иные дела его и поступки. Но это занятие ненужное и бесперспективное. В вихре революционных событий все они причудливо чередовались и переплетались. И в один и тот же день 1919 года Ленин разрабатывал и меры по расширению бесплатного детского питания, и меры по вооруженному подавлению контрреволюционного мятежа гарнизона Красной Горки...

Об органической связи целей борьбы и всей

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 31.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 349, 350.

марксистской политики с идеалами гуманизма говорилось выше. Попробуем проследить некоторые отправные идеи, определяющие непосредственную «практику», а для начала - решение марксистами соотношения между целями и средствами, с помощью которых эти цели достигаются.

Проблема сложная и, если хотите, извечная... Заметим, кстати, что никакие «христианские заповеди» не решают ее, а когда Библия, многократно затрагивающая проблему насилия, попыталась перейти от общих слов к конкретной ситуации, то даже господь бог оказывался не на высоте... Вспомните библейскую полемику между Авраамом и богом...

Узнав, что господь решил покарать за нечестивость города Содом и Гоморру, и решив, что это не очень вяжется с понятием о справедливости, Авраам спросил у бога: а если в Содоме найдется хотя бы пятьдесят невинных, справедливо ли будет, чтобы они погибли вместе с грешниками? Бог, не подозревая подвоха, ответил, что если найдется пятьдесят праведников, то он, безусловно, пощадит город.

Однако Авраам не остановился на этом. Смиренно, подчеркивая, что он есть лишь прах и пепел перед господом, Авраам спросил, а истребит ли бог город, если там окажется всего-навсего сорок пять праведников. «Не истреблю», - успокоил его господь. Но Авраам и тут не уgomонился, он стал последовательно снижать «ставку» сначала с сорока до тридцати, потом до двенадцати... и наконец дошел до десяти. И каждый раз господь давал ему успокоительный ответ...

Но, очевидно, где-то внутри вся эта «арифметика» порядком надоела богу, тем более что затянувшийся спор грозил дойти до рокового числа - один - или, того хуже, как у Достоевского, -

вообще до одного «невинного младенца». Во всяком случае, господь, прервав беседу, встал и ушел... Но разговор не остался без последствий: судя по всему, что-то внутри у бога поколебалось. Так или иначе, но сам он в Содом не пошел, а послал туда двух своих ангелов... И вот тут-то и выяснилась разница между благодушными размышлениями и практикой, хорошими намерениями и реальной жизнью.

При первом же столкновении с толпой содомитов ангелы, спасая себя, немедленно применили свое «божественное оружие», ослепив нападающих. А когда в городе уже все успокоилось, они, прихватив семейство лишь одного праведника Лота, давшего им ночлег, бежали из города. Разбираться в том, есть в нем еще невинные и сколько их, никто не стал. На Содом и Гоморру обрушился поток серы и огня, и от обоих городов остались лишь груды дымящихся развалин...

Несостоятельной в столкновении с реальной жизнью оказалась и евангельская заповедь «не убий». На протяжении тысячелетий, оставаясь благим пожеланием, она нисколько не мешала «власть имущим» убивать, морить голодом до смерти и истреблять в бесчисленных войнах своих неимущих «младших братьев во Христе». И в этом смысле прав был Достоевский, когда устами одного из братьев Карамазовых горько пошутил: если бы Христос опять сошел на нашу землю со своей проповедью, то он вновь бы был распят- и на сей раз уже христианами.

Пожелание «не убий» само по себе хорошо, даже прекрасно. Но оно обречено оставаться прекраснодушной фразой, «и мы перестали бы быть марксистами, - писал Ленин, - перестали бы быть вообще социалистами, если бы ограничились христианским, так сказать, созерцанием

доброты добреньких общих фраз, не вскрывая их действительного политического значения»¹.

Вот почему, когда Л. Толстой выступил со своей знаменитой статьей «Не убий никого!», Плеханов ответил ему: «Эта мысль, --- представляющая собою, по выражению гр. Л. Н. Толстого, подтверждение, а по-моему, самое простое повторение весьма древнего «закона»,- сама по себе совершенно правильна. Но эта сама по себе совершенно правильная и очень, очень древняя мысль до сих пор еще везде далека от своего осуществления, - и особенно далека она от него в России... Стало быть, вопрос не в том, правильна ли сама по себе эта очень, очень древняя мысль, а в том, где лежат препятствия, мешающие ее осуществлению, и какими средствами могут быть устранены эти препятствия?»².

Вопрос о методах и средствах достижения цели, об отношении к различным формам революционного насилия действительно сложен, и именно при решении его, как указывал Ленин, происходят «расхождения между теорией, принципами, программой и делом», именно на нем чаще всего приходят в противоречие идеалы и «непосредственные действия»³.

Для марксистов никогда не было тайной, что иезуитская мораль - «цель оправдывает средства» - неверна и неприемлема, между прочим, и потому, что она нецелесообразна, «непрактична», ибо отнюдь не любые средства могут привести к намеченной цели. Известные слова Маркса: «...цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель...»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 246-247.

² Плеханов Г. В. Соч., т. XV, с. 349.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 74.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 1, с. 65.

– как раз и выражали эту совершенно очевидную для марксиста истину.

И дело тут заключалось не только в моральном аспекте этой проблемы. Маркс и Энгельс всегда подчеркивали тесную взаимозависимость и взаимосвязь методов борьбы и ее конечных результатов. Соотношение между средствами и целью в политической борьбе, указывали они, аналогично соотношению между результатом и методом его получения в научном исследовании.

Всякий результат, писал, в частности, Маркс, всегда зависит от способа его получения. И если верен метод, то по необходимости будут верны и те результаты, к которым он приводит. «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»¹. Что же касается попыток рассматривать средства достижения цели и саму цель как нечто независимое друг от друга, то Энгельс иронически сравнивал эти попытки со знаменитыми в то время «мориссоновыми пилюлями», лечившими якобы от всех болезней².

Казалось бы, стоит лишь составить список средств «правых» и «неправых» и действовать сообразно этому списку, как вся проблема будет решена. Но в том-то и дело, что использование того или иного средства, рассматриваемое абстрактно, не может быть категорически оценено на все случаи жизни как добро или зло. Оно становится таковым только тогда, когда человек соответствующим образом его употребляет, и зависит прежде всего от целей и мотивов людей, которые этим средством пользуются, и от того, как оно употребляется.

Зло или благо нож хирурга, кромсающий тело человека?..

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 1, с. 7.

² См. там же, с. 585.

Насилие, взятое само по себе, есть средство «неправое», есть зло. «...В нашем идеале, - указывал Ленин, - нет места насилию над людьми»¹. Но когда против зла нет иного лекарства, кроме самого зла, когда «приходится прибегать к таким средствам, которые не заданы специфическими, внутренними целями данного движения, а навязаны конкретным соотношением сил, конкретно-историческими условиями»², тогда употребление зла может стать «правым средством», стать благом, как становится благом скальпель хирурга, спасающий человеческую жизнь.

В «Сказании о Флоре» В. Короленко, возражая Л. Толстому, справедливо заметил: «Сила руки - не зло и не добро, а сила; зло же или добро - в ее применении. Сила руки - зло, когда она подымается для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего - она добро»³.

На эту внутреннюю объективную взаимосвязь между целью и средствами борьбы неоднократно указывал Ленин: «Всякий здравый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности».

И Ленин прямо ставит вопрос: «Есть ли разница между убийством с целью грабежа и убийством насильника?.. Не зависит ли оценка того, хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

² Фаркаш Э. Мораль и революционность. М., 1979, с. 91.

³ Редактор пишет: «почему нет сноски?»

оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?»¹.

Значит, никакой список средств заведомо «правых» или «неправых» не может помочь в решении конкретных политических и социальных проблем. «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, - писал Владимир Ильич, - и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека первоначально кажется»².

Основоположники марксизма не раз повторяли мысль о том, что именно революции являются «локомотивами истории», а насилие - ее «повивальной бабкой». Но, формулируя эту мысль, они исходили отнюдь не из особых симпатий к насилию. Они констатировали объективный закон развития антагонистических классовых обществ на той стадии, которую они называли «предысторией человечества».

История этих обществ всегда была историей кровавого насилия над людьми, причем насилия, чинимого ничтожным меньшинством над большинством. И революционное насилие всегда выдвигалось лишь как альтернатива большинства народа по отношению к насильничающему меньшинству.

Анализ основных тенденций классовой борьбы и тогдашнего опыта международного пролетарского движения привел Маркса и Энгельса к выводу, что в условиях безраздельного господства капитализма во всем мире наиболее вероятные формы борьбы при переходе политической власти к рабочему классу будут так или иначе связаны с вооруженным насилием по отношению к буржуазии.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 364.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 219.

И объяснялось это опять-таки не какой-то особой склонностью пролетариев к насилию, а тем, что именно буржуазия, правящие классы вообще всегда первыми прибегали к оружию для защиты своих корыстных интересов, т. е. сами толкали народные массы на путь вооруженной борьбы. Материальная сила, указывали в этой связи классики марксизма, может быть опрокинута только материальной силой, т. е. старый мир можно изменить не «оружием критики», а лишь посредством революционной «критики оружием».

Но даже установив эту наиболее вероятную перспективу, ни Маркс, ни Энгельс отнюдь не абсолютизировали вооруженную борьбу как единственное и универсальное средство достижения пролетариатом его конечной цели.

На вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?»- Энгельс отвечал: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать»¹. Маркс, всегда решительно боровшийся против экстремистских и анархистских концепций пролетарской революции, писал: «Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем»².

Идеи классиков марксизма были развиты Лениным применительно к новым условиям классово-войн, сложившимся в XX столетии. Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин считал, что для рабочего класса, призванного сохранить и защитить от физического и нравственного вырождения главное достояние планеты - трудящиеся массы, сохранить и умножить достояние человеческой культуры, мирный путь борьбы за конечную

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 4, с. 331.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 17, с. 635.

цель - коммунизм - является наиболее предпочтительным и целесообразным.

«Рабочий класс, - писал он еще в 1899 году, - предпочел бы, конечно, мирно взять в свои руки власть...»¹. В 1913 году, в момент назревания революционного кризиса, он опять подчеркивал, что пролетариат «обеими руками ухватился бы за малейшую реформистскую возможность осуществления всякой перемены к лучшему»². Наконец, в 1917 году Ленин вновь и вновь повторяет, что именно мирный путь наиболее желателен. «Так было бы всего легче, - пишет он, - всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться»³. Не отрицал он и того, что в будущем, при определенных исторических условиях, вполне будет «возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»⁴.

Но ход классовой борьбы в России, а отнюдь не субъективная воля теоретиков, вождей и партий создал иную объективную обстановку, при которой «всякой перемены к лучшему» можно было добиться только путем восстания.

Если в начале века Россия не знала себе равных в тогдашнем мире по остроте, глубине, многообразию и переплетению самых различных классовых противоречий и социальных конфликтов, то не знала она равных и по многообразию форм и методов революционной борьбы. И это не было случайностью, ибо страна стояла накануне первой народной революции эпохи империализма.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 264.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 396.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 12.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

Еще в 1902 году Ленин писал, что «всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм»¹. Русская революция подтвердила этот вывод. Темп развития событий, меняющиеся условия и обстоятельства борьбы, вовлечение в нее гигантских народных масс и многообразие форм проявления их инициативы породили многообразие форм самой борьбы.

Для определения конкретной программы действий в обстановке ожесточенной классовой борьбы Ленин считал совершенно необходимым по крайней мере три условия: 1) ясное представление «о конечной цели»; 2) понимание «того пути, который ведет к этой цели»; 3) точное представление «о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента»².

Вся деятельность революционной пролетарской партии в массах, постоянно подчеркивал Ленин, должна быть направлена не на «пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии», а на «указание этому движению его конечной цели», а стало быть, и средства борьбы должны прежде всего соответствовать ей, т. е. «содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса...». В этом Ленин видел главную и основную задачу революционных марксистов. И «всякий, - писал он, - кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению»³.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 385.

² Там же, с. 397.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 373, 374.

Определяя целесообразность любого конкретного приема борьбы, Ленин решительно боролся с попытками абсолютизации той или иной формы движения. И в этом отношении Владимиру Ильичу на протяжении всей его революционной деятельности приходилось иметь дело с противниками как справа, так и слева.

Так называемые «левые» исходили из того, что все вообще формы и методы борьбы классифицируются очень просто: они делятся лишь на радикальные и умеренные. Этот метафизический подход неизбежно приводил их к выводу, что чем радикальнее данное средство само по себе, тем скорее приведет оно к намеченной цели.

С другой стороны, «правые» оппортунисты, столь же категорично отказываясь от любых революционных форм насилия, абсолютизировали мирные средства борьбы, утверждая, что такой путь и наиболее «практичен», и в наибольшей мере соответствует «марксистскому идеалу».

Что касается «практичности», то еще в 1909 году ее хорошо высмеял Каутский, тогда еще не распрощавшийся окончательно с марксизмом: «Нет ничего ошибочнее воззрения, что в политике дело решают интересы минуты, что отдаленные идеалы не имеют никакого практического значения, что мы в нашей выборной агитации тем лучше успеваем, чем «практичнее», т. е. трезвеннее и мелочнее, мы ведем себя, чем больше мы говорим о налогах и пошлинах, о полицейских придирках, о больничных кассах и тому подобных вещах и чем более мы рассматриваем наши великие цели грядущего, как миновавшую юношескую любовь, о которой в глубине души охотно вспоминают, но о которой открыто предпочитают не говорить»¹.

---

¹ Каутский К. Путь к власти. Изд. 3-е. М.-П., 1923, с. 26.

Эту ироническую оценку следует дополнить: марксисты никогда не фетишизировали мирный путь, как и никогда не отвергали насилия. Точно так же, как и сам мирный путь никогда не означал отказа от насилия. Разница между обоими путями отнюдь не тождественна разнице между реформой и революцией. И рубеж между марксизмом и немарксизмом лежит не здесь. Не в абсолютизации одного из путей, а в точном анализе обстановки и определении в зависимости от нее методов борьбы, действительно ведущих к конечной цели.

Ленин отмечал, что только совсем «неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны... нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно»¹. Он высмеивал любые попытки усмотреть различие между оппортунистами и революционерами-марксистами лишь в том, что те «не признают вооруженного восстания, а мы признаем». «Оппортунисты ведут,- указывал Владимир Ильич,- одинаково оппортунистическую политику при использовании всех средств борьбы и на всех поприщах работы...»². И в этом, а не в предпочтении мирных форм движения заключается главное и коренное отличие.

В противовес «левым» и «правым» оппортунистам Ленин считал, что ни одно средство борьбы не может быть хорошо само по себе, хорошо безусловно. И ни об одном из них нельзя сказать, что именно оно при всех условиях наиболее быстро и верно приведет к цели.

Во-первых, когда то или иное средство борьбы, совершенно правильное при определенных

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 81.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 222.

условиях, начинает возводиться в ранг вообще «наилучшего», оно тем самым утрачивает всякую связь с теми условиями, при которых оно являлось верным. И тогда это средство становится ошибочным.

А во-вторых, - и это главное, - когда данное отдельное средство, пускай даже самое «радикальное», приобретает значение безусловного принципа, оно тем самым перестает соотноситься с целью, начинает рассматриваться независимо от нее и поэтому грозит прийти - и очень часто действительно приходит - в полное противоречие с нею.

История дала немало примеров того, как одна и та же форма проявления революционной активности в различных условиях приобретала диаметрально противоположный характер.

В свое время, когда народовольцы осуществили ряд террористических актов, направленных против царя, в России не было массового пролетарского революционного движения. Со стороны вообще казалось, что эта страна, подобно многим восточным деспотиям, находится в историческом небытии. Народовольцы разорвали эту тишину.

«Они проявили, - писал Ленин, - величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира».

«...Своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, - продолжал Владимир Ильич, - они не достигли и не могли достигнуть». Но сам факт открытого протеста и борьбы, пускай даже одиночек, в тех условиях, когда не было массы, на которую они могли бы опереться, еще имел какой-то смысл и оправдание. «Несомненно, - указывал Ленин, - эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали - прямо или косвенно - последующему

революционному воспитанию русского народа»¹.

Однако в новую эпоху, в новых условиях, когда огромные массы народа, проснувшись от вековой спячки, пришли в движение, когда на арену политической борьбы вышел пролетариат, такого рода тактика индивидуального террора стала вредной, ошибочной формой борьбы. И все-таки нашлись люди, считавшие себя революционерами, которые пошли по «задам» истории и попытались гальванизировать это «самое радикальное» средство.

В 1902 году, когда «социалисты-революционеры» начали пропаганду и приступили практически к организации индивидуального террора против царских прислужников, они выпустили несколько ширококвещательных прокламаций, обосновывавших данную тактику. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, - говорилось в одной из них, - так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу».

На первый план эсеры выдвигали опять-таки «практичность» данной тактики: «...против толпы у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций - тайная и явная полиция, но что спасет его... от отдельных личностей или небольших кружков?.. Никакая сила не поможет против неуловимости. Значит, наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия... смертью».

Тут же содержался и весь джентльменский набор теории «эксцитативного террора»: «каждая молния террора просвещает ум», «заставляет людей политически мыслить хотя бы против их воли», «будит дух борьбы и отваги» м, наконец, террор «вернее, чем месяцы словесной

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

пропаганды, способен переменить взгляд... тысяч людей на революционеров и на смысл (II) их деятельности»¹.

«Непосредственную осязательность и сенсационность результатов,- писал тогда Ленин об эсерах, - они смешивают с практичностью»². И история давно уже доказала и теоретическую несостоятельность, и абсолютную «непрактичность» всех перечисленных аргументов.

Самодержавие очень быстро научилось не только защищаться, но и ловить «неуловимые личности», именно их тайные организации стали благодатной почвой для полицейских провокаторов, а главное - даже «успешные» результаты их пресловутого «единоборства» ни в коей мере не приближали Россию к свободе.

Отсутствие ясного понимания путей, ведущих к намеченной цели, неопределенность самой цели, прикрываемая цветистыми и «кровавыми» фразами, проявилась у эсеров и в исходной посылке их тактики - «отдать жизнь революционера за месть негодяю» (который тут же замещался другим негодяем), и в стремлении заставить «людей политически мыслить хотя бы против их воли», и в противопоставлении «единоборства» одиночек революционным выступлениям масс, которые только и могут принести народу свободу³. И как раз этому массовому движению, искавшему правильных путей и средств борьбы, эсеровские «поединки» приносили лишь глубочайший вред.

Ленин не раз указывал, что тот, кто ориентируется в политике лишь на сиюминутный результат, чаще всего проигрывает в более отдаленной перспективе. Парадокс эсеровской

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 375-376, 384.

² Там же, с. 385.

³ См. там же, с. 375, 384, 385.

тактики индивидуального террора заключался в том, что она давала чистый «проигрыш» и в сиюминутных, и в более удаленных масштабах.

Не только потому, что она неизбежно усиливала политическую реакцию, ужесточала репрессивную машину самодержавия. «Поединки», писал Ленин, поскольку они остаются поединками и не стоят ни в какой связи с массами, «непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка»¹.

Таким образом, тактика индивидуального террора не просвещала, а развращала сознание масс, не спланировала их на борьбу за сознательно поставленную цель, а дезорганизовывала эту борьбу, порождая «иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием»²

И об этом тогда же, в 1902 году, и в последующие годы многократно писал Ленин, заклеивший эсеровскую рекламу террора как полную идейную беспринципность и безответственный политический авантюризм «людей, свободных от стеснительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений!»³.

Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин считал, что определение конкретных форм борьбы зависит прежде всего от революционного творчества самих масс. «...Марксизм, - писал он, - отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 384.

² Там же, с. 385.

³ Там же.

борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения»¹. Попытки «навязывать» массам те или иные средства, «тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров», Ленин вообще считал бессмыслицей².

Но это, безусловно, отнюдь не означало, что к проблеме выбора средств борьбы он относился совершенно индифферентно. Это тем более не означало того, что Ленин, как утверждали его политические противники, оценивал любые средства лишь с точки зрения их сиюминутной практической «пользы» и результативности. Возведенную в принцип беспринципность - «не важно, как именно получился известный результат, важен самый результат» - он считал характернейшим элементом буржуазной политики. Что касается пролетариата, то вопрос о том - «как именно получился известный результат» - для него совсем не безразличен. «...Для рабочей массы, - указывал Ленин, - желаящей сознательно относиться к политике, это очень важно...»³.

В условиях России начала XX века, когда в революционное движение втягивались различные по опыту борьбы и уровню сознания классы и социальные группы, возмущение народных масс, и в особенности крестьянства, нередко выливалось в самые первоначальные формы протеста, в формы стихийного «бунта» - в разрушение зданий и машин, поджоги, отравы и даже специфические формы так называемого деревенского «хулиганства», за которым, как отмечал Ленин, стояли «жгучие,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 190.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 266.

неотомщенные обиды»¹. Вот почему, высоко оценивая роль революционного творчества самих масс, Владимир Ильич указывал, что долг партии рабочего класса в том и состоит, чтобы не плестись в хвосте движения, а «активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы»².

Еще в 1901 году, отмечая рост ненависти «в массах простого народа» по отношению к власти имущим, Ленин писал, что задача революционеров состоит в том, чтобы просвещать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы». Только тогда, подчеркивал он, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»³.

А возможно ли вообще для революционера выступление против какой-то стихийно возникшей формы массового движения, если она является нецелесообразной? Ленин считал не только возможным - необходимым... Но как?

В 1916 году в ряде мест страны на почве голода и дороговизны произошли стихийные массовые волнения, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок и избиением лавочников. Как должен отнестись к подобным выступлениям революционер?

Свой ответ на этот вопрос попытался дать один из меньшевистских лидеров Ю. Мартов.

С одной стороны, писал он, «плоха та революционная партия, которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами». С другой стороны, «плоха

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 368.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 385.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 416.

была бы та партия, которая считала бы своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами, как с выступлениями нецелесообразными»...

В целом же, «вспыхивающие на почве дороговизны и т. п. народные волнения... не могут непосредственно стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу». А посему «кокетничанье» с таким движением, а тем более «легкомысленные спекуляции» на нем - «прямо преступны». Остается лишь призывать эти массы «к организованной борьбе», а именно- «к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам».

Принципиально иной ответ дал Ленин... Революционный социал-демократ, указывая он, в условиях голода и кровавой войны, ежедневно уносящей сотни и тысячи человеческих жизней, должен был обратиться к массе не с призывом к «организации кооперативов»... Он должен был сказать: да, «громить лавочку нецелесообразно», ибо в голоде и войне, которые довели людей до исступления, виноват не этот мелкий лавочник, а виновато правительство.

Так давайте же «направим свою ненависть на правительство», а для этого организуемся, сговоримся с рабочими других городов, «устроимте посерьезнее демонстрацию», обратимся к солдатам и «привлечем к себе часть войска, желающую мира»...

Вот как должен был, по Ленину, действовать настоящий революционер. И через два месяца после публикации этой ленинской статьи именно так действовали в Питере рабочие-большевики, когда в столице на почве голода и всеобщего недовольства войной вспыхнули массовые волнения. Борьба закончилась победой Февральской революции...

Но это произошло спустя два месяца, а тогда, в декабре 1916 года, Ленин писал: предположим, что революционер столкнулся «с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против нецелесообразной формы... во имя чего? во имя целесообразных революционных выступлений...»¹.

Каковы же критерии этой целесообразности? Критерии, которые позволяли бы во всем многообразии форм жесточайшей борьбы находить именно те средства, которые только и могут привести к «правой цели».

Еще на II съезде РСДРП, во время дискуссии о средствах, которые пролетариат может применить по отношению к своим врагам контрреволюционерам, Плеханов привел известное изречение: «Благо революции - высший закон». «И если бы ради успеха революции, - говорил он, - потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

В 1918 году, комментируя эти слова, Ленин написал: «Польза революции, польза рабочего класса - вот высший закон. Так рассуждал Плеханов, когда он был социалистом»².

Но что есть благо для революции?

В 1921 году Владимир Ильич, читая драматическую пенталогию Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу», присланную ему автором, особо отметил и выделил одно место: «Говорят, что если умыть кошку, то она потом уже никогда не будет умываться сама. Не знаю, правда это или нет, но несомненно одно: если человека

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 232.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 185.

чему-нибудь учить, он этому никогда не выучится. Поэтому, если хотите, чтобы ваша кошка была чистой, вылейте на нее ковш грязи: она немедленно начнет так усердно вылизываться, что станет чище прежнего»¹.

За юмором Шоу скрывается одна очевидная истина. Самодеятельность, собственная инициатива являются началом жизни вообще, а уж человеческой жизни в особенности. В органической потребности самому распоряжаться своей судьбой как раз и заключается важнейшее условие развития человека. Причем именно в политической сфере возможность личной инициативы и самодеятельности более всего «возвышает» людей над их сугубо частным, эгоистическим интересом. Именно в политической деятельности, в сплочении на почве общественных устремлений возникает осознание общности народных интересов, без которой немислимы ни развитие самого человека, ни прогресс человечества. В этом смысле совершенно прав был Аристотель, более двух тысяч лет назад назвавший человека «существом политическим».

«Существо политическое»? Не устарело ли все это? На первый взгляд современная история дает немало примеров того, как власть имущие вершат по прихоти своей судьбы целых народов... Какая уж тут «самодеятельность»? Не человек живет, а «человека живут», как выразился немецкий социолог Ганс Фрайер. И этот маленький человек, казалось бы, с удовольствием променял свое первородство - «политическое существо» - на аполитичный, мещанский, замкнутый мирок, смирился с ролью безликостандартного винтика в гигантской машине буржуазного «массового» общества.

---

¹ «Иностранная литература», 1957, № 4, с. 30.

Но ни насильственная узурпация, ни добровольный отказ от своего человеческого «существа» никому не проходят даром.

Народные восстания против диктаторских антинародных режимов стали обычным явлением нашего времени. И в странах так называемого «свободного мира» политика социального маневрирования с ее довольно значительными уступками и подачками массам не только не создает благолепия в душах, а лишь усиливает борьбу трудящихся, и в первую очередь пролетариата, требующих реального участия в управлении и производством и обществом.

Никто не хочет быть ни пассивным объектом воспитания, ни объектом благодеяний, ибо любое благо, полученное или навязанное сверху, не освященное непосредственным участием и самодеятельностью масс, бесплодно, испорчено насилием. Оно вызывает лишь неприятие и протест, даже если это благо диктуется лучшими намерениями. И это вполне естественно. «...Что было бы, - писал Маркс, - если бы ко мне явился портной, которому я заказал парижский фрак, а он принес бы мне римскую тогу на том основании, что она-де более соответствует вечному закону красоты!»¹.

Даже в той среде, которая еще не нашла своего места в социальных битвах современности, человек, лишенный возможности вершить свою собственную судьбу, пытается компенсировать столь «противоестественное» состояние хотя бы иллюзорной самостоятельностью. Это проявляется и в отказе молодежи от комфорта и других достижений цивилизации. И в росте насилия и преступности, наркомании и пьянства - все это тоже, в известной мере, попытки самоутвердиться, суррогаты личной самодеятельности...

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 1, с. 76.

От голода люди звереют. Но и сытое благополучие, купленное ценой вынужденного безволия и послушания, не приносит счастья. Человек, лишенный своего «существа», начинает терять человеческий образ.

«...Там, где разумная необходимость не находит себе открытого хода в жизнь, она берет свое другим, более сложным и уродливым путем... Пока общественный процесс будет отравлен перевесом движения сверху... история еще не раз покажет, что она способна, по выражению Герцена, «давать в сторону». С точки зрения теоретиков так называемого массового общества, пороки современной культуры являются следствием вмешательства толпы, грубого большинства. С точки зрения марксизма, само образование толпы является следствием устранения масс от прямого участия в серьезных общественных делах»¹.

И чем дольше задерживают отживающие общественные отношения развязывание массовой самодеятельности и инициативы, тем страшнее могут быть стихийные формы протеста против вынужденного общественного безволия.

Люди сами являются творцами и авторами их собственной драмы, говорил Маркс. Но в отличие от тех «режиссеров», которые пытались уготовить для народа незавидную роль «голоса за сценой», в лучшем случае - статиста исторических «массовок», Маркс сам прогресс исторического развития человечества мерил прежде всего степенью активности, подъема и самодеятельности масс, их превращением из «страдающего» объекта истории в ее субъект. Иными словами, чем в большей мере широчайшие слои народа участвуют в решении своей

---

¹ Лифшиц М. А. Карл Маркс, искусство и общественный идеал. М., 1972, с. 454, 455.

судьбы, чем в большей мере проявляется и реализуется его непосредственное творчество, тем больший прорыв в будущее делает человечество. Вот почему, указывал Ленин, «историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего»¹.

Достижение конечной цели - коммунизма, указывал Ленин в «Государстве и революции», «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя...»². Но это превращение «нынешнего» человека, которого античеловеческие обстоятельства делают обывателем, в нового свободного человека может быть достигнуто лишь в результате вовлечения широчайших масс в непосредственную общественно-политическую, революционную практику, ибо, как отмечал Маркс, именно «в революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»³.

Именно революция, выводящая массы трудящихся из обычного состояния пассивности и послушания, втягивающая их в активную политическую жизнь, наилучшим образом способствует воспитанию нового человека. «...Мы должны помнить, - писал Владимир Ильич, - какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться гражданами. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 377.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 97.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 201.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 339-340.

Вот почему там, где противники революции и революционного насилия видели лишь «кровь и хаос», Ленин видел прежде всего человека, сбрасывающего с себя оковы рабства, борющегося за свое человеческое достоинство. «...Революционная инициатива масс, - писал Владимир Ильич, - есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции»¹.

В свое время Ленин дал урок революционной марксистской этики и диалектики на таком, как он выразился, «простеньком примерчике».

Представьте себе, что озверевший от власти и безнаказанности жандарм, окруженный горсткой вооруженных до зубов казаков, увечит и истязает революционерку. И происходит это не как обычно и «как принято» - в застенке, а на глазах десятков и сотен невооруженных людей, всей душой сочувствующих этой революционерке. Веками копившаяся злоба против жандармов готова прорваться наружу уже не только на словах, но и в действиях. Постепенно назревает момент, когда возмущенная толпа вот-вот бросится на казаков.

Подходя к указанной ситуации абстрактно, можно предположить различные варианты поведения людей. Прежде всего, в толпе наверняка найдутся такие, которым сразу же захочется пройти мимо или даже спрятаться: как бы тут, в драке-то, не влетело! Найдется, может быть, и «законник»: жандарм, мол, действует от имени законной власти, а есть ли «у нас» такой закон, чтобы убивать жандарма?

Найдется, вероятно, и другая разновидность идейного мещанина, ибо создали ведь, как пишет

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 459-460.

Ленин, «некоторые идеологи мещанства теории непротivления злу насилием». И наконец, в толпе случайно может оказаться человек «разумный» (такие, правда, чаще сидят дома, а завидев толпу, стараются перейти на другую сторону улицы), который, убедившись, что винтовки у казаков не игрушечные, придет к заключению, что, поскольку спасение одной революционерки может стоить нескольких жизней, попытка ее освобождения попросту нерациональна.

В периоды политической реакции («когда непосредственное движение масс придушено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой») указанных типов может оказаться довольно много. «..Во всем народе,- писал Ленин, - страдающем постоянно и самым жестоким образом... есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно... предрассудком, обычаем, рутинной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане...»¹.

В революционную эпоху, указывал Ленин («когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества»), в такую эпоху толпа не останется безучастной, глядя на изуверство жандарма. Она применит насилие по отношению к нему. При этом народ, вероятно, потеряет нескольких человек, застреленных казаками. Очень вероятно, что он убьет на месте и нескольких казаков, «этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше...»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 383, 390.

² Там же, с. 382.

Итак, социальная пассивность, «идейное» или просто трусливое равнодушие мещанства и революционная активность масс, применение народом насилия по отношению к насильникам над народом. Такова в этом «простеньком примерчике» возможность выбора.

Для идеологов мещанства, для тех клопов «профессорской науки», которые мечтают «вершить дела за народ от имени масс, продавая и предавая их интересы», социальная пассивность самих масс - это эпоха «мысли и разума». «Они убожество, - писал Ленин, - выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задвленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами... наступает период непосредственной политической деятельности „просто народа“...»¹.

Суть дела заключается в том, что идеолог мещанства, пишет Ленин, «на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере... удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное...»².

Точка зрения революционера иная. Именно в революционной инициативе масс выступает

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 390-391.

² Там же, с. 385.

разум народа, а не только разум отдельных личностей, именно тогда массовый разум становится живой, действенной, а не кабинетной силой. «Хорошо ли это, - спрашивает Ленин, - что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные... приемы борьбы... применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это - высшее проявление народной борьбы за свободу. Это - та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в дело, дело самих народных масс, а не одиночек героев»¹. И те жертвы, которые народ приносит во имя этого освобождения, с точки зрения нравственного сознания самих народных масс всегда оправданы. В памяти поколений они остаются народными героями.

Итак, не полуживотное прозябание, на которое эксплуататоры веками обрекали трудящихся, не покорность и послушание раба, бессильного перед лицом старого мира, двигают вперед человечество. «Только борьба,- писал Владимир Ильич, - воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»².

После поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году Плеханов бросил рабочим знаменитую реплику: «не надо было братья за оружие». Он сравнивал себя с Марксом, за полгода до Парижской коммуны предостерегавшим парижских рабочих от восстания,

Ленин ответил Плеханову:

«Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда массы восстали, Маркс хочет идти с ними... а не читать канцелярские

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 384-385.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педанством. Он выше всего ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно творит мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее творит, не имея возможности наперед непогрешимо учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализует „легко было предвидеть... не надо было браться...“.

Маркс умел ценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная, борьба масс даже на безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе. <...> Буржуазные версальские каналы, - пишет он, - поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожakov“»¹.

Позднее, в 1919 году, Ленин писал:

«Что коммунисты потворствуют стихийности, это лганье... Коммунисты не потворствуют стихийности, не стоят за разрозненные вспышки. Коммунисты учат массы организованному, цельному, дружному, своевременному, зрелому выступлению...

Но филистеры не способны понять, что коммунисты считают - и вполне правильно - своим долгом быть с борющимися массами угнетенных, а не с стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 378-379.

победу сознательности над стихийностью, остаются с массами. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентами, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке „полной победы”...»¹.

Размышляя о Ленине и исходных пунктах его отношения к массовой революционной борьбе, Клара Цеткин сформулировала чрезвычайно важную мысль:

«...Во всех борющихся он видел и ценил строителей нового общественного строя, несущего конец всякой эксплуатации и порабощения человека человеком. Разрушение старых устоев гнета и эксплуатации, как дело масс, стояло для него в тесной связи с созданием строя без гнета и эксплуатации, являющегося также делом масс.

Для Ленина, как он однажды мне сказал, уже недостаточно было одного «количества массы» для освободительного дела пролетарской революции, пересоздающей мир; он считал необходимым «качество в количестве»... Он оценивал массу как сплочение лучшего, борющегося, стремящегося ввысь человечества... Нужно будить чувство и сознание этого человечества, развивать и поднимать пролетарское классовое самосознание на высшую ступень организованной активности»².

Значит, только те формы движения, которые действительно просвещают трудящихся, увеличивают «качество в количестве», поднимают «самосознание на высшую ступень организованной активности», только они могут воспитать массу, олицетворяющую «стремящееся ввысь человечество», массу, способную не только

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 393.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 64-65.

разрушить старый мир, но и создать новое общество.

Вот тот главный критерий, который имел для Ленина решающее значение при выработке и оценке конкретных форм борьбы и в то же время прочно, органически связывал их с коммунистическим «идеалом». Именно в этом и заключалась та самая, понимаемая по-марксистски целесообразность, которая позволяет определять средства, действительно сообразные с великой гуманистической целью.

«Меры насилия, бесспорно необходимые для защиты от насильника, могут достигнуть цели при одном условии - когда применение этих опасных средств связано с политическим ростом рабочего класса и всей демократической массы. Победы, самые практические, самые материальные, становятся камнем на шее, если они отталкивают большинство или делают его равнодушным к общему интересу. Напротив, частные неудачи, даже поражения, взятые с точки зрения простого расчета материальных сил, не так важны, как успех в деле подъема массы над их исторической пассивностью, победа коммунистических идей в сознании миллионов. Так, именно так проявляет себя высший принцип революционной целесообразности»¹.

Ленин никогда не отрицал того, что насильственные формы борьбы не однозначны, а противоречивы по своему содержанию в отношении цели. Из признания этой противоречивости оппортунисты делали вывод о том, что, поскольку такие средства могут исказить благородную цель, их следует отвергнуть в принципе, т. е. отказаться от революционного насилия вообще. Ленин оценивал эту противоречивость по-иному.

---

¹ Лифшиц М. А. Карл Маркс, искусство и общественный идеал, с. 465.

Действительно, в ходе революции, когда контрреволюция применяет вооруженное насилие по отношению к народу, писал Ленин, «население стихийно, неорганизованно - и именно поэтому часто в неудачных и дурных формах - реагирует на это явление тоже вооруженными стычками и нападениями». Но наличие «дурных» форм насилия для марксиста является лишь поводом для того, чтобы стремиться взять стихийное движение в свои руки, «облагородить» его формы, взять их под действенный контроль партии, сознательного пролетарского авангарда. Иными словами, говорил Ленин, из противоречивости насильственных средств «нельзя выводить, что не следует воевать. Отсюда надо выводить, что следует научиться воевать. Только и всего»¹.

Именно это - организующее и просвещающее влияние революционеров-марксистов Ленин считал главной гарантией, обеспечивающей соответствие насильственных форм борьбы, рожденных массовым движением, конечной цели освободительного движения.

«Говорят: партизанская война, - писал Владимир Ильич, - приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, боснякам. Это верно. Но отсюда следует только то... что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерно с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого последнего условия, - заключает Ленин, - все, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе... истребываются, извращаются, prostituiруются... Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы... Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, всегда обставляя применение их строго

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 9.

определенными идейными и организационными условиями»¹.

И другой альтернативы нет. Или действовать, сознавая сложную и противоречивую природу насильственных средств борьбы. Или же, оставаясь любителем абстрактного «морализирования», быть далеким от практических действий, от моральности в реальной жизни.

Именно о таких любителях «морализирования» Владимир Ильич писал: «Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., - вот что оказалось на поверхности»².

Но в основе такого отказа лежит эгоизм, тот эгоизм, который был сформулирован еще Фомой Аквинским: «Человек связан в делах милосердия любовью к самому себе более сильно, чем любовью к ближнему. Признаком этого является то, что никто не должен брать на себя греховного зла, чтобы освободить от греха своего ближнего».

Однако в реальной жизни, когда вопрос стоит о судьбах миллионов людей, такая забота лишь о спасении собственной души и сохранении своего внутреннего комфорта антигуманна. Отказ от насилия, возведенный в принцип в условиях жесточайших социальных битв, аморален, ибо это продляет существование и господство таких общественных отношений, которым насилие над человеком сопутствует неизбежно и неотвратимо.

Насилие - дурное средство. Само по себе оно отвратительно. Однако решимость применить его в правом деле, в борьбе с насильниками есть признак нравственного мужества.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 9-10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 87.

Вспоминая слова Маркса - «слабость всегда спасалась верой в чудеса», - Ленин, обращаясь к рабочим, писал: «Революция есть удел сильных!» «Если вы хотите революции, свободы... вы должны быть сильны... Слабые всегда будут рабами»¹.

Помочь рабу стать свободным человеком это и есть та благородная, гуманная цель, которая, пользуясь выражением Короленко, превращает «силу руки» в добро.

Гуманизм классового подхода к средствам и формам борьбы ярко проявляется и в отношении к такой форме насилия, как война.

В 1914 году Плеханов, потрясенный варварством германской армии, покрывшей развалинами Бельгию, попытался дать оценку мировой войне с точки зрения «простых законов нравственности и права». При этом «естественное право на защиту» он обосновывал исходя из того, какой народ можно считать «атакующей» стороной, а какой - «обороняющейся». Подобный анализ привел Плеханова к шовинизму, фактически оправдывавшему войну, т. е. в лагерь тех, против кого Плеханов субъективно стремился бороться всю жизнь.

Нравственное чувство Ленина тоже было глубоко возмущено кровавой бойней. «Борьбе против такой войны, - писал он, - стоит посвятить свою жизнь...»². Он прямо заявлял, что «социалисты всегда осуждали войну между народами, как варварское и зверское дело»³. Но в основу оценки войн Владимир Ильич ставил не только это нравственное чувство по отношению к ужасам войны вообще.

Еще в 1905 году он отметил: «Социал-демократия никогда не смотрела и не смотрит на войну

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 329, 331.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 299.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

с сентиментальной точки зрения. Бесповоротно осуждая войны, как зверские способы решения споров человечества, социал-демократия знает, что войны неизбежны, пока общество делится на классы, пока существует эксплуатация человека человеком. А для уничтожения этой эксплуатации нам не обойтись без войны, которую начинают всегда и повсюду сами эксплуатирующие, господствующие и угнетающие классы»¹.

Поэтому и с точки зрения политической, и с точки зрения нравственной оценки Ленин определяет два типа войн. Одни, развязываемые империалистами и направленные на передел мира и сфер влияний, несправедливы, глубоко враждебны интересам трудящихся масс вообще и классовой борьбе пролетариата за социализм в частности. Другие - войны гражданские, войны за социальное и национальное освобождение. Такая война не только исторически неизбежна, но и справедлива, и «всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма»².

Поэтому и в данном случае классовые интересы пролетариата отнюдь не сталкиваются с интересами общечеловеческими. Это убедительно доказала та же первая мировая империалистическая война. «...Эта ужасная и преступная война, - писал Владимир Ильич, - разорила все страны, измучила все народы, поставила человечество перед дилеммой: погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир»³.

Война, затеянная во славу капитала, обернулась для буржуазии гигантским проигрышем. Она

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 340.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 8.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 169.

породила такую мощную волну революционного протеста, которая потрясла всю систему капитализма и ускорила ее гибель. Но можно ли, основываясь на этом позитивном историческом итоге, считать, что и такие войны, в конечном счете, «желательны»? Безусловно, нет.

В 1914 году, буквально накануне войны, один из журналистов обратился к Ленину с вопросом - жаждет ли он военного конфликта в Европе? Ленин ответил: «Нет, я не хочу его... Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания. Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше - это одно. Хотеть войны и работать для нее - это нечто совершенно иное»¹.

Известно, сколь справедливым считал Ленин стремление того или иного народа к национальному освобождению. Но когда в годы первой мировой войны польские националисты пытались оправдать необходимость этой войны под предлогом того, что она якобы могла принести независимость Польше, Ленин писал: «Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши - это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны»².

С первого дня создания Советского государства Советское правительство делало все для того, чтобы ликвидировать войну, предотвратить военные

---

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1972, л с. 226

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 48.

конфликты. Декрет о мире, Брестский мир, были лишь первыми шагами этой политики.

Даже в 1920 году, когда Красная Армия была достаточно сильна для того, чтобы дать отпор любым притязаниям империалистов, Ленин считал допустимым даже не вполне благоприятное соглашение, обеспечивающее мир, «лишь бы спасти десятки тысяч рабочих и крестьян от новой бойни на войне»¹.

По свидетельству Клары Цеткин, беседа с ней в эти дни, Владимир Ильич говорил:

«...Могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании?... Миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима.

Пока Ленин говорил, - рассказывает Цеткин, - лицо его у меня на глазах как-то съежилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью...»².

И Ленин исходил не только из интересов народов Советской России и необходимости мирного социалистического строительства. В 1919 году, когда по призыву партии весь народ поднялся на защиту своего отечества, Ленин говорил: «Мы не хотим войны ни с какой страной, так как мы считаем, что фактически всегда вся опасность падает только на трудящихся и нам приходится убивать тех, против кого мы ничего не имеем и если бы они нас поняли, никогда бы не воевали с нами»³.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 358.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 20.

³ «Литературная газета», 1969, 5 ноября.

Принцип «законности» всякой войны, т. е. подход к ней как к одному из законных средств разрешения спорных вопросов, составлял до этого идейную основу международного права. По меткой характеристике Канта, оно всегда было правом «на войну», «на войне» и «после войны». Порывая с традиционным представлением о «законности» всякой войны, ленинский Декрет о мире провозгласил принцип справедливого, демократического мира и объявил агрессивную войну величайшим преступлением против человечества.

Идеологи империализма оказались бессильными противопоставить этим идеям какую-либо разумную альтернативу. Идея демократического, справедливого мира, выдвинутая ленинским декретом как принцип правосознания «демократии вообще и трудящихся классов в особенности», став принципом внешней политики Советского государства, а затем и других стран социалистического содружества, приобрела ныне качество общепризнанного, наиболее общего принципа, лежащего в основе всего современного международного права.

В те времена, когда империализм был бесспорным хозяином положения, агрессивные войны, направленные на передел мира, были неизбежны. Война и подготовка к ней превратились в какой-то замкнутый круг, вырваться из которого казалось невозможным. Буржуазным идеологам оставалось лишь гадать о примерной периодичности войны и мира: четыре-пять лет войны, затем двадцать лет подготовки и снова война... Только Советское государство разорвало этот порочный круг. Мировой социализм добился того, что агрессивные войны уже не являются ныне абсолютно неизбежными. Задача состоит в том, чтобы их сделать невозможными. Решение этой задачи - величайшая историческая

миссия мирового социализма. И новая Конституция СССР впервые в мировой истории возвела в ранг Основного Закона миролюбивые принципы ленинской внешней политики, подтвердив верность нашей страны ленинским заветам, воплощенным в октябре 1917 года в Декрете о мире.

В ленинском классовом подходе к формам, средствам и целям борьбы гораздо больше реального гуманизма и любви к людям, чем в любых добродетельных, но бессильных христианских прописях... «Любви к людям»? А не пахивают ли эти слова теми же евангельскими истинами? Что ж, размышляя о Ленине и марксизме, Крупская не боялась и этих сопоставлений.

«Евангелие - редко священники, - пишет она, - проповедует любовь к людям. Это самое, что есть ценное в религиозной морали и что не противоречит классовому интересу рабочих и крестьян. Они на своем знамени также выставляют равенство и братство. Но равенству и братству учит эксплуатируемых сама жизнь, общность их интересов, сближение, основанное на взаимопонимании. «Все за одного, один за всех». И это обучение взаимопомощи трудовой жизнью гораздо ценнее, чем проповедь евангелия, сплетенная с самоуничижением, терпением, отречением от всякой борьбы, от всех земных благ»¹.

---

¹ Цит. по кн.: Кузнецов Ф. Ф. «Растут новые люди...», с. 177.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В начале января 1906 года Ленин приехал из Петербурга в Москву. Все в городе, буквально на каждом шагу, еще напоминало о недавнем восстании. И казачьи патрули, и усиленные наряды полиции... Хмурые солдаты, топавшие по заснеженным улицам... Спиленные на баррикады столбы и обгорелые остовы пресненских домов... Зияющие бреши от оружейных снарядов в кирпичной кладке... А там - за Пресней - покрытая льдом Москва-река, куда черносотенцы и жандармы загоняли молодых рабочих дружинников и топили их в полыньях... Каждое темное пятно на снегу или мостовой казалось запекшейся лужей крови...

Ленин ходил по улицам и переулкам, пытливо всматривался, расспрашивал участников боев, а в голове, вызывая ярость, стояли фразы Плеханова - «Легко было предвидеть... Не надо было братья за оружие»- из его статьи в недавно вышедшем декабрьском номере «Дневника социал-демократа».

Представление о том, что революции происходят в силу чьих-то злокозненных интриг или «подстрекательства» революционеров, хотя и не умерло совсем, но все-таки достаточно себя дискредитировало. Ныне его придерживаются разве что самые замшелые реакционеры или самые отпетые «левые» авантюристы. Имея в виду именно эту публику, Ленин писал, что «революцию

нельзя «сделать», что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории...»¹. Именно такой кризис назрел в России к началу 1905 года.

Даже по тем критериям, по которым сами правящие классы оценивали деятельность «верхов» империи, они слишком явно не справлялись со своими обязанностями. «Смута» в стране все более усиливалась. Гигантский аппарат сыска и подавления, каторжные тюрьмы и полицейские каталажки уже не могли остановить нараставшее революционное движение. После экономического кризиса 1900 - 1903 годов промышленность переживала депрессию. Прогрессирующее крестьянское малоземелье, примитивная агротехника, истощение земли приводили к учащавшимся неурожаям и массовым голодовкам, разраставшимся в народные бедствия. От соприкосновения с любой сферой общественной жизни, народного хозяйства, внутренней и внешней политики, проводимой царским правительством, складывалось ощущение тупика и полнейшей безысходности.

Всеобщее недовольство, более того - ненависть к существовавшему порядку вещей охватывала самые широкие слои народа: рабочих, страдавших от непомерной эксплуатации и полнейшего политического бесправия, крестьян, ограбленных помещиками и замордованных чиновниками, трудящихся национальных окраин, подвергавшихся двойному гнету - как «своих» феодалов и буржуазии, так и со стороны царизма.

На этом мрачном фоне всенародной нужды и бесправия поведение «верхов» было особенно вопиющим. Царь упрямо твердил о недопустимости реформ «священных начал нашего государственного

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 246.

стройка». О стены бюрократических учреждений разбивались любые мало-мальски дельные начинания. Всеобщая безответственность «ответственных лиц», тупость и бездарность, казнокрадство и взяточничество стали обычным и привычным явлением. Что касается придворной камарильи, то эти годы народных бедствий они отметили «в столицах и заграницах» таким шквалом разгула и мотовства, который затмил «блеск и роскошь» печально знаменитого XVIII века.

Наконец, позорное поражение в русско-японской войне показало, что «царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела,- того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился... Гроб повапленный - вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности»¹.

Престиж власти, вызывавшей ранее у обывателя смешанное чувство почтения и страха, непрерывно падал. Она все более становилась объектом не «коленипреклонения», а насмешек и презрения. Недовольство захватывало даже буржуазию. Не удовлетворяясь скромной ролью «сведущих людей» при правящей бюрократии, представители торгово-промышленного капитала, насмотревшись на свои и заграничные порядки, добивались решающего голоса в правительстве по всем вопросам, касающимся их непосредственных интересов.

Ленин внимательно анализирует складывающуюся в России ситуацию, ее социально-экономическую основу - и прежде всего аграрный вопрос: те самые 70 миллионов десятин земли,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 156.

которые принадлежали 30 тысячам помещиков, при том что почти столько же десятин имела вся многомиллионная масса крестьянства. Именно это создавало почву для экономического застоя и отсталости, средневековых форм эксплуатации и кабалы.

Ленин устанавливает два объективно возможных пути дальнейшего развития капитализма в русской деревне: путь «прусский» и «американский». Первый, на который царизм стал еще в XIX веке, означал разорение миллионов крестьян в пользу помещиков, второй - ликвидацию помещичьего землевладения и переход земли к крестьянам... С точки зрения царя и помещиков, первый вариант был «законным» и «мирным», ибо он осуществлялся путем реформ сверху. Ленин доказал, что оба пути неизбежно связаны с насилием.

Добровольно уступить хотя бы на йоту, отказаться от своих привилегий царь и помещики не собирались, и любые «реформы» сверху, направленные к обезземеливанию крестьян, несли смерть и голод, горе и страдания миллионам. И если «американский» путь - путь революции должен был стать насилием гигантского большинства народа над паразитическим меньшинством, то «прусский» также означал насилие, но уже ничтожного меньшинства над большинством. Иной альтернативы в России начала XX века не было.

Так, может быть, лучше, чтобы все оставалось по-старому? Лишь бы «тихо и мирно»... Но никакие, даже самые благие пожелания не могли остановить хода истории. Да и «по-старому» тоже ведь не означало «тихо и мирно». По старому - это 270 тысяч убитых и раненых на полях Маньчжурии. Это массовые голодовки и эпидемии, чудовищная детская смертность, темнота и неграмотность. Это режим полицейской

реакции, ежедневно калечивший миллионы людей... Вот почему «нельзя забывать, - писал Ленин, - что развитие всех тех глубочайших противоречий, которые веками накопились в русской жизни, идет с неумолимой силой, выдвигая на сцену массы народа, отмечая мертвые и мертвенные учения о мирном прогрессе в кучу хлама»¹.

9 января 1905 года - расстрел безоружных рабочих, шедших с петицией к царю, - стало началом первой русской революции.

Впрочем, может быть, этот расстрел был случайностью, использованной революционерами; может быть, эта бойня совсем не входила в планы «верхов» империи?

Напомним в этой связи только один документ - беседу английского корреспондента Диллона буквально накануне 9 января с одним из приближенных царя. «...В России, - откровенничал тот, - мы не можем смотреть на вещи, как смотрите на них вы в Англии. Прошлой ночью Его Величество решил отстранить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадет в те ошибки, в которых были повинны многие приближенные Людовика XVI; он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей; но до сих пор его не слушали. Сегодня его высочество обладает высшей властью и может испробовать свой способ... сколько душе угодно...»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 191.

² «Красная летопись», 1922, № 1, с. 43.

Значит, никакой случайности не было. Была продуманная политика, в которой аккумулировались не личные качества того или иного сатрапа, а опыт и, если хотите, историческая «традиция» господствующих классов.

Позднее, анализируя закономерности развития революционного движения, Ленин отметил, что в процессе вызревания революции в настроении масс происходит «быстрая перемена», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда недель, вырастает «миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата»¹. Такая «быстрая перемена» произошла в России после 9 января 1905 года.

Если бы народ не смог подняться от рабьего состояния к революционной борьбе, судьбы России были бы печальны. «...Долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа»², - вот что ждало бы ее. «Ни угнетение низов, ни кризис верхов, - писал Ленин, - не создадут еще революции, - они создадут лишь гниение страны, если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»³. И в России был такой класс: пролетариат, прошедший под руководством большевиков суровую школу классово-борьбы.

С первых дней революции могучим орудием его натиска на самодержавие стала стачка. Она же стала и важнейшим средством революционного просвещения, воспитания и организации масс.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 263.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 313.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 301.

«Когда рабочие поодиночке имеют дело с хозяевами, - задолго до революции писал Ленин, анализируя эту форму борьбы, - они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но, когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми...»¹.

В этом переходе «от раба к человеку», от тупой покорности одиночки к коллективной борьбе Ленин видел великое «нравственное влияние стачек», а главное, писал он, «всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме - о борьбе всего рабочего класса за свое освобождение от гнета капитала»².

1905 год породил новую форму забастовки - массовую революционную стачку, важнейшей особенностью которой являлось соединение экономических требований рабочих с требованиями политическими. Сколько сетований раздавалось со стороны оппортунистов, упрекавших Ленина и партию в том, что, соединяя «великие» и «высокие» политические лозунги с «низкими» и «мизерными» экономическими требованиями, бившими по карману капиталистов, большевики тем самым якобы лишь «принижали» борьбу, «раскалывали» общенародное движение, отталкивая от него буржуазию.

Отвечая им, Ленин писал, что общенародный характер движения зависит прежде всего от вовлечения в него действительно широких народных масс, а в капиталистическом обществе «всегда будут существовать столь отсталые слои, которые может разбудить лишь самое экстренное

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 292.

² Там же, с. 294.

обострение движения, а иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу»¹. Мало того, «добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели»².

Именно благодаря такому сочетанию требований в ходе стачки осуществлялось влияние передовых отрядов рабочего класса на менее сознательных, на новичков. Именно в этом сочетании и заключалась сила забастовок, именно оно и обеспечивало движению массовый характер.

Но стачки являлись не только могучим орудием борьбы, но и главным средством организации самого рабочего класса. Стачки сплачивали рабочих не только на данной фабрике, в данном городе или районе, но и в масштабах всей страны. Совместные выступления петербургского и московского пролетариата, к которым присоединялись рабочие других городов и национальных окраин, стали характерной особенностью российского забастовочного движения.

Важнейшей особенностью массовой революционной стачки являлось и то, что она по сути своей носила общенародный характер. И это объяснялось не только ее массовостью, но и тем, что политические идеи и экономические требования, выдвигавшиеся ею, выражали нужды всей страны. Рабочий класс выступал «не с «своими» только профессиональными лозунгами». Он поднимал «знамя революции за весь народ, от имени всего народа, для пробуждения и привлечения к борьбе всех классов,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 401.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 319.

кому свобода нужна, кто способен добиваться ее»¹.

Для буржуазии главной ареной борьбы за влияние на народные массы являлись печать и другие легальные каналы воздействия на «общественное мнение». Пролетариат своими стачками выносил революционные лозунги непосредственно на улицу, в народ. Тысячи нитей тянулись от бастовавших рабочих промышленных центров к захолустным городкам и далеким окраинам, к голодной деревне и солдатской казарме. Каждая забастовка, будучи связанной с революционной агитацией, подобно пожару разбрасывала вокруг себя миллионы искр, зажигающих повсюду огонь борьбы. Пробуждая широкие массы, стачка ставила пролетариат во главе всей освободительной борьбы, определяла размах всего революционного движения в стране.

Казалось, произошло чудо - проснулся народ, который не могли разбудить ни декабристы, ни «Колокол» Герцена, ни бомбы народовольцев... Это удалось сделать рабочим, пролетарскому авангарду, его ленинской партии.

Те, кто вчера еще покорно гнул спину перед хозяевами и властями, сегодня смело предъявляли им свои требования и мужественно отстаивали их. Те, кто вчера отмахивался от всяких стачек и был готов работать сверхурочно, лишь бы получить лишнюю копейку, сегодня теряли десятки рублей, бастуя в знак солидарности с рабочими какой-то Лодзи, которую они вряд ли могли указать на карте. Те, кто вчера еще шархался от всяких собраний при первом упоминании о «политике», пугливо сворачивал за угол при встрече с околоточным, теперь, с революционными песнями - под лозунгом «Долой самодержавие!»

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 350.

шли по улицам городов и сел, вступали в отчаянные схватки с полицией и казаками. Это был процесс освобождения миллионов людей от рабьего сознания. «...Дремлющая Россия, - писал Ленин, - превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»¹.

Казалось бы, массовое народное движение само нашло ту «универсальную» форму борьбы, с помощью которой можно было бескровно решить все политические проблемы. Именно так думали, например, меньшевики. «Наша всероссийская забастовка, - писали они в одной из листовок, - сметет самодержавный всероссийский произвол!!!»². Однако именно опыт самого рабочего движения полностью опрокинул эти иллюзии...

В октябре 1905 года началась Всероссийская стачка. Мир еще не знал такой грандиозной забастовки. Это была первая в истории всенародная стачка, объединившая рабочих России, поднявшая к борьбе все демократические слои населения.

Октябрь стал моментом равновесия сил, когда царизм был уже не в силах подавить революцию, а революция - еще не в силах раздавить царизм. Но это равновесие не только не «сметало» самодержавие, оно носило сугубо временный характер и неизбежно должно было разрешиться перевесом одной из борющихся сторон. Царизм первым сделал шаг в этом направлении.

По стране прокатилась волна чудовищных контрреволюционных погромов, направленных

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

² Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905-1907). М., 1976, с. 260.

против передовых рабочих и интеллигентов, против всех «смутьянов» и «инородцев». Около 4 тысяч человек были убиты, более 10 тысяч ранены и изувечены.

Что же должен был противопоставить революционный народ штыкам и пулям, нагайкам казаков, дубинкам и кастетам черносотенцев? Мирные стачки? Демонстрации? Митинги протеста? В нагнетавшейся правительством атмосфере контрреволюционного террора мирные средства борьбы означали лишь капитуляцию и кровавый разгул реакции. Вот почему, указывая Ленин, эти средства «сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше? - требовавших более активных действий»¹. Стачка не могла решить главного вопроса - свергнуть царизм. Эта форма борьбы, писал Ленин, «начинает исчерпывать себя, отходить в прошлое, как изжитая форма движения»². И при такого рода ситуациях «звать к всероссийской забастовке, не призывая к восстанию, не разъясняя неразрывной связи ее с восстанием, было бы прямо легкомыслием, граничащим с преступлением»³.

Ленин вновь и вновь повторял, что вопрос о вооруженном насилии народа стоял как единственно возможная альтернатива вооруженному насилию реакции, а не как теоретическая догма, навязываемая народу извне.

«Теоретические споры о необходимости восстания, - писал Владимир Ильич, - можно и должно вести, тактические резолюции по этому вопросу следует тщательно обдумывать и разрабатывать, но за всем этим нельзя забывать, что стихийный ход вещей властно пролагает

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 371.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 150.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 318

себе дорогу, несмотря ни на какие мудрствования.

...Все растет и будет расти число людей, совершенно чуждых... идеям революции, которые видят, чувствуют необходимость вооруженной борьбы при виде этих зверств полиции, казаков и черносотенных над безоружными гражданами... Вас избыют, изувечат и убьют, несмотря на архимирный и до мелочности легальный образ ваших действий. Революция не признает нейтральных». Каждый гражданин самими обстоятельствами «вынуждается - становится в тот или иной вооруженный лагерь», и вопли либералов «о преступности и безумии» восстания, о «вреде организации самообороны» являются лишь «оправданием самодержавия» и «безграничной политической пошлостью». «Восстание, - заключал Ленин, - стало самой настоящей и жизненной народной потребностью...»¹.

Эту объективную тенденцию развития событий большевики предвидели с самого начала революции. Еще в феврале 1905 года в «Извещении о созыве III партийного съезда» указывалось, что перед партией встала чрезвычайно важная и трудная задача: «...найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России»². И уже тогда для большевиков, решавших эту задачу, было очевидным, что в сложившихся условиях наиболее целесообразным средством борьбы станет народное вооруженное восстание.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 190, 191, 193.

² КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 101.

«Для нас, революционных социал-демократов, - писал Ленин, - восстание не абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отодвигали его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9-го января»¹. Потому что в этот день с абсолютной ясностью выявились два решающих обстоятельства: 1) царизм намерен утопить в крови народное движение и уже сделал первый шаг по этому пути; 2) народ не намерен отступить без боя, он сам, начав строить баррикады, бросил клич - «К оружию!».

Выступая на III съезде РСДРП (апрель 1905 г.), Владимир Ильич говорил: «...нам необходимо считаться с тем, что восстание произойдет несомненно, как бы мы ни отнеслись к нему»². Что ж, значит, партия просто-напросто шла на поводу у событий? У стихийного настроения масс? Отнюдь нет. Ленин понимал, что настроение масс (формировавшееся, безусловно, и под влиянием всей предшествующей работы большевиков в массах) определялось постепенным осознанием ими того факта, что свергнуть самодержавие можно только вооруженным восстанием.

«Великие вопросы в жизни народов, - писал Ленин, - решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 257.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 116.

оказалось необходимым и неотложным, - тогда конституционные иллюзии... становятся только прикрытием буржуазного предательства революции...»¹.

Осуждая, как «легкомыслие, граничащее с преступлением», попытки закрыть глаза на неизбежность восстания, Ленин считал не менее преступным и легкомысленное отношение к делу подготовки этого восстания. «...Звать к восстанию, не готовясь к нему серьезно военным образом,- писал он, - не веря в него, было бы недостойной игрой в восстание»².

Н. К. Крупская вспоминает: «Ильич не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании,- он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его»³.

Особенно внимательно изучает Ленин тактику ведения уличных боев, опыт парижских коммунаров, когда за каждую улицу, каждый дом дрались не только мужчины, но и женщины, дети, не только на баррикадах, но и забрасывали версальцев камнями с крыш, поливали кипятком... Ненависть русских рабочих к царским сатрапам была такова, что и тут в ход должно было пойти все - «ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 123.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 218.

³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 99.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 339.

Но противник был достаточно силен, прекрасно вооружен, и расчет на самопроизвольный «стихийный взрыв», только на «самовооружение» народа заведомо обрекал революционный авангард на огромные жертвы. Вот почему III съезд РСДРП поручил всем партийным организациям разъяснять массам «не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания», а также «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата... выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым...»¹. Только при таком подходе к вооруженному выступлению масс можно было добиться победы революции действительно «с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата».

Доказывая неизбежность и необходимость восстания, Ленин вместе с тем предостерегал от «увлечения боевыми крайностями». Все дело подготовки восстания, указывал Владимир Ильич, «может и должно идти не только без всякого ущерба для общей работы по пробуждению классового самосознания пролетариата, но, напротив, способствуя ее глубине и успешности»².

Ленин считал, что вооруженное выступление необходимо оттянуть до возвращения из Маньчжурии охваченных революционным брожением войск, с тем чтобы слить воедино восстание рабочих, выступление крестьян и протест солдат и матросов³. Но Владимир Ильич прекрасно понимал, что обострение борьбы может в любой момент привести к взрыву. 26 октября 1905 года он писал в России: «Время восстания? Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно

---

¹ КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 113.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 113.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 318.

оттянул его до весны... Я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»¹.

Прошло немногим более месяца, и случилось именно так, как и предполагал Ленин. Провокации царизма, 2 декабря издавшего драконовский закон о стачках, а 3-го арестовавшего Исполком и членов Петербургского Совета рабочих депутатов, переполнили чашу терпения. 5 декабря в Москве на рабочих собраниях, проведенных по фабрикам и заводам, состоялся своего рода референдум - что делать дальше? Рабочие высказались за восстание. В тот же вечер такое же решение приняли московские большевики, а 7-го - Московский Совет. Общее настроение масс было таково, что даже меньшевики не рискнули выступить против.

Началась всеобщая стачка. 9 декабря, после разгона революционного митинга, после того как полиция открыла пальбу на улицах, после артиллерийского обстрела собрания дружинников стачка переросла в восстание. Даже обыватель, отмечал Ленин, и тот «усердно строил баррикады».

Везде, где рабочим хотя бы на время удавалось брать власть в свои руки, устанавливался строжайший порядок. Несмотря на стачку, поезда с продовольствием и демобилизованными солдатами, возвращавшимися из Маньчжурии, шли по ускоренному графику. Продуктовые магазины и лавки работали бесперебойно, причем лавочникам и спекулянтам не давали возможности взвинчивать цены. Полностью запрещалась торговля спиртными напитками. Проводился сбор средств и выдача пособий наиболее остро нуждающимся. Фабрики и заводы охранялись. Со шпаной же и хулиганьем рабочая милиция управлялась куда лучше чинов царской полиции.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100.

«Помните, товарищи, что мы хотим не только разрушить старый строй, но и создать новый, в котором каждый гражданин будет свободен от всяческих насилий. Мы докажем, - говорилось в листовке «Советы восставшим рабочим», выпущенной в эти дни Московским комитетом большевиков, - что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свобода и права каждого будут ограждены более, чем теперь. Поэтому, воюя и разрушая, вы помните о своей будущей роли и учитесь быть управителями»¹.

Девять дней 8 тысяч дружинников (из которых лишь 2 тысячи имели оружие), поддерживаемых 150-тысячной политической забастовкой и сочувствием громадного большинства населения, успешно вели бои на улицах города. Прибытие в Москву отборных регулярных войск с артиллерией изменило соотношение сил. 18 декабря восстание было прекращено. На следующий день так же организованно закончилась стачка.

«Мы начали. Мы кончаем... Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим, - говорилось в обращении штаба пресненских дружинников. - Но это - ничего. Будущее - за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству... Да здравствует борьба и победа рабочих!»².

Этот взлёт самосознания рабочих и имел в виду Ленин, отвечая Плеханову, - повторим цитату: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего

---

¹ Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания, ч. 1. М., 1955, с. 666.

² Там же, с. 689.

воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе... „Буржуазные версальские каналы, - пишет он, - поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков“»¹.

После Декабрьского восстания в Москве, Луганске, Горловке, Ростове-на-Дону, Харькове, Сормове, Мотовилихе, Красноярске, Чите и других городах пролетариат в 1906 и 1907 годах еще дважды пытался перейти в наступление. Восстания вспыхивали в Свеаборге, Кронштадте, Севастополе... Но и эти атаки отбиты. Революция потерпела поражение.

Царизм - воплощение дикости, застоя и надругательства над личностью - отстаивал свое существование самыми подлыми и варварскими средствами. Вся страна была подвергнута повальному обыску. Никто не был застрахован от ареста и высылки. В 1907 году на смертную казнь было осуждено 1056 человек, в 1908 - 1741. И это кроме тысяч и тысяч крестьян и рабочих, расстрелянных военно-полевыми судами и карательными экспедициями без всякого суда. Казнили даже несовершеннолетних и беременных женщин. По июль 1909 года всякого рода репрессиям - начиная от простого обыска и кончая намыленной веревкой - подверглось не менее 1,5 миллиона человек. Видавший виды российский обыватель в изумлении восклицал: «Какое же сравнение! Раньше куда лучше было».

В конце 1907 года уходит в эмиграцию Ленин. С 25 декабря он в Женеве... «Неприятно выглядела Женева, - рассказывает Крупская.- Не было ни снежинки, но дул холодный резкий

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 378-379

ветер - биза. Продавались открытки с изображением замерзшей на лету воды, около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным... Когда мы шли... по пустынным, ставшим такими чужими, улицам Женевы, Ильич обронил: „У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал“¹.

Что ж, если после революции стало «еще хуже», значит, жертвы народа оказались напрасными? Конечно, нет!

Отвечая на вопрос - «стало ли хуже?», - Ленин начинает все с тех же «низменных», «вульгарных» (по мнению либералов) проблем. Он анализирует данные о продолжительности рабочего дня, уровне заработной платы трудящихся. Эти официальные сухие цифры без всяких сомнений показывают, что борьба народа дала такой толчок повышению заработной платы и сокращению рабочего дня, что «никакие последующие усилия капиталистов (которые, как известно, отнимали все завоевания пятого года одно за другим) не могли свести рабочего к прежнему низкому уровню жизни. Пятый год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий»².

Ну, а если бы пролетариат в 1906 - 1907 годах не продолжал борьбы, не оказал сопротивления силам реакции? Отвечая на этот вопрос - «что было бы, если бы...», - Ленин писал: «...поражение было бы еще сильнее; государственный переворот произошел бы не в июне 1907 г., а годом, или даже более чем годом, раньше; экономические завоевания 1905 г. были бы отобраны у рабочих еще быстрее»³.

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 139, 140.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 27.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 370.

Правительство всеми мерами душило, но так и не смогло отнять у рабочих права на свою печать и профессиональные организации. И рабочие, да и не только рабочие, но и интеллигенция даже в самые тяжелые годы реакции умело пользовались этими правами. Даже куцый «российский парламент» - Государственная дума и та продолжала существовать только потому, что пролетариат своей героической борьбой «раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»¹. Причем и этот «парламент» большевики-депутаты умело использовали в период реакции для защиты интересов всего народа.

Но, пожалуй, одними из самых главных и необратимых завоеваний революции являлись те глубочайшие процессы и перемены, которые произошли в сознании самых широких масс трудящихся. Спящая Россия, Россия полурабов стала страной революционного народа - так сформулировал эту мысль Ленин.

Рабство всегда бесчеловечно и унизительно. Никто не повинен в том, что он родился рабом, но есть, говорил Ленин, рабы и рабы... «Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб». Раб, довольный своей рабской жизнью, своим «добрым и хорошим господином, есть холоп, хам». Наконец, «раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер»².

Поэтому сетования мещан («раньше куда лучше было»), проповедь смирения, идейная борьба против попыток самих масс свергнуть прогнивший режим деспотизма есть не что иное, как стремление превратить рабов в холопов и хамов.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 416.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 40.

Своей героической борьбой рабочий класс показал, как надо бороться за действительно великие цели. В ходе этой борьбы пролетариат закалялся, мужал, креп и вместе с ним росла и крепла его партия.

«Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций...- таковы были революционные партии в России и в первую очередь революционная социал-демократия до 22 января 1905 года...

Однако в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев»¹.

Революция показала, что именно пролетарская партия, твердо стоящая на марксистских позициях, выражающая коренные интересы народа, была той силой, которая действительно двигала революцию вперед и направляла революционную борьбу масс. Партия проявила гибкость и маневренность, умение сочетать различные формы борьбы - мирные и немирные, легальные и нелегальные. Ее лозунги вносили в движение ясность цели. Вся ее деятельность систематически воспитывала рабочий класс в духе понимания им исторических задач вождя народа.

Под руководством партии российский пролетариат в 1905 - 1907 годах добился результатов, имевших историческое значение для судеб страны, он завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия... Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России умение вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 310.

Престиж России в глазах всего прогрессивного человечества неизмеримо вырос. Всем еще была памятна знаменитая фраза Николая I, сказанная им в 1848 году: «Господа офицеры, седлайте коней - в Европе революция!» 1905 год навсегда сбросил с России позорную репутацию жандарма Европы. Великорусская нация своей борьбой и кровью «доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»¹, - с гордостью писал Ленин. 1905 год сделал очевидным тот факт, что с начала XX века именно в Россию переместился центр мирового революционного движения. «На берегах Невы, Вислы и Волги, - говорил в те годы Анатолий Франс, - вот-где решаются ныне судьбы новой Европы и будущего человечества»².

Значит, кровь и жертвы для дела свободы были принесены народами России не зря. Значит, революционная жатва 1905 года действительно дала свои великие плоды, став поворотным пунктом в истории не только страны, но и всего мира. Эту недоступную для либералов истину осознал и сам народ. Потому-то его революционный дух, несмотря на виселицы и тюрьмы, не был сломлен. И именно поэтому господство реакции оказалось недолговечным.

Французскому пролетариату потребовалось около 10 лет, чтобы оправиться от разгрома Парижской коммуны. Российский пролетариат через три года после поражения сумел вновь поднять революционное знамя. В 1910 году он

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108.

² Цит. по кн.: Первая русская революция и ее историческое значение. М., 1975, с. 480.

перешел в наступление. Еще через три года в стране опять сложилась революционная ситуация и общенациональный политический кризис. В июле 1914 года в Питере дело дошло до баррикад. И еще менее чем через три года победоносная народная революция сбросила царскую монархию. Это произошло в феврале 1917-го.

«Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, - рассказывает Крупская, - а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» - и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах... Мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.

Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция»¹.

Фальсификаторы истории и по сей день пытаются доказать полную неожиданность Февраля для Ленина... Какова же цена этих домыслов?

Назревание нового революционного кризиса было отмечено Лениным уже в 1915 году. О неотвратимом нарастании и приближении революции он неоднократно писал и в 1916-м. Революция накануне, подвел Владимир Ильич итог в статье, опубликованной 31 января 1917 года: «...на очередь дня- не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей - поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс...»². «...Будет на нашей улице праздник», - пишет он 19 февраля 1917 года по поводу вестей, приходящих из России³. В тот же день на вопрос одного из большевиков - ехать ли ему

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 288.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 346.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 390.

в Россию? - Крупская передает совершенно категорический ответ Ленина: «Ехать в Россию надо поскорее, а то опоздаете к началу»¹.

Позднее, говоря о сложном процессе вызревания революции, о нелепости попыток искусственно вызвать ее и невозможности в этой связи заранее предсказать конкретный повод и дату революционного взрыва, Ленин указывал: «Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит...»². И на протяжении всех предшествующих лет Ленин, большевистская партия повседневно вели эту последовательную и беззаветную работу.

Ныне, как и тогда - весной 1917 года, буржуазные историки стремятся доказать, что падение российской монархии произошло прежде всего в результате ее «саморазрушения» и «самораспада», вследствие глупости самого царя и его правительства, которые, мол, не слушались разумных советов и вели бессмысленно-нелепую, «самоубийственную» политику. Мораль сей басни очевидна: если произошел «самораспад» монархии, то, стало быть, усилия многих поколений русских революционеров, и прежде всего рабочего класса, тут ни при чем.

Задолго до Февраля Ленин разоблачил этот миф. Конечно, царь был заурядным человеком. Прусские помещики, находясь в свое время в критической ситуации, выдвинули фигуру такого масштаба, как Бисмарк. Прогнившая царская бюрократия своего Бисмарка дать не могла. Весь этот строй был уже несовместим с умом и

---

¹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 99.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 458.

талантом... Но дело было не в личных качествах царя и его министров.

Когда либералы, всплескивая ручками, горестно вопрошали: «Неужели государь, даже в интересах сохранения собственной власти, не может дать России немного свобод?» - царь и его окружение великолепно понимали, кто воспользуется этими свободами: не болтуны и краснобаи с их «разумными советами», а прежде всего пролетариат, та могучая сила, которая хочет не «трансформации», а уничтожения монархии.

«Люди реакции, - писал Ленин, - не чета либеральным Балалайкиным. Они люди дела. Они видят и знают по опыту, что сама малейшая свобода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они вынуждены поэтому идти все дальше и дальше назад... задвигать все больше всякими заслонками приоткрытый было политический клапан.

Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство не может поступать иначе, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от прикрытого, придавленного, но не уничтоженного напора снизу»¹. Логика классовой борьбы, вся «многовековая история царизма, - писал Ленин, - сделала то, что в начале XX века у нас нет и не может быть иной монархии, кроме черносотенно-погромной монархии»².

И политика уступок, испробованная царским правительством, и политика контрреволюционного террора, по части которого самодержавие не имело равных в тогдашней Европе, - с роковой

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 196.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 16-17.

неумолимостью вели к одному результату: росту общенародного освободительного движения, направленного против монархии.

Создалось положение, известное в шахматах как «Цугцванг», когда дальнейший ход в игре лишь ухудшает позицию. Ремонтировать прогнившее здание «Дома Романовых» было поздно. Царизм уже не мог мирно выйти из тупика, в который он загнал Россию. Или гниение страны, гниение долгое и мучительное, или революция. Другого выхода не было.

Так, может быть, на сей раз - в февральские дни 1917 года - революционное насилие, кровь тысяч людей, пролитая в эти дни, явились все-таки результатом «подстрекательства злокозненных элементов», прибегших к своему «излюбленному методу»? Нет, и на сей раз - нет!

1905 год не решил тех проблем, которые подняли Россию на революцию. Начавшаяся в 1914-м мировая война, порожденная всей системой империализма, еще более обострила все социально-экономические противоречия - непомерную эксплуатацию, угнетение, бесправие народа, разруху, голод, нищету. И над всеми этими противоречиями - в самой тесной и прямой связи с ними - война поставила гигантскую фигуру смерти...

Об ужасах этой кошмарной войны, стоившей человечеству миллионов и миллионов жизней, читателю достаточно хорошо известно. Надо было довести людей до последней черты отчаяния, чтобы один из русских солдат написал с фронта своей родной матери: «Дорогая мамаша, лучше бы ты меня на свет не родила, лучше бы маленьким в воде утопила, так я сейчас мучаюсь»¹.

---

¹ История гражданской войны в СССР, т. 1. М., 1935, с. 34.

Сущность альтернативы, перед которой был поставлен народ, была точно сформулирована питерскими большевиками в листовке, выпущенной в дни Февральской революции:

«Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить. На фронте - кровь, увечье, смерть. Набор за набором, поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать! Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода и молчать без конца - это трусость, бессмысленная, преступная, подлая. Все равно не спасешься. Не тюрьма - так шрапнель, не шрапнель - так болезнь или смерть от голодовки и истощения. Прятать голову и не смотреть вперед недостойно...

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы... Все под красные знамена революции!»¹.

Описывая Февральскую революцию, многие буржуазные историки пытаются представить ее и как революцию чисто стихийную, в ходе которой деятельность политических партий, в том числе и большевиков, не имела никакого реального значения. В февральские дни стихийное нарастание активности масс безусловно имело место. «Ни одной революции, - писал Ленин, - без этого не было и быть не может»². Но стихийные массовые выступления несколько не исключали целенаправленной и организованной работы большевистской партии.

Когда читаешь воспоминания о Феврале сторонних

---

¹ Листовки петербургских большевиков. 1902-1917, т. 2. Л., 1939, с. 249, 250.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 393.

наблюдателей, то и дело встречаешь фразы: «толпа захватила склад с оружием», «из толпы вышла какая-то женщина и обратилась к казакам с речью, после которой они повернули вспять», «толпа бросилась к тюрьмам освободить политических...».

Сегодня, когда благодаря исследованиям советских историков можно просматривать ленту февральских событий кадр за кадром, мы видим в этой, казалось бы, «серой толпе» знакомые лица. Захватом склада оружия руководил И. Д. Чугурин - член партии с 1902 года, ученик ленинской партийной школы в Лонжюмо, член Петербургского комитета. Женщина, вышедшая из толпы к казакам,- это работница-большевичка А. И. Круглова. На штурм тюрьмы двинул отряды рабочих и солдат М. И. Калинин...

А вот и другой ряд этих бурных событий, о котором сторонний наблюдатель и не мог знать: ежедневно на конспиративных квартирах собираются большевики. Это в основном рабочие. За все предшествующие годы партия сумела так воспитать своих «практиков», что они с честью выдержали революционный экзамен. И принятые ими решения - о проведении всеобщей политической стачки и демонстраций, о переводе стачки в вооруженное восстание - реализуются борьбой масс.

Большевики всегда видели свою задачу в том, чтобы идти впереди вспыхнувшего движения масс, указывать ему путь и, опираясь на передовых рабочих, поднимать это движение до уровня сознательного революционного выступления. Так было и в феврале 1917 года. Монархия была свергнута. Но добиться передачи всей полноты власти восставшему народу большевикам тогда так и не удалось.

Сговор с лидерами меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных партий позволил буржуазии

сформировать свое Временное правительство, а Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, возникший в эти революционные дни, большинством голосов санкционировал существование этого правительства.

Объясняя причины столь неожиданного поворота событий, Ленин позднее писал, что в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, революция немедленно втянула в движение огромную массу обывателей, вчера еще политически спавших. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»¹.

«Первые дни Февральской революции, - вспоминал академик К. В. Островитянов, - были днями какого-то всенародного ликования. Многим казалось, что исчезли все классовые противоречия и настало царство Исайи, когда «волк упочивает с агнцем». Все нацепили красные бантики, всюду реяли огненные революционные флаги - все окрасилось в цвет революции...»².

Так - не в результате «насилия со стороны буржуазии... а из-за доверчивой бессознательности масс»³ - возникло то своеобразное историческое положение, которое получило название двоевластия. Наряду с официальным правительством, являвшимся органом диктатуры буржуазии, сидевшим в правом крыле Таврического дворца, в его левом крыле заседал Совет рабочих и солдатских депутатов - орган революционно-демократической диктатуры пролетариата

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

² Островитянов К. В. Думы о прошлом. М., 1967, с. 164.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 157.

и крестьянства, опиравшийся на восставший народ.

Такое положение не могло оставаться долго. Проблем, вызывавших острейшие классовые конфликты, было более чем достаточно, и того «социального мира», о котором мечтали соглашатели, не существовало. Послефевральская демократия - самая широкая по своим политическим формам - сразу же обнаружила свою классовую буржуазную ограниченность. Главные вопросы - о мире, о земле, 8-часовом рабочем дне - решены не были, и эта «демократия» по-прежнему оборачивалась для тех, кто совершил революцию, лишь «правом» на три могильных аршина на фронте и «свободой» умирать от голода в тылу. Такая «демократия», при которой массы не могли решать судьбы страны, не устраивала трудящихся, искавших реального выхода из бедственного положения.

Вот почему, получив первые известия о революции в России, Ленин высказал глубокую убежденность в том, что пролетариат «пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики... а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу»¹.

«С первых же минут, как только пришла весть о Февральской революции, - пишет Крупская, - Ильич стал рваться в Россию». Легальный путь - через Англию или Францию - для интернационалистов был закрыт. Можно лишь поражаться тому, как правительства могущественных стран Антанты страшились силы тех идей, которые нес в Россию этот человек. «Сон пропал у Ильича... и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 22.

аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду... Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа... Но мешает незнание языка. Может быть, немого? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация», - смеялась я»¹.

Наконец на одном из эмигрантских собраний в Цюрихе Мартов предложил добиваться проезда через Германию в обмен на немецких военнопленных. Берлин дал согласие. «Конечно, - писала Крупская, - германское правительство, давая пропуск, исходило из тех соображений, что революция - величайшее несчастье для страны, и считало, что, пропуская эмигрантов-интернационалистов на родину, они помогут развертыванию революции в России. Большевики же считали своей обязанностью развернуть в России революционную агитацию... Их очень мало интересовало, что думает буржуазное германское правительство. Они знали, что оборонцы будут обливать их грязью, но что массы в конце концов пойдут за ними»².

Проехали Германию... Швецию... «На финских вейках переехали из Швеции в Финляндию. Было уже все свое, милое - плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было... Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения - был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 289.

² Там же, с. 296.

слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица. <...>Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя... Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости... Нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик... «Да здравствует социалистическая мировая революция!» - бросал Ильич в окружающую многотысячную толпу»¹.

Определяя тактику большевистской партии, выбор средств и методов борьбы в этот самый сложный период, Ленин устанавливает объективную возможность мирного развития революции.

Что это - агитационный «прием»? «Пересмотр взглядов»? «Забвение» опыта пятого года? Конечно, нет.

Еще в сентябре 1905 года Владимир Ильич, чуть ли не ежедневно призывавший пролетариат к вооруженному выступлению, писал, что если в России будут существовать реальные политические свободы, если будут созданы условия для свободного волеизъявления масс, для деятельности всех партий, в том числе и революционной партии рабочего класса, тогда «мы обязаны будем пересмотреть весь вопрос о восстании заново, ибо для нас восстание есть лишь одно из важных, но вовсе не всегда обязательных средств завоевания свободного поля борьбы за социализм»².

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 297, 298.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 258-259.

После февраля 1917 года в России как раз и сложилась такого рода чрезвычайно редкая и выгодная для трудящихся ситуация. Она характеризовалась не только тем, что на определенный период Россия (по меркам того времени) стала самой демократической страной мира. Не менее существенным являлось отсутствие насилия по отношению к народу со стороны эксплуататорских классов. И произошло это отнюдь не по их доброй воле...

В те дни монархист Шульгин, глядя на восставший народ, буквально скрежетал зубами в бессильной ярости:

«Живым, вязким человеческим повидлом они залили растерянный Таврический дворец, залепили зал за залом, комнату за комнатой... Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было - у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство...

- Пулеметов!

Пулеметов - вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы- этот зверь был... Его Величество русский народ!..

Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет пятьдесят тысяч «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России...

Если бы у нас был хоть один полк... и один решительный генерал - дело могло бы обернуться иначе. Но у нас ни полка, ни генерала не

было... И более того - не могло быть. В то время в Петрограде «верной» воинской части уже или еще не существовало»¹.

Значит, не «гуманизм» классовых противников создал после Февраля возможность мирного развития революции, а бессилие - полное отсутствие вооруженной силы у тех, кто в любую минуту, нисколько не считаясь с жертвами, готов был залить кровью освободительное движение народа.

Казалось бы, в этой ситуации перед пролетарским авангардом, располагавшим реальной силой, открывалась возможность свержения буржуазного правительства. Но этот путь был решительно отвергнут Лениным.

«Чтобы стать властью, - указывал он, - сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»².

Именно благодаря отсутствию насилия по отношению к народу и свободе агитации можно было «умело, осторожно, прояснением мозгов вести пролетариат и беднейшее крестьянство в п е р е д, от «двоевластия» к п о л н о в л а с т и ю Советов рабочих депутатов»³. Советы без восстания могли взять всю полноту власти, и никто не смог бы воспрепятствовать этому. Вот почему, писал Владимир Ильич, «в России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная»⁴. Он подчеркивал, что этот путь является единственно возможным, что

---

¹ Шульгин В. Дни. Белград, 1925, с. 163, 166-167, 183.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 147.

³ Там же, с. 123.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 270.

в создавшихся условиях «наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне», что любая попытка взять хоть «чутьочку полевее» есть не что иное, как «величайшее преступление»¹.

Курс партии был поддержан широчайшими массами, которые по мере «прояснения мозгов» все более приходили к пониманию бесплодности соглашательства с буржуазией, к осознанию того, что именно большевики выражают их жизненные интересы. Ленин писал в этой связи: «Нам бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас...»².

Такого рода мирное развитие революции вызывало отчаянную злобу в лагере реакции. Двоевластие тоже не устраивало буржуазию. Она хотела всей полноты власти и ради этого готова была установить военную диктатуру. И как только нашлись наконец у Временного правительства «полки» и «решительные генералы», буржуазия первой поставила «в порядок дня Штык».

Уже так называемое июньское наступление на Юго-Западном фронте, единственным результатом которого было около 60 тысяч убитых и раненых, говорило о том, что «демократическое» Временное правительство для достижения своих целей не погнушается никакими жертвами. 4 июля в Питере, расстреляв из пулеметов мирную демонстрацию, контрреволюционеры вновь пролили кровь рабочих и солдат. На столичных площадях и проспектах остались лежать около 400 мертвых и искалеченных «свободных граждан свободной России»... Была разгромлена редакция «Правды», отдан приказ об аресте Ленина, и Владимир Ильич был вынужден

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 309, 362.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 136.

вновь уйти в подполье. «Вас, возможно, арестуют, - горько пошутил он в эти дни в разговоре с Сулимовой, - а меня могут и подвесить»¹.

В эти дни Ленин писал:

«Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует грязно, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами...

...Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы...

...Большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобления «слышать» звуки одобрения, ибо бешеная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого»².

Двоевластие и мирный период развития революции кончились. Страна оказалась перед дилеммой: либо торжество реакции, продолжение кровавой империалистической бойни, уносившей тысячи человеческих жизней, либо вооруженное восстание, создание первого в мире государства трудящихся и революционный выход из войны. Другого выбора не было. Следуя указаниям Ленина, большевистская партия на своем VI съезде взяла курс на восстание.

Казалось бы, уж теперь-то вопрос о средствах борьбы решен бесповоротно. Буржуазия

---

¹ Старцев В. И. От Разлива до Смольного. М., 1977, с. 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 90, 91.

сама выбрала оружие борьбы... Однако, анализируя политическую ситуацию, возникшую в стране после разгрома корниловского мятежа, Ленин устанавливает, что эта ситуация вновь создает возможность для мирного движения вперед революции, возможность, которая исчислялась буквально несколькими днями. И он сразу же пишет: «...если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее».

Владимир Ильич вновь и вновь повторяет, что мирный путь развития революции был бы предпочтительней и безболезненней. Вооруженное насилие «как-никак означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития...». И Ленин пишет: «Только во имя этого мирного развития революции - возможности, крайне редкой в истории и крайне ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики... сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс».

Сущность компромисса заключалась в том, что большевики готовы были поддержать создание меньшевистско-эсеровским ЦИКом Советов правительства без буржуазии на базе Советов и ответственного перед ними. Не претендуя на вхождение в это правительство и оставляя за собой свободу агитации, большевики готовы были отказаться «от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование»¹.

Если бы меньшевики и эсеры приняли это предложение, возможность гражданской войны в значительной мере была бы исключена. Но

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 135.

они отвергли его. 17 октября Ленин писал: «...выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата...»¹.

Если суммировать общий итог и старых и самых новейших буржуазных оценок 1917 года, то смысл их сведется к следующему: Февраль открыл перед Россией перспективу создания правового государства и свободного демократического развития. Однако «экстремизм» большевиков и, наконец, «Октябрьский переворот» привели к утрате этой перспективы². Иными словами, историческая альтернатива 1917 года якобы сводилась к выбору: **либо демократия, либо большевистская диктатура.**

Реальная историческая альтернатива выглядела совершенно иначе. Не покончив с помещичьим землевладением, буржуазная революция сохранила тем самым и главную опору контрреволюционного монархизма, который не только не утратил своего экономического могущества, но и в значительной мере удержал свои позиции в государственном аппарате и армии. В той политической нестабильной обстановке, которая сложилась в стране после Февраля, это была весьма реальная и внушительная сила.

Временное правительство, стремясь стабилизировать эту обстановку, готово было прибегнуть к услугам военной диктатуры. Ступив на этот путь, оно неизбежно стало блокироваться с крайней реакцией, потворствуя организации сил монархической контрреволюции, способствуя тем самым подготовке реставрации, восстановлению монархии.

Взрачивая корниловщину, деятели соглашательского

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 406.

² См.: «Проблемы мира и социализма», 1977, № 2, с. 24.

блока предполагали, что они сумеют использовать ее в своих целях. Однако сами корниловцы отнюдь не собирались таскать для них «каштанов из огня». Они вынашивали иные планы, реализация которых ставила вопрос о том, кто кого использует, совсем в иную плоскость.

Круг личных политических симпатий руководителей корниловщины был достаточно определен. Сам Корнилов, например, с восторгом и умилением вспоминал о том, как однажды был «удостоен величайшей чести» - отобедать у самого государя и ради «спасения России» от революции был готов «сжечь пол-России» или «залить кровью три ее четверти». Под стать генералам были и офицерские кадры, составлявшие ядро корниловского заговора. Проклиная всех прежних «либералов» - от Белинского и Герцена до Михайловского и Ключевского,- они грозили всем живым «неминуемой веревочной петлей». Что же касается кандидата на российский престол - великого князя Михаила, то его садистски-сладострастная реплика в адрес всех революционеров - «как мы будем вешать их, когда одержим верх!» - говорила больше, нежели дюжина писанных программ¹.

Такова была реальная историческая альтернатива, и вот что ожидало бы Россию, если бы не Великий Октябрь.

Тем, кто сегодня слезливо сетует на «запланированный» большевиками «октябрьский переворот», следует напомнить и другое... Неспособность буржуазного правительства решить вопрос о мире, хлебе и земле, попытки установить военную диктатуру вызвали в массах такую бурю отчаяния и ненависти, которая в любой момент могла привести к стихийному взрыву.

---

¹ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 72, 81, 218, 219.

Эту опасность остро ощущал Ленин. Он указывал на «сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые чувствуют, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, разможат все даже по-анархистски», если не сумеют руководить ими в решительном бое большевики»¹.

А потом, уже после Октября, отвечая Горькому на его опасения - не нанесет ли пролетарская революция ущерба культуре, - Владимир Ильич говорил: «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках - не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу»².

Тщательно и всесторонне готовя вооруженное восстание, Ленин не раз напоминал тем, кто всецело полагался лишь на стихийный взрыв возмущения масс, слова Энгельса о том, что восстание - это искусство. И ленинский план восстания как раз поражал той глубиной и тонкостью, которая делает неуловимой грань между наукой и искусством. Но и тогда Владимир Ильич вновь и вновь подчеркивал, что «вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами»³.

Когда же момент для восстания назрел, когда оно было подготовлено, когда обстановка во вражеском лагере оказалась наиболее благоприятной, Ленин обратился с письмом в ЦК партии:

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 413.

² В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 318.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 240.

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое...

На очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс...

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все.

...Народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой...

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам...

Промедление в выступлении смерти подобно»¹.

И на этот раз Ленин рассматривал народное восстание как единственно возможный путь, обеспечивающий победу народа при наименьшем количестве жертв. Во время «бескровной», как выражаются ныне буржуазные историки, революции в феврале 1917 года в Петрограде было убито и ранено около 2000 человек². В день Октябрьского вооруженного восстания в столице погибло лишь 6 человек... Именно потому, что восстание было тщательно и всесторонне подготовлено, именно потому, что оно выражало и опиралось на волю и энергию большинства народа, оно и стало столь победоносным и столь бескровным.

Многие современники, видевшие Ленина в ночь на 25 октября 1917 года, оставили нам свои

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435, 436.

² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция, Восстание в Петрограде, с. 403.

воспоминания. К лучшим из них принадлежат записи А. В. Луначарского: «Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех комнатах... Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле»¹.

И за всем этим человеческим водоворотом и буряном страстей спокойная решимость и воля Ильича. К нему сходятся все нити восстания, и от него, словно электрический ток, расходятся во все концы восставшей России приказы и директивы. По словам Луначарского, Ленин более всего напоминает в этот момент опытного лоцмана, взявшего в свои руки рулевое колесо океанского гиганта-теплохода.

Февральская революция застала Владимира Ильича за работой над «Государством и революцией». Он продолжил эту работу в своем последнем подполье. Но завершить ее так и не успел... В ноябре 1917 года в послесловии к «Государству и революции» Ленин написал: «...второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»².

---

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 171

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.

**«ЖЕСТОКОСТЬ
НАШЕЙ ЖИЗНИ
БУДЕТ ПОНЯТА
И ОПРАВДАНА»**

В 2 часа 35 минут 7 ноября 1917 года открылось пленарное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На трибуну вышел Ленин. Он обвел зал глазами, улыбнулся и очень просто сказал:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

...Значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»¹.

Новая власть Советов сразу же решила аграрный вопрос, дав землю крестьянам. На заводах повсеместно вводился рабочий контроль за производством. Декрет о мире и начавшиеся мирные переговоры с Германией вывели из-под огня миллионы солдат, гнивших в окопах...

11 ноября, характеризуя политику Советской власти, Ленин с гордостью говорил:

«Это не политика большевиков, вообще не политика «партийная», а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.

...Мы взяли власть почти без кровопролития. Если были жертвы, то только с нашей стороны. Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах»¹.

Но царство Исаяи, где «волк почиет с агнцем», не наступило и после Октября...

Победители были великодушны. Смертная казнь, введенная «демократическим» Временным правительством, была немедленно отменена. Мятежные юнкера и царские генералы, открыто поднявшие оружие против Советской власти, отпускались на свободу под «честное слово». Многим бывшим министрам и крупным капиталистам разрешили выехать за границу. 1 мая 1918 года была объявлена амнистия... Невольно вспоминаются слова Артура Арну о Парижской коммуне, которая, как он выразился, никогда вполне не верила в подлость своих врагов.

А ведь уже прогремели из-за угла первые выстрелы контрреволюционеров, и один из самых первых - вечером 1 (14) января 1918 года - был направлен во Владимира Ильича. Лишь расторопность шофера Тараса Гороховика и мгновенная реакция Фрица Платтена, ехавшего рядом с Лениным в машине и сразу же пригнувшего голову Владимира Ильича, спасли его от пули...

Трое террористов, оказавшихся бывшими офицерами, были вскоре схвачены. Началось следствие. Однако сам Ленин относился к нему с полнейшим безразличием:

«- А зачем это? Разве других дел нет? Совсем это не нужно. Что ж тут удивительного, что во время революции остаются недовольные

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 36, 37.

и начинают стрелять?.. Все это в порядке вещей... А что, говорите, есть организация, так что же здесь диковинного? Конечно, есть. Военная? Офицерская? Весьма вероятно...»

Когда же к Ленину, после беседы с арестованными, пришел А. Г. Шлихтер и сказал, что эти молодые люди просятся на фронт, что он убежден в их «абсолютной искренности» и надо дать им «возможность осознания своей страшной вины перед революцией», Ленин - «весело и оживленно» - поддержал его:

«- Да, да! Пускай подумают, поживут молодые юнцы, осмотрятся, поучатся и подумают. Подите к товарищу Бонч-Бруевичу и скажите, что я не возражаю против освобождения арестованных...»¹.

Но слишком скоро стало очевидным, чем оборачивается это великодушие революции... Убийство Володарского, Урицкого в Питере и многих других коммунистов и активистов Советов на местах... И в списке тех, кто первым пролил свою кровь от руки контрреволюционеров, - Ленин, тяжело раненный 30 августа 1918 года в Москве... Контрреволюционные мятежи, во время которых, как это было в Ливнах и Ярославле, рабочих и красноармейцев зверски пытали - сдирали кожу, выкалывали глаза, - а уж потом добивали или топили в Волге... Наконец, первые фронты против организованных контрреволюционных войск, уносившие сотни и тысячи жизней... Началась гражданская война...

«...В нашем идеале нет места насилию над людьми»², - писал Ленин задолго до этих дней. «...Мы, в идеале, против всякого насилия над

---

¹ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969, с. 328.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

людьми»¹, - повторял он Горькому уже после Октября. Но Владимир Ильич, как никто другой, понимал, что «непротивление злу» может привести лишь к полному торжеству зла... И революция обратила против своих врагов ими же выбранное оружие.

Гражданскую войну порой рисуют в тонах апокалиптических: «...и пошел брат на брата и восстал сын против отца...» Конечно, было и такое. Но, при всем многообразии индивидуальных случаев, эта война была войной эксплуатируемых против эксплуататоров, не желавших расстаться с привычным комфортом старого уклада жизни.

Это была страшная, беспощадная, но справедливая война. И, отвечая тем, кто обвинял большевиков в том, что якобы именно они, выведя Россию из войны империалистической, снова ввергли ее в «кровавую пучину», Ленин писал: «Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистской войне - дело, заслуживающее поддержки (делами, при слащавых фразах «против» войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики»².

Выше уже говорилось о том, что ожидало бы Россию, если бы не победа Октября... Впрочем, у размышлений на тему - «что было бы... если бы...» - есть один органический недостаток. Наука не любит сослагательного наклонения, ибо его невозможно проверить фактами. Значит ли это, что логика предшествующих размышлений беспочвенна? Нет! История, дабы доказать закономерность тех или иных процессов и явлений, сама позаботилась о такой проверке. Ею стали колчаковщина, деникинщина,

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 328.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 48.

врангелевщина и т. д. и т. п., которые дали вполне определенный ответ, своего рода модель того - «что было бы... если бы...».

Известно, что руководители «белого движения» тщательно скрывали свой истинные симпатии и устремления, пряча их за ширмой так называемого «непредрешенчества» (т. е. отсрочки решения вопроса о форме правления страной до Учредительного собрания).

Однако вопрос о реставрации монархии обсуждался в этих кругах (в различных комиссиях, комитетах, а чаще в доверительных беседах за чашкой чая) постоянно и как-то слишком уж буднично. Наслушавшись этих разговоров, кадеты, близкие к верхам белой армии, были убеждены, что военная диктатура бывших царских генералов - это лишь переходный этап к восстановлению монархии, что «монархия грядет, что монархия неизбежна и что дай бог, чтобы грядущая монархия оказалась монархией достаточно либеральной, достаточно приличной...»¹.

Относительно самой белой армии, и в частности деникинцев, Милюков откровенно писал: «В составе офицерства, собравшегося на юге, было 80% монархистов и среди них немало сторонников старого режима». Что касается Колчака, то английский премьер Ллойд-Джордж, достаточно хорошо информированный, говорил о нем: «Монархист в душе... окружил себя сторонниками старого режима». Французский генерал Жанен добавлял: «В окружении Колчака не скрывали, что лучшим правительством для России будет монархия»².

Кстати, факты и документы опровергают бытующую на Западе и поныне версию, согласно

---

¹ Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции, с. 112.

² См. там же, с. 191, 219.

которой правительства Германии и стран Антанты якобы противились монархическим тенденциям в белогвардейском лагере. На самом деле и те и другие относились к подобного рода тенденциям достаточно благосклонно, видя в монархии ту «сильную власть», которая могла бы навести «порядок» в России.

Между прочим, именно эта решающая роль наиболее реакционных элементов в лагере контрреволюции и сделала ее столь недееспособной в политическом и социально-экономическом смысле. Казалось бы, что, опираясь на поддержку империалистических государств, располагая определенными территориями и, что особенно в данном случае важно, «обогащенные» печальным для них опытом 1917 года, белогвардейские правительства имели возможность реализовать ту «позитивную» программу, которую якобы не дал им осуществить Октябрь. Но не тут-то было...

Пытаясь сохранить привилегии свергнутых революцией классов - помещиков и буржуазии - контрреволюционные элементы попадали в тот же порочный круг, в котором вертелось перед Февралем царское правительство. И те же причины, которые сделали недееспособной монархию, предопределили и крах социально-экономических «начинаний» белогвардейщины.

Даже в самых критических ситуациях, когда, казалось бы, по логике событий они должны были пойти по пути хоть каких-то реальных уступок и реформ, сугубо корыстные интересы реакционных «зубров» всегда брали верх и подобные варианты решительно отвергались. Буржуазно-помещичья реакция могла проводить только буржуазно-помещичью политику. Она не могли дать народу России даже самой малости, ничего, кроме штыка и пули, нагайки и виселицы.

В этих условиях острейшего противоборства пролетарской революции с самой черной реакцией попытка меньшевиков и эсеров создать «третью силу», выступать от лица некоей «широкой демократии» была заранее обречена на провал. Как и в период между Февралем и Октябрем, соглашатели играли в годы гражданской войны не только жалкую, но и зловещую роль. Там, где им временно удавалось взять верх, они немедленно становились ширмой, вернее, трамплином для подготовки и перехода к самой разнузданной и кровавой диктатуре царских генералов¹.

Глубоко презирая их как «политических фетюков», белогвардейцы шли на временное сотрудничество с соглашателями, не скрывая, впрочем, своего отношения к ним. Один из членов так называемого «Комуча» рассказывал о том, как в «шутливой» беседе ему было откровенно заявлено: «Вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции. Но долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившаяся назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится... Мы будем вас до поры, до времени немного подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»².

Вот почему и основной лозунг соглашателей «Учредительное собрание» - на деле был контрреволюционной фикцией, ибо, как указывал Ленин, «Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 318.

² См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции, с. 168.

нос»¹. И тот факт, что в ряде случаев кованый сапог военщины, которым эсеры и меньшевики собирались давить Советы и большевиков, опускался сначала на их собственные головы, не меняет принципиальной оценки предательской позиции соглашателей. «Меньшевики и эсеры, - писал Ленин, - играли роль пособников монархии, как прямых... так и прикрытых...»².

Все это подтверждает, что историческая альтернатива, сформулированная Лениным в 1917 году, оставалась реальностью и в годы гражданской войны: «...либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии...»³ - так писал об этом Ленин в 1919 году. В 1921 году, проанализировав конечный итог дифференциации борющихся сил, Ленин вновь повторяет: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 129.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 103.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 41.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 129

Бесславный путь монархической контрреволюции к ее агонии - это не только процесс физического вырождения «бывших людей», не желающих мириться со своей обреченностью. Участие во всех авантюрах, направленных против Советской России, драчка за «престолонаследников» и из-за субсидий иностранных разведок, открытый шпионаж и кровавый террор - таковы позорные страницы истории монархической контрреволюции в эмиграции. И одна из последних ступеней этого падения - связь белогвардейщины, и прежде всего ее монархических элементов, с фашизмом. Тень двуглавого орла сопутствовала и появлению и становлению свастики. Дело не только в «теоретических» изысканиях Шульгина и К^о генетической связи политики русских монархистов с фашизмом, в сотрудничестве российских черносотенцев в фашистской прессе или даже в попытках создания «Русской фашистской партии». Монархическое белогвардейское охвостье принимало самое непосредственное участие и во всех практических акциях фашизма и реакции в Европе - начиная с капповского путча 1920 г., гитлеровского путча 1923 г., фашистских переворотов в Венгрии и Болгарии, кончая участием в гражданской войне в Испании на стороне Франко и во вторжении гитлеровских полчищ в СССР. Разгром фашизма

Вот какого рода противник противостоял пролетарской диктатуре. И для Ленина, большевиков вооруженное насилие против такого классового врага всегда было и политически и нравственно оправдано.

Отрицать тот факт, что гражданская война была начата силами контрреволюции, - бессмысленно. Как говаривал герой средневековых французских фэблио монах Горанфло: «Увы в борьбе против фактов бессильно даже самое блестящее остроумие»... Может быть, поэтому все те, кто тогда или ныне скорбит о «белых жертвах» гражданской войны, чаще всего вспоминают не о тех, кто пал на полях сражений, а о жертвах «красного террора»... Когда солдат убивает солдата-противника в открытом бою - это, по их мнению, считается вполне «нормальным» и «естественным». На то, мол, и война. Ну, а когда речь идет о пресечении заговоров, диверсий, мятежей, грозящих тысячами и тысячами жертв?

...В июне 1919 года неподалеку от Питера, на форту Красная Горка, вспыхнул мятеж. В ночь на 16 июня он был ликвидирован. Следствие показало, что во главе мятежа стояла контрреволюционная организация «Национальный

центр», объединявшая различного рода антисоветские группы и шпионское подполье, прятавшееся по квартирам кадетствующей питерской интеллигенции. Мятеежники Красной Горки намеревались, объединив свои усилия с наступлением белых на фронте и восстанием в городе, захватить Петроград. Вряд ли стоит говорить о том, во что обошелся бы рабочим успех заговора...

В связи с этими событиями в городе были проведены аресты кадетской и околкадетской интеллигенции. А вскоре в Москву, к Ленину, стали поступать сообщения и жалобы на то, что аресты приняли неоправданно массовый характер. 11 сентября этот вопрос был поставлен на Политбюро ЦК, и трем его членам было предложено немедленно выехать в Питер и пересмотреть все дела арестованных для «освобождения кого можно»¹.

Тогда же, сообщая М. Ф. Андреевой о том, что «меры к освобождению приняты», Ленин писал ей о справедливости предупредительных арестов сочувствующей и помогающей белогвардейцам интеллигенции: «Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 было перебито. Ей-ей, лучше...»².

Если не становиться в нравственную позу сторонника некоего «абстрактного гуманизма», стоящего над конкретной исторической действительностью, или - того хуже - считать, что жизнь одного интеллигента дороже сотен и тысяч жизней рабочих и крестьян, то трудно не согласиться с этим «ей-ей, лучше».

Аресты (наподобие питерских) ставили своей задачей парализовать и отсеять колеблющиеся в сторону контрреволюции элементы, лишить

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 563, 564.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 52.

контрреволюцию сколько-нибудь массовой базы и тем самым добиться победы без массового кровопролития.

15 сентября 1919 года, в связи с теми же питерскими арестами, Владимир Ильич с иронией пишет Горькому:

«Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам для предупреждения избиения десятков тысяч рабочих и крестьян!

...Вы даете себя окружить именно худшим элементам буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье. Вопль сотен интеллигентов по поводу «ужасного» ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян, коим угрожает Деникин, Колчак, Лианозов, Родзянко, красногорские (и другие кадетские) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете. Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые» (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженку или в царя-батюшку. Вполне понимаю»¹.

Не пролетарская диктатура выступила инициатором террора. Он был навязан Советскому государству. Он явился в тех условиях единственно возможной мерой социальной защиты против бешеного и кровавого белого террора, начатого контрреволюцией. И красный террор стал не актом мести, а акцией гражданской войны. Они сами начали эту войну. А уж «коль воевать, - не раз говорил Ленин, - так по-военному».

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 48-49.

«Самая борьба с эксплуататорами, - говорил Ленин на VIII съезде партии, - взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: „Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира, - переворот принял бы более мирные формы“»¹.

«Мне часто приходилось говорить с Лениным, - рассказывает Горький, - о жестокости революционной тактики и быта.

- Чего вы хотите? - удивленно и гневно спрашивал он. - Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию?.. На нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы - что же? Не должны, не в праве бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

- Какую мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? - спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа - нет»².

Что касается самого Ленина, то как раз против «лишних ударов» он боролся постоянно и беспощадно.

Известно, что убийства и покушения на вождей революции, зверства, чинимые контрреволюционерами, вызвали в самой гуще народной массы волну ответной ярости и ненависти. «Бейте контрреволюционеров без пощады и жалости!

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 201.

² В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 321-322.

Довольно щадить палачей! Без сострадания мы будем избивать врагов десятками и сотнями! Пусть они захлебнутся в собственной крови! Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих!» - такие призывы и такого рода резолюции звучали тогда на массовых митингах. Но партия, Ленин не дали вылиться этому чувству в стихийный разгул самосуда.

7 января 1918 года - в ту самую ночь, когда Ленин беседовал с Коллонтай о звездах и ночном небе, - пришло сообщение о жестокой расправе анархистствующих матросов над двумя арестованными - бывшими министрами Временного правительства Кокошкиным и Шингаревым. Владимир Ильич, рассказывает Коллонтай, пришел в ярость. Посылая ее к балтийцам, он потребовал немедленно выдать убийц и заявить матросам совершенно категорически: «То, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости»¹.

В ноябре 1918 года председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии М. И. Лацис выступил со статьей в казанском еженедельнике «Красный террор». Указывая на чудовищные зверства, чинимые белогвардейцами и контрреволюционными заговорщиками в районе боевых действий и тыла Восточного фронта, он требовал поголовных репрессий против всех контрреволюционеров, всех представителей буржуазии и всей буржуазной интеллигенции. Была в этой статье и такая фраза: «...не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...»

Статья Лациса сразу же вызвала резкую отповедь со стороны Ленина. Одно дело, - писал он,

---

¹ «Известия», 1962, 21 апр.

когда «чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине», и совсем другое дело - «договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» товарищ Лацис...». И далее, говоря о «политическом недоверии» к интеллигенции, Владимир Ильич продолжает: «Ведь даже в отсталой России... народились капиталисты, которые умели ставить себе на службу культурную интеллигенцию, меньшевистскую, эсеровскую, беспартийную. Неужели мы окажемся глупее этих капиталистов и не сумеем использовать такого «строительного материала» для постройки коммунистической России?»¹.

Что же касается фразы Лациса - «не ищите в деле обвинительных улик», - то Ленин сопроводил ее весьма многозначительными восклицательными и вопросительными знаками как архинелепость, ибо революционная законность отнюдь не означала беззакония вообще. Постоянно контролируя работу ВЧК, Владимир Ильич учил чекистов и руководителей местных органов власти как раз прямо противоположному - самому внимательному и тщательному расследованию всех обстоятельств каждого дела.

7 декабря 1918 года, получив жалобу на арест больного бронхитом служащего В. Богданова по обвинению в саботаже, Ленин телеграфирует в Тамбов: «Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 410-411.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 216.

14 февраля 1919 года, получив письмо об аресте бывшего члена ЦК кадетской партии В. И. Добровольского, семья которого жила исключительно его заработком и который якобы давно отошел от всякой политической деятельности, Ленин телеграфирует в Петроград: «Прошу Вас проверить и подумать, нельзя ли освободить на поруки? Дайте мне, пожалуйста, и отзыв ЧК»¹.

Непомерное усердие некоторых чекистов также встречало с его стороны решительный отпор. В начале марта 1919 года Ленин узнает о том, что в Царицыне молоденькая служащая В. Першикова арестована за то, что она «разрисовала» портрет Владимира Ильича. 8 марта Ленин телеграфирует председателю Губчека: «За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно...» Своему секретарю Владимир Ильич пишет: «Напомнить мне, когда придет ответ предчрезвычайкома (а материал весь потом отдать фельетонистам)»².

«Нередко, - пишет Горький, - меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность, а и забота о будущем их».

В 1920 году жил в Питере бывший генерал, известный ученый-химик А. В. Сапожников. Сам он «политикой» не занимался - разрабатывал новое антисептическое средство (гомоземulsion), но два сына его были активными белогвардейцами. И вот при обыске его квартиры было найдено спрятанное оружие. По тем временам, при обилии контрреволюционных заговоров, незаконное укрывательство оружия грозило смертью. Суд, однако, приговорил

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 256.

² Там же, с. 267, 474-475.

Сапожникова к заключению «до окончания гражданской войны».

Горький, знавший Сапожникова, рассказал эту историю Ленину. «- Гм-гм, - сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ.- Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но - надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

- А генерала вашего - выпустим, - кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

- Гомоэмюльси...

- Да, да - карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтобы скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией»¹.

А вот другая, менее известная история...

Летом 1921 года Петроградская губчека арестовала консультанта Госплана инженера-технолога М. К. Названова. За связь с руководителем петроградской контрреволюционной боевой организацией он был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Отец Названова обратился с письмом к Ленину, умоляя его смягчить участь сына.

19 августа Ленин срочно запрашивает ВЧК:

«1) точные справки, каковы улики и

2) копию допроса или допросов по делу Названова...»².

Кстати, за несколько дней до этого, в связи с аналогичным запросом, Владимир Ильич получает от одного из членов коллегии ВЧК полное амбиций письмо с «обидой» на «всякие ходатайства

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 169, 171, 323.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 130-131.

и давления по делу». Ленин отвечает довольно резко:

«Запрос, посланный мной, не есть ни «хлопоты», ни «давление», ни «ходатайство».

Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнения в правильности.

Вы обязаны по существу ответить: «доводы или улики серьезны, так и е - т о , я против освобождения, против смягчения» и т. д. и т. п.

Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и «хлопоты» можете отклонить; «давление» есть **незаконное** действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением ошибочно»¹.

Получив документы из ВЧК, Ленин тщательно изучает их, однако сомнения в правильности приговора, видимо, не исчезают. Тогда, несмотря на чудовищную занятость и никому не перепоручая дело, Владимир Ильич начинает сам опрашивать людей, которые могли бы охарактеризовать Названова.

10 октября Владимир Ильич направляет «спешно всем членам Политбюро вкруговую для письменного голосования» свое письмо:

«Я условился с т. Уншлихтом о задержании исполнения приговора над Названовым и переносу вопрос в Политбюро».

Далее Ленин коротко излагает аргументы:

«О Названове я имел летом 1921 письмо от Красина (еще до ареста Названова). Красин просил привлечь к работе этого, очень-де ценного инженера.

Кржижановский рассказывал мне, что он, зная Названова, не раз резко спорил с ним после 25.X.1917 и чуть не выгонял из квартиры

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 108-109.

за антисоветские взгляды. Весной же или летом 1921 заметил-де у него перелом и взял на работу при Госплане».

Итак, «заметил... перелом». Был ли он действительно? Это надо проверить...

«Затем у меня были двое товарищей от ЦК рабочих сахарной промышленности, - пишет далее Владимир Ильич, - и на мой вопрос дали положительный отзыв о Названове, подтвердив этот отзыв и письменно. На основании изложенного я вношу вопрос в Политбюро...

Со своей стороны предлагаю: отменить приговор Петрогубчека и применить приговор, предложенный Аграновым (есть в деле здесь), т. е. 2 года с допущением условного освобождения»¹.

Политбюро принимает предложение Ленина, и вскоре - 17 декабря - Названов был освобожден.

Что ж, на этом можно закончить? Все? Нет, не все... Ведь Названов освобожден условно, и дальнейшая судьба его будет зависеть от того, где и как он будет работать... 26 января 1922 года Владимир Ильич поручает секретарю проверить назначение Названова в Госплан, а еще через два месяца потребовать в Госплане отчет о его работе и показать Ленину. И чтобы закончить эту историю, добавим, что в том же 1922 году Названов переводится в систему Внешторга, где и работает на самых ответственных должностях в стране и за рубежом до самой своей смерти в 1932 году².

Ленин великолепно понимал, что результаты любой политики в решающей мере зависят от того, чьими руками она проводится в жизнь.

При той острейшей нехватке кадров, которых требовал и гигантский фронт, опоясывавший всю

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 254-255.

² См. там же, с. 431, 487.

страну, и неустроенный голодный тыл, при массовом саботаже интеллигенции¹, партия стремилась выкроить для «чрезвычайек» лучшие свои силы. И во главе ВЧК она поставила Ф. Э. Дзержинского - человека тончайшей души и кристальной чистоты, с удивительным, как выразился Ленин, «чутьем на правду», ясным пониманием того, что называется **революционной этикой**. Что это такое? Вероятно, лучше всего на этот вопрос ответит один документ.

В напряженный момент гражданской войны, в официальной инструкции для работников ВЧК о порядке производства обысков и арестов, Дзержинский писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, - пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому - пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти»².

---

¹ Как-то в разговоре с Горьким Ленин сказал:

«Аппарат у нас - пестренький, после Октября много влезло в него чужих людей. Это - по вине благочестивой и любимой вами интеллигенции, это следствие ее подлого саботажа, да-с!» А в другом разговоре Владимир Ильич выразился еще категоричнее:

«Это -ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков» (см.: В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 319, 332).

² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917 - 1921 гг. Сборник документов. М., 1958, с. 103-104.

В этом кратком, но чрезвычайно емком по мысли документе Дзержинский ответил на главные и политические и морально-этические вопросы, вставшие в связи с вынужденной необходимостью проведения красного террора: **что делать? во имя чего делать? как именно делать?**

Но может быть, это лишь «узковедомственный» документ, не столь уж «обязательный», практическое и воспитательное значение которого во многом умаляется хотя бы тем, что он не становится достоянием широкой гласности?

Откроем газету «Известия» за 26 октября 1918 года. В ней публикуется постановление органа высшей государственной власти Республики Советов - Президиума ВЦИК от 25 октября «По поводу статьи «Почему вы миндальничаете?», помещенной в „Еженедельнике Чрезвычайных Комиссий“».

Предыстория этого постановления такова.

Редакция указанного еженедельника получила из Вятской губернии письмо, озаглавленное «Почему вы миндальничаете?», которое подписали четыре человека: военком Нолинского уезда, председатель и секретарь уездного штаба по борьбе с контрреволюцией, а также **член партии** - председатель укома РКП(б).

В связи с арестом Локкарта и высылкой его за границу авторы письма высказывались за то, чтобы по отношению к таким руководителям и вдохновителям контрреволюционного подполья, организаторам кровавых мятежей и диверсий, при допросах применялись любые, даже самые крайние и жестокие «меры воздействия, вплоть до пыток», ибо за каждым сокрытым ими фактом стоят жизни и судьбы многих и многих людей.

Редакция «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий», сопроводив это письмо общим заявлением о том, что «пролетариат слишком силен и не нуждается в жестокости и мстительности по

отношению к своим классовым врагам», сочла все-таки возможным поместить его в № 3.

25 октября на заседании ЦК РКП(б), в котором участвовал Ленин, а затем на президиуме ВЦИК под председательством Свердлова был обсужден вопрос об этой статье «уездных робеспьеров» и о позиции редакции еженедельника. В принятом постановлении говорилось:

«Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, обсудив статью «Нельзя миндальничать», помещенную в № 3 «Еженедельника Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», признал, что высказанные в ней мысли о борьбе с контрреволюцией находятся в грубом противоречии с политикой и задачами Советской власти. Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, Советская власть отвергает в основе, как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета самым резким образом осуждает как авторов статьи, так и редакторов «Еженедельника Всероссийской Чрезвычайной Комиссии...»¹.

Добавим, что за публикацию указанной статьи «Еженедельник ВЧК» тогда же был закрыт, а президиум ВЦИК по предложению ЦК РКП(б) 25 октября 1918 года создал специальную авторитетную комиссию для «политической ревизии» и тщательного ознакомления со всей деятельностью

---

¹ Декреты Советской власти, т. III. М., 1964, с. 451;
В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). М., 1975, с. 111-113.

ВЧК. В эти же дни ЦК РКП(б) и ВЦИК рассмотрели и утвердили «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», определявшее функции, пределы компетенции «чрезвычайек», их взаимоотношения с другими советскими учреждениями, четко и обстоятельно отвечавшее на те же главные вопросы: **что делать? как именно делать? во имя чего делать?**¹

Но даже при самом ясном осознании революционного долга это была тяжкая, выматывающая душу и сердце работа. «Младенец, принесенный в жертву для счастья всего человечества, - это мелодрама, продукт больной фантазии Ивана Карамазова, хотя младенцы гибли всегда, гибнут и сегодня в самых справедливых войнах, введущихся, как известно, для защиты женщин и детей. Но уничтожить человека даже виновного, самого большого насильника - не так просто, хотя бы сам Алеша Карамазов подписал приговор: Расстрелять!»².

«Старый знакомый мой, П. А. Скороходов, тоже сормович, человек мягкой души, - рассказывает Горький, - жаловался на тяжесть работы в Чеке. Я сказал ему:

- И мне кажется, что это не ваше дело, не по характеру вам.

Он грустно согласился:

- Совсем не по характеру. Но, подумав, сказал:

- Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и - стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держать душу за крылья» - насиловать органический

---

¹ См.: В. И. Ленин и ВЧК, с. 111-113.

² Лифшиц М. А. Карл Маркс, искусство и общественный идеал, с. 466.

«социальный идеализм» свой ради торжества дела, которому они служат.

Приходилось ли самому Ленину „держать душу за крылья“?»

Горький вспоминает, как однажды, после прекрасного исполнения музыки Бетховена, сказав о том, что он готов «слушать ее каждый день», Ленин «прибавил невесело:

- Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя - руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, - должность адски трудная!».

«Он слишком мало обращал внимания на себя для того, чтобы говорить о себе с другими... Но однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

- Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя в даль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

- А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!»¹.

Уже упоминавшийся нами «железный комиссар», бывший в 1919 году председателем Комиссии по борьбе с дезертирством, С. С. Данилов в сентябре 1921 года писал Владимиру Ильичу:

«В обстановке жестокой гражданской войны, голода, нужды, тяжелых лишений мало было места

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 326, 328.

альтруизму, любви даже внутри класса, среди трудящихся.

Сейчас мы получили передышку. С военного фронта центр тяжести переносится на борьбу с разрухой, с голодом, на работу по упорядочению и облегчению обыденной жизни.

Нельзя ли в этой мирной работе сделать одним из движущих рычагов альтруизм, чувство сострадания и любви к старому и малому, к слабому и больному, к беспомощному, голодному.

Я далек от мысли, что нам пора перековать штыки на косы и серпы, но думаю, что пора уже призывать к любви, состраданию, взаимной помощи внутри класса, внутри лагеря трудящихся».

Ленин ответил совершенно категорически: «И «внутри класса» и к трудящимся иных классов развивать чувство «взаимной помощи» и т. д. безусловно не о б х о д и м о»¹.

В этом «и т. д.» сказалось обычное для него стремление избежать столь значительных и в то же время столь захватанных самыми разными руками слов, как «любовь к людям», «сострадание»...

Уже после смерти Владимира Ильича Горький писал: «Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь - узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это - всем известно».

И далее, размышляя о Ленине, Горький пишет:

«В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 187.

который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм... У нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем,- в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу том, как он всю жизнь радовался. <...>

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримо идти неугасимой вражды к несчастиям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а - мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку- Человеку - с большой буквы».

И Горький подводит итог своим размышлениям: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. Уже только эта одна, в корне искажающая

человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение». Вот почему в словах и делах Ленина - этого «великого политика гораздо больше живого, реального смысла, чем во всех воплях мещанского, бессильного и, в сущности, лицемерного гуманизма»¹.

Ограниченность и опасность такого «гуманизма» состоит отнюдь не в том, что он якобы защищает «общечеловеческие моральные нормы» и признает их значимость. В проклятом мире эксплуатации человека человеком, жесточайшей борьбы всех против всех, а в конечном счете и уничтожения человека человеком, где, не умея ненавидеть весь этот строй жизни и тех, кто его создал и пестует, невозможно искренне любить людей, - в этом мире мещанский «гуманизм», закрывающий глаза на реальную жизнь и классовую борьбу со всеми ее противоречиями, есть лицемерие, в лучшем случае - наивность.

Непримиримость такого рода «моралистов» по отношению к революционному насилию, прикрываемая фразами о защите «общечеловеческих ценностей», на деле говорит лишь о том, что они вообще не имеют сколько-нибудь серьезного стремления к общественной цели. Их занимает главным образом духовная красота собственной личности, свое моральное алиби, поиски нравственного комфорта, гармонии и «царства божия» (лишь!) внутри нас.

«Какое дело миру до того, - пишет М. А. Лифшиц, - что ты останешься чистым в своем углу? Мораль, основанная на спасении души, в прямом или переносном смысле слова, всегда отравлена эгоизмом, и людям, занятым устройством своего

---

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 310, 311-312, 321.

внутреннего комфорта, нельзя гордиться даже перед злодеями.

Историей созданы громадные общественные силы - силы экономической и политической организации, формирующие жизнь личности со всех сторон. Любая из этих сил может вырваться из-под контроля общества и стать источником бедствия. Но только в самом зле может быть и лекарство от него. «Новые люди», способные совершить великий перелом, предсказанный Карлом Марксом, должны овладеть этими силами, пользуясь ими для возрождения человечества, если они не хотят превратиться в секту проповедников царства божия внутри нас.

Опыт веков говорит, что такая проповедь никогда не приводила ни к чему реальному, кроме укрепления рабства и возвышения особой касты, берущей на себя роль общественной совести.

Стало быть, этот путь не годится.

...Стоять же воплощенной укоризной над своей эпохой, придумывать для нее устрашающие названия, вроде «эпохи дезагрегации», «эпохи отчуждения», «эпохи страха», это вообще не выход для серьезной мысли, это нравственная поза, не более.

...Правда выше жалости, сказал один русский писатель. Читая произведения и письма Ленина времен гражданской войны, мы видим, какие страшные меры пришлось принять и одобрить этому человеку, известному своей самоотверженностью и гуманным отношением к людям. Мы не краснеем за эти меры. Человечество не краснеет за взятие Бастилии, за бомбы народовольцев, за выстрелы в спину гитлеровским насильникам. Без героического насилия революционных эпох не могло быть ничего хорошего на земле - ни человеческого достоинства, растущего

в массах, ни поэзии Гёте и Пушкина, ни музыки Бетховена...»¹.

Выше мы приводили слова Эйнштейна о Владимире Ильиче: «Я уважаю в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости». Далее Эйнштейн высказывал свои сомнения относительно «целесообразности его метода» - на этом мы и оборвали цитату. Вот ее продолжение: «...но одно несомненно: люди, подобные ему, являются хранителями и обновителями совести человечества»².

---

¹ Лифшиц М. А. Карл Маркс, искусство и общественный идеал, с. 461, 463, 465-466.

² Гернек Ф. Альберт Эйнштейн, с. 130, 131.

**« ...УМ ДЕСЯТКОВ
МИЛЛИОНОВ
ТВОРЦОВ... »**

Нелепо искать объяснения тех или иных неприемлемых для нас политических идей и взглядов в глупости или порочности противника. Эти взгляды имеют не только свою классовую основу, но и свою логику. Идеология контрреволюции, при всем ее многообразии, имела вполне определенную отправную точку: страх перед народом.

Еще в XVII веке английский философ Томас Гоббс с мрачной, человеконенавистнической иронией писал, что народ более всего походит на грязных и корыстолюбивых «йеху» Джонатана Свифта, а посему власть одного подлеца на троне есть наилучший выход из всех возможных. Спустя столетия уже упоминавшийся Шульгин, для которого народ являл собой лишь «живое и вязкое человеческое повидло», так же (но без всякой иронии) усматривал единственный разумный выход в пулеметах и твердой монаршей власти.

Российские либералы, люди весьма начитанные, выражали свои мысли изящнее. Конечно, говорили они, неограниченная монархия это дико и несовременно. Конечно, народ, в его бедственном положении, заслуживает сочувствия и помощи. Но сам по себе он представляет воплощение «животной апатии», пассивности, нередко переходящей в необузданный, анархический бунт толпы. А толпа есть толпа: во времена Савонаролы она уничтожала во Флоренции

картины и статуи великих мастеров, а в годы французской революции казнила великого ученого Лавуазье...

В. М. Соболевский - редактор «Русских ведомостей», указывая на необходимость трезвого подхода к различным «революционным увлечениям», писал: «Что может дать общество, до мозга костей еще пропитанное в главной массе традициями и навыками крепостного права? Какую поддержку новому строю можно ждать от миллионов полурабов, нищих, голодных, пьяных, невежественных?» Нет уж, увольте! В такой стране революция, не дай бог случись она, может означать лишь дикий разгул черни. Остается лишь уповать на благодеяния «сверху», ждать медленных и постепенных реформ, подталкивая к ним по мере сил власть имущих...

Читая эту «премудрость вяленой воблы», как выражался Щедрин, невольно вспоминаешь великого сатирика, который в ответ на жалобы о «подлости эпохи» справедливо заметил: кабы вы сами не были такими подлецами, то и эпоха была бы не та.

Испокон веков существовала и другая традиция передовой общественной мысли, которая усматривала в народе и самую широкую опору демократии и самую могучую силу исторического прогресса.

Отвечая Соболевскому, Ленин писал: «Бывает скептицизм и скептицизм. По отношению к общественному деятелю надо спрашивать: насчет какого класса был он скептиком? Соболевский (как и его «Русские Ведомости») был скептик и даже пессимист», когда речь шла о народных массах. «Он был оптимист насчет помещиков: он их изображал способными на „реформы“...». Такого рода либерализм - не полурабский, а совсем рабий - есть признак «гнилости «просвещенного», состоятельного, сытого либерального

общества, которое учило просыпающиеся «миллионы полурабов» рабской морали и рабской политике»¹.

Пролетарская партия учила народ политике, которой свойствен пессимизм иного рода, а именно - «пессимизм насчет помещиков и буржуазии». И такой пессимизм, указывал Ленин, неразрывно связан с признанием гигантских творческих возможностей самого народа, т. е. «с оптимизмом насчет пролетариата в первую голову, а затем и трудящихся мелкобуржуазных масс...»².

В этом оптимизме не было ни грана пустой абстракции или надчеловеческого мистицизма, благих пожеланий или пошлой идеализации самого народа. Оптимизм Ленина основывался на опыте и уроках всей предшествующей человеческой истории... И на собственном жизненном и политическом опыте.

Биография Ленина сложилась таким образом, что около пятнадцати лет он провел в эмиграции, за сотни и тысячи километров от России. Вскоре после начала своей политической деятельности, в феврале 1897 года, Ленин проехал через всю Россию в далекую сибирскую ссылку. В феврале 1900 года он вернулся обратно. И эта дорога и сама Сибирь остались в его памяти на всю жизнь. Но ему так и не удалось побывать ни в Средней Азии, ни на Дальнем Востоке, ни на Кавказе, ни на Украине...

Горький пишет о том, как в 1908 году на Капри, слушая по вечерам рассказы о России, Владимир Ильич «завистливо вздыхал:

- А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и - почти все!»³. В сентябре

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 194.

² Там же, с. 324, 325.

³ В. И. Ленин и А. М. Горький, с. 317.

1920 года, отвечая на вопрос - «Какие местности России хорошо знаете?» - Ленин написал в анкете перерегистрации московских коммунистов: «Жил только на Волге и в столицах»¹.

Но удивительное дело, каждый раз, когда люди приезжали к Ленину из самых глухих и удаленных мест страны, они поражались тому, насколько Ленин точно знает положение на местах, настроения, те запросы, надежды и чаяния, которые волнуют рабочих и крестьян. Откуда бралось это удивительное знание жизни, эта «всегда органическая какая-то, - как выразилась Крупская, - связь с жизнью», это ощущение человека, держащего руку на пульсе страны?

Ленин великолепно знал страну как ученый. Те же земские статистические обследования или материалы «Общества фабрикантов и заводчиков», сотни которых были использованы в его фундаментальных трудах, давали не только основу для теоретико-экономических и философских выводов. Они давали точную картину реальной жизни в масштабах губерний или уездов и в рамках отдельного завода или крестьянского двора.

Картину реальной жизни давало и скрупулезное изучение газет, писем, самых разнообразных документов и материалов с мест, которые всегда привлекали особое внимание Ильича и во времена «Искры», и во времена «Звезды» и «Правды», и особенно после Октября. 26 января 1922 года он пишет редактору крестьянской газеты «Беднота»: «Не напишете ли мне кратко (2-3 странички maximum),

сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 466.

Злобы дня?»¹.

Но главным было, конечно, постоянное и повседневное общение с людьми.

«Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и почти все!» - сказал Горькому Владимир Ильич. Но за этим «почти» стоят еще десятки больших и малых российских городов, деревень и сотни - нет, тысячи - встреч, бесед, разговоров с самыми разными людьми... А он умел слушать и умел видеть.

В 1918 году на Первом съезде комсомола Ленин спросил у делегатов: «А что, товарищи, кушать хотите?» Те хором ответили: «Сыты по горло». Владимир Ильич рассмеялся: «Я, товарищи, старше вас. К тому же я давний подпольщик, что снабдило меня некоторой долей наблюдательности. Если бы вы были так сыты, как вы уверяете, думаю, что сидящая среди вас товарищ девушка не вынимала бы тайком из кармана кусочек сухаря и не грызла бы его, думая, что я этого не вижу. А я вижу!»².

Он видел и замечал все... И симбирских мужиков, которые, помогая своим тощим сивкам и буркам, натужно толкали возы на крутой волжский берег... И бурлаков, тянувших тяжело груженные баржи... И страшные картины голода в Поволжье в 1891 году...

В 1889 -1893 годах каждое лето Владимир Ильич проводил на хуторе недалеко от деревни Алакаевка Самарской губернии. Он внимательно присматривался к деревенскому быту, подолгу беседовал с крестьянами... Анна Ильинична потом вспоминала: «Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 143-144.

² Великий друг молодежи. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1969, с. 232.

летних сезонов подряд, по три-четыре месяца в год, а также и в деревне Бестужевка, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но, знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам»¹.

И потом, в ссылке, опять долгие беседы с сибирскими крестьянами, порой, казалось бы, о совершеннейших пустяках... «В Шуше, например, - пишет Крупская, - крестьянин 2 часа рассказывал ему, как он поссорился со своими за то, что те не угостили его на свадьбе. Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью»². Эти наблюдения, рассказы, даже отдельные случаи Ленин часто приводил в своих работах, выступлениях. И не случайно, уже после Октября, говоря о думах и нуждах крестьян, он начинал порой с фразы: «Кто бывал в деревне, тот знает...»³.

Точно так же, всегда и везде, где приходилось бывать Владимиру Ильичу, он очень внимательно слушал рассказы рабочих об их тяжелой жизни, труде, настроениях... В 1895 году Ленин подолгу беседовал с питерскими рабочими, занимавшимися у него в кружке. Особенно часто расспрашивал он Александра Ильина - слесаря судостроительного завода «Новое Адмиралтейство». Потом, в «Что делать?», Владимир Ильич писал:

«Как сейчас помню свой «первый опыт»... Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом,

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 36.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 485.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 10.

все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: „мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!“»¹.

И рассказанное Ильиным и его товарищами по кружку, со всеми мельчайшими деталями и подробностями, вошло в ленинскую брошюру «Объяснение закона о штрафах...», придав ей такую достоверность, что рабочие, читавшие ее, были уверены: это уж, конечно, писали «наши»...

После Октября Ленин любил иногда погулять с Крупской по городу или на окраинах. «В то время Ильича, - пишет Надежда Константиновна, - в лицо мало кто знал; когда он ходил по улицам, на него никто не обращал внимания»². Случайные встречи, разговоры, реплики тоже давали иногда Ильичу повод для серьезных наблюдений и размышлений.

В январе 1922 года Ленину довелось проехать на дрезине по подмосковной железной дороге. Попутчики не узнали его. После поездки, 16 января, Ленин писал в ВЧК и НКПС:

«К счастью, я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откровенные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшие.

Первый раз я ехал по железным дорогам не в качестве «сановника», поднимающего на ноги все и вся десятками специальных телеграмм, а в качестве неизвестного, едущего при ВЧК, и впечатление мое - безнадежно угнетающее»³.

О другом случае рассказывает Крупская: «Помню, как однажды мы подъехали к какому-то

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 152.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 397.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 115.

мосту весьма сомнительной прочности. Владимир Ильич спросил стоявшего около моста крестьянина, можно ли проехать по мосту на автомобиле. Крестьянин покачал головой и с усмешечкой сказал: «Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский». Ильич потом, смеясь, не раз повторял это выражение крестьянина¹. И не только повторял, но и писал в статьях и письмах. Потому что для него это было серьезно. Потому что мечтал он и в те годы разрухи о времени, когда «советское» станет синонимом «лучшего».

Сотни людей встречались и беседовали с Лениным. Многие из тех, кто приходил к нему в кабинет, шли к нему как «на прием» - получить те или иные ответы и указания, решить спорный вопрос, а то и просто посмотреть и послушать своего вождя и учителя. И они получали эти указания, находили ответы. Но очень и очень часто происходило и нечто другое...

В процессе беседы Ленин умел создавать товарищескую, деловую и в то же время непринужденную обстановку, которая помогала тем, кто приходил к нему, выкладывать самое наблевшее, самое сокровенное.

«Какой бы решимости, - пишет американская журналистка Луиза Брайант, - забросать его вопросами ни бываешь преисполнен, всегда уходишь от него, поражаясь тому, что сам ты только что без конца говорил и, вместо того чтобы спрашивать, сам непрерывно отвечал на его вопросы. У Ленина необыкновенная способность вызывать собеседника на разговор и располагать его к откровенности»².

О том же пишет и Клара Цеткин: «Ленин внимательно слушал, слегка наклонившись вперед, без признаков скуки, нетерпения или усталости,

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 400.

² Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 400.

следя с напряженным интересом даже за второстепенными подробностями. Я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он...»¹.

С иностранцами помогало, безусловно, и знание языков. С немцами он говорил по-немецки. С французами - по-французски. Итальянцев приветствовал по-итальянски. «Он совершенно свободно говорил по-английски,- пишет Сен Катаяма, - и был очень внимателен к каждому, кто с ним говорил, а также очень, очень хорошо умел слушать... Мы все чувствовали себя хорошо и совершенно как дома»².

Это не было обычной данью вежливости. Собеседник всегда представлял для него интерес и как личность. Это был искренний человеческий интерес к человеку. И те, кто разговаривал с Лениным, всегда чувствовали это. Финская писательница Хелла Вуолийокки писала: «Со стороны нам казалось, что человек, с которым беседовал Ленин, самый нужный ему на свете. Как будто именно его он искал всю жизнь и, наконец, нашел»³.

Но, может быть, все это проявлялось лишь в разговорах с людьми «исключительными», «интересными», «значительными»?

В 1918 году Альберт Рис Вильямс пришел на прием к Ленину. «Своей очереди пришлось ждать очень долго, - вспоминал он. - Это было необычайное явление. Ленин принимал очень точно - всегда в назначенное время. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное дело всецело заняло его внимание. Полчаса, час, полтора... мы сидим в приемной, нетерпеливо ожидая... Наконец дверь открылась, и, к всеобщему удивлению и вопреки всем предположениям,

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 40.

² Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 428.

³ «Юность», 1969, № 10, с. 78.

в приемной появился не дипломат, не какое-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в полушубке и лаптях - типичный крестьянский бедняк, каких можно было встретить миллионы в Советской стране»¹.

Вот рассказ работницы секретариата Совнаркома М. Н. Скрыпник.

К Ленину пришла группа крестьян. Это были люди сдержанные, привыкшие не доверять городу, осторожно относившиеся ко вся и всему. После начала беседы Скрыпник заглянула в кабинет.

«Как обычно на приеме, Ильич уютно сидел в кресле в позе отдыхающего человека, опустив руки в карманы брюк. Крестьяне, положив шапки на колени, не торопясь и солидно рассказывали Ильичу о том, что делается у них на селе. По-видимому, разговор был в разгаре. Прищурив один глаз, Ленин пытливо всматривался в лица крестьян... Наконец ходоки вышли. Они положительно были опьянены беседой, общением с «главным большевиком»...

- Поедем на село - расскажем, что видели его. Все он растолковал нам, как есть, справедливо.

Один из ходоков сказал:

- А умный у нас теперь управитель! И в крестьянстве толк понимает»².

О том, как мог слушать Владимир Ильич, какая атмосфера абсолютного доверия, взаимопонимания и откровенности создавалась во время бесед с ним, можно судить по одному удивительному случаю... 2 ноября 1923 года, когда Ленин был тяжело болен и уже не мог говорить, к нему в Горки пришла группа рабочих

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х т. Т. 3. М., 1960, с. 150.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 79-80.

Глуховского хлопчатобумажного комбината. Они подробно рассказали ему о своей жизни и делах. Владимир Ильич очень внимательно и серьезно слушал их, иногда улыбался или кивал головой... Рабочие написали потом воспоминания об этой встрече и о том, что говорил им Ленин, как он «забросал нас вопросами о комбинате, о жизни рабочих»¹. Прочитав эти воспоминания, Надежда Константиновна грустно заметила: «Они пишут, что Ильич говорил с ними. В действительности он только слушал»².

Что же давали самому Ленину эти беседы, встречи, разговоры? Они давали главное - знание и понимание огромного опыта народной жизни. «Конечно, - пишет Альберт Рис Вильямс, продолжая рассказ о крестьянине, которого он встретил в приемной Владимира Ильича, - Ленин, с его университетским образованием, с его тридцатью томами собственных сочинений, много путешествовавший, теоретически знал бесконечно больше, чем мог знать этот тамбовский мужик. С другой же стороны, из суровой школы жизни и труда этот крестьянин вынес много практических знаний - знаний, почерпнутых из жизненного опыта»³.

Но так ли уж важен этот опыт, когда речь идет о ломке старой жизни и строительстве нового мира? Разве научный анализ развития общества недостаточен для того, чтобы, определив историческую перспективу, смело и без оглядки на весь этот прошлый «житейский опыт», вести за собой массы к их же собственному благу?

Ленин, как и его великие предшественники Маркс и Энгельс, категорически отвергал такого

---

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958, с. 335.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 483.

³ Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х т. Т. 3, с. 150.

рода отношение к народу. Разрабатывая свою политику в целом и каждый ее практический шаг, указывал Владимир Ильич, марксисты обязаны учитывать уровень сознания масс, их политический и нравственный опыт и «еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества...»¹.

Любая, даже самая прогрессивная идея, пропагандируемая в массах, должна иметь опору в уже пережитом и накопленном этой массой опыте, соответствовать ее представлениям о благе и желаемом «идеале». Люди, говорил Ленин, учатся прежде всего из своего жизненного опыта, и доказать им свою правоту «просто так», полагаясь лишь на красоту или убедительность слов, нельзя. Нельзя «притягивать их к тому, до чего они своим опытом еще не дошли»². «...Никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни»³.

Но нет ли в таком подходе известной переоценки или идеализации сознания масс? И по сей день немало «реальных политиков» полагает, что если действовать умело, то народ можно убедить в чем угодно. И разве современная история не дала примеров того, как людей убеждали в самых вздорных и реакционных идеях? Разве фашистская пропаганда, умевшая, как выразился однажды Муссолини, «играть на всех струнах лиры», не отравила такого рода идеями сознания миллионов и в Италии и особенно в гитлеровской Германии?

Ну, а разве не пришлось этим народам заплатить за свои заблуждения самой дорогой ценой?

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 134-135.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 182, 262.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 178.

И разве не вошел этот печальный опыт в исторический опыт этих народов и «еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества»? Историческая необходимость может прокладывать себе дорогу и таким путем...

Задачу коммунистов Ленин видел в том, чтобы максимально способствовать развитию и подъему сознания широких народных масс. И всей своей теоретической и практической деятельностью он последовательно и настойчиво решал эту самую главную задачу.

После Октября вопрос о методах работы в массах, о средствах и способах их убеждения и организации приобрел самое острое политическое значение в связи с определением принципов взаимоотношений революционного пролетарского авангарда с многомиллионным крестьянством России.

В то время и среди коммунистов находилось немало охотников «учить» крестьян «новой жизни», не останавливаясь даже перед применением насилия для того, чтобы заставить их (естественно, «для их же собственного блага») перейти к более передовым социалистическим формам ведения хозяйства. Ленин решительно выступил против таких попыток.

Средний крестьянин, разъяснял Владимир Ильич, «твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо»¹.

Что же касается применения в таких случаях насилия над массой, то «тут та область, - говорил Ленин на VIII съезде партии, - где революционное насилие, диктатура употребляется для того,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 236-237.

чтобы злоупотреблять, и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь»¹.

Насилие над сознанием масс - вещь весьма коварная. Разрушая старое представление о добре и идеале, т. е. разрушая нравственное сознание народа, насилие отнюдь не создает новых идеалов. Если идея, пусть даже самая передовая, не выражает и не подтверждается уже пережитым жизненным опытом, она не только не воспринимается массой, наоборот, она может стать и становится пугалом и тем самым не ускоряет, а лишь замедляет развитие народного сознания.

В свое время Добролюбов писал, что, привыкая делать все без рассуждения, без убеждения в истине и добре, а только по приказу, человек становится безразличным к добру и злу и без зазрения совести совершает поступки, противные нравственному чувству. В таком случае массы могут выступить и как сила, отрицающая и разрушающая высокие идеи, если их представление о добре и справедливости с этими идеями не совпадает.

Вот почему, говоря о длительном процессе коммунистического воспитания широких трудящихся масс, воспитания не на книжках и брошюрках, а на живом жизненном опыте и силе примера, Ленин на том же VIII съезде РКП(б) решительно заявил, что употребление в таком деле насилия может принести лишь «величайший вред» и будет «таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы... Действовать здесь насилием, значит погубить все дело»². Поэтому, применительно к среднему крестьянину, задача сводится «к тому, чтобы учиться у крестьян способам

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 148-149.

² Там же, с. 200.

перехода к лучшему строю и не смей командовать!»¹.

Все эти вопросы были бы гораздо проще, если бы можно было всегда и во всех случаях исходить из полной гармонии требований масс и тех действительно целесообразных решений, которые диктуются научным анализом данной проблемы. Между тем история не раз создавала ситуации, когда народные массы в силу, например, недостаточной сознательности или других причин выдвигали требования, расходившиеся с научно обоснованной марксистской программой.

Такие случаи бывают порой совершенно парадоксальны. В 1905 году, например, в результате долгой борьбы норвежцам удалось добиться отделения от Швеции и провозгласить самостоятельное государство. Однако вслед за этим подавляющее большинство населения высказалось за установление в Норвегии не республики, а монархии. Как должна была отнестись к этому социалистическая партия и норвежский рабочий класс? Ленин ответил совершенно определенно:

если в стране нет объективной революционной ситуации, если агитация социалистов не дала результатов и большинство нации стоит за монархию, пролетариату остается одно - «подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации»².

Требование «уравнительного землепользования», содержавшееся в крестьянских наказах и вошедшее в октябре 1917 года в знаменитый Декрет о земле, тоже отражало известные предрассудки российского крестьянства. Открыто критикуя это требование, Ленин вместе с тем говорил: «...как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 201.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 292.

низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда»¹.

В ноябре 1918 года, говоря об аналогичном законе «о социализации земли», принятом по настоянию крестьян, Владимир Ильич вновь заявил:

«Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства. Воля большинства для нас всегда обязательна, и идти против этой воли значит совершать измену революции.

Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного разделения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят... Мы знали, что крестьяне только тогда поверят в пользу той или иной меры, когда они собственным умом дойдут до понимания, до сознания этой пользы»².

И надо уметь терпеливо ждать, когда этот житейский опыт и разъяснительная, воспитательная работа партии дадут свои глубинные результаты. «А до тех пор, - говорил Владимир Ильич, - мы - учащиеся у крестьян, а не учителя их»³. Поэтому на сложнейший, казалось бы, вопрос - «как крестьянина удовлетворить?» - Ленин отвечал очень просто: «Конечно, из тех же самых требований крестьянства»⁴.

Именно так и решал Владимир Ильич вопрос о дальнейших перспективах развития деревни.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 179, 180.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 201.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 61.

На первый взгляд путей и форм перехода от мелкого единоличного хозяйства к крупному социалистическому производству можно было бы «придумать» великое множество. Но Ленин берет кооперацию, т. е. ту форму, которая уже входила в жизнь и приобретала все большее признание и популярность в крестьянской среде.

В январе 1923 года, в своей знаменитой работе «О кооперации», Владимир Ильич пишет, что эта форма (если и ее не испоганить насилием) дает великолепное соединение «частного интереса» крестьянина с общими интересами всего народа и государства для «построения полного социалистического общества...». Причем, что особенно важно, именно кооперация делает переход «к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина». И Ленин заключает: «А ведь в этом, опять-таки, главное»¹.

Уметь убеждать массы на их же собственном опыте - этим искусством Владимир Ильич владел в совершенстве. Десятки тысяч людей слушали Ленина на съездах, конгрессах, митингах и собраниях. Слушая эти выступления, даже опытные политические деятели, видевшие на своем веку немало блестящих ораторов, сталкивались с тем, что поражало и восхищало их. «Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок... Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки... Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой...» - это запись Джона Рида. Он же подводит итог своим наблюдениям: «Ничего, что напоминало бы кумира толпы». Но тут же отмечает: «Тысячи простых

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

лиц напряженно смотрели на него... Простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории»¹.

История знала немало политических деятелей, чьи выступления, полные артистизма, остроумия и блеска эрудиции, вызывали всеобщее восхищение. История знала и ораторов, чья страсть, чей темперамент и эмоциональность заражали аудиторию, заставляли бурно «сопереживать» речь. Ленин принадлежал к другому типу ораторов...

Казалось бы, он все делал «не так»...

Известно, что, выступая перед массовой аудиторией, оратор должен все время находиться на одном месте - иначе внимание слушателей рассеивается (для этого древние и придумали трибуну)... Ленин, выходя к аудитории, если позволяло место, почти сразу же начинал двигаться вдоль авансены, как бы «вышагивая» свою речь...

Известно, что оратор должен быть очень внимателен к своей жестикуляции, ибо любой неловкий жест может вызвать смех аудитории... «Излюбленные жесты и привычные движения, - пишет о Ленине Крупская, - движения правой рукой во время речи вперед и вправо...

Таких жестов, как битье кулаком по столу или угрожение пальцем, никогда не было. Манерности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было»². И все-таки некоторые жесты Владимира Ильича - пальцы, засунутые за проймы жилета, или руки в карманах пиджака или брюк - вряд ли кто-либо причислит к разряду «классических»...

Известно, что, выступая перед массовой аудиторией,

---

¹ Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 386-387.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 480.

оратор должен стараться говорить достаточно медленно и короткими фразами - так слушатели легче схватывают мысль... «Говорил быстро, - пишет о Ленине Крупская. - Стенографисты плохо записывали... Конструкция фраз у него трудная. В сборнике «Леф» есть статья, в которой авторы, разбирая структуру речи Ильича, приходят к выводу, что конструкция речи (фраз) латинская... Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни «естественной искусственности», «певучая» типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской - русская речь посередине между этими крайностями. И она была у Ильича такая - посередине - типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна. Модулирования не были штампованно однообразны и стереотипны... Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений. Правда, он всегда очень тщательно готовился к выступлениям, но, готовясь, он готовил не фразы, а план речи, обдумывал содержание, мысли обдумывал»¹. Что же касается длины фраз, то в стенограммах его речей можно найти предложения по сто и более слов...

В чем же дело?

Выступая перед массовой аудиторией, Ленин не ставил перед собой задачу поразить слушателей блеском своей эрудиции или остроумия (хотя в стенограммах его выступлений постоянно встречается ремарка - «общий смех в зале»). Он не старался вызвать у слушателей и бурный, чисто эмоциональный взрыв.

Революционное просвещение и убеждение масс - вот цель, которую он ставил перед собой,

---

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 480-481.

выходя к аудитории. К каждой мысли, к каждому выводу он подводил аудиторию силой своих аргументов. Он как бы думал вслух и заставлял слушателей думать вместе с ним. И каждая его мысль становилась собственной мыслью его слушателей.

«Ленин не хочет ослепить, увлечь, - пишет Клара Цеткин, - он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, красивых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой „вскрывает то, что есть“»¹.

«Он анализировал, делал выводы и постоянно ссылался на хладнокровное взвешивание всех обстоятельств, а еще больше на здравый человеческий смысл», - это пишет чешский коммунист Бедржих Рунге, слушавший Ленина на IV конгрессе Коминтерна. «Ленин часто улыбался, и его лицо с могучим лбом было постоянно озарено иронической улыбкой и умным взглядом, которым он окидывал собрание, выискивал лица и с ними разговаривал»².

А вот впечатления одного из организаторов компартии Японии Сэн Катаямы: «Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово. Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-либо жестам, но он обладал чрезвычайным обаянием... Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 31-32.

² Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 439-440.

бы двигался или кашлял в продолжение этих трех часов. Он увлек всю аудиторию»¹.

Эти оценки опытных политических деятелей можно дополнить и другими свидетельствами. Поэт Николай Полетаев рассказывает: «Он не старался говорить красиво. Он говорил так, как течет река. Она ведь мало беспокоится о том, красив ли блеск ее волн на солнце, мелодичен ли ее шум. Ей нужно течь. Ему нужно говорить, говорить о самых, по его мнению, обыкновенных вещах: о европейской, о мировой революции. Только одно различие с рекой: река не спешит, в ее беге нет нетерпения, а он весь нетерпение, огонь, пожар»².

Поэту Александру Богданову запомнилась «напруженная стремительность фигуры Ильича во время некоторых речей, словно он собирал каждый свой мускул для удара»³. Не напряженность, а именно «напруженность» - от боевой пружины... Илья Эренбург считает, что речь Ленина походила на спираль: «...он возвращался к

---

¹ Письма В. И. Ленину из-за рубежа, с. 425.

Относительно отсутствия «признаков усталости», о котором говорит Сэн Катаяма, стоит внести уточнение:

«Перед всяким выступлением, - пишет Крупская о Ленине, - очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает» (Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 485). А вот наблюдения Семашко: «Писать ему было гораздо легче, чем выступать. Весь взмокший, отирая платком пот с своего высокого лба и с затылка, сходил он обыкновенно с трибуны: для меня, как для врача, этот его обильный пот даже в холодном помещении и после небольшой сравнительно речи ясно свидетельствовал, какую громадную энергию затрачивал он при своих выступлениях» (Семашко Н. А. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 12).

² Ленин всегда с нами, с. 283.

³ Там же, с. 66.

уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. (Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить забывали, что спираль похожа на круг и не похожа - спираль идет дальше.)»¹.

Сохранились и воспоминания рабочих, слушавших Владимира Ильича, написанные по свежим следам событий. Вот слесарь депо Сортировочная А. Я. Волков, присутствовавший на десяти тысячном митинге в Алексеевском манеже: «Он заставил себя слушать, говорил просто, и ему верили...» Вот рабочий И. М. Корягин: «В жизнь мою въелись его слова, только я их выразить не могу». Рабочий завода «Динамо» Моисеев: «Говорил он отчетливо, и громко... и получалось от его речи в мозгах рабочих прояснение»².

«В жизнь мою въелись его слова» - такого результата можно было добиться только зная о том, что именно волнует людей сегодня, на какой именно самый важный и самый главный вопрос они ждут ответа.

Одно обстоятельство в этих выступлениях нередко удивляло его слушателей. «Ленин умел быть самокритичным. Мы были удивлены,- пишет Б. Рунге, - когда услышали из его уст слова...» И он приводит слова Ленина из его выступления на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года: «Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я»³.

Шутка Ленина вызвала в зале дружный смех. Но Рунге имел в виду не только эту шутку. В докладе, посвященном пятой годовщине революции, Ленин не только дал характеристику успехов

---

¹ Ленин всегда с нами, с. 77.

² «Юность», 1969, № 10, с. 77.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 290.

Советской власти, но вместе с тем обстоятельно проанализировал внутривластный кризис, который республика пережила в начале 1921 года.

Зачем понадобилось ему в этот торжественный день, выступая перед иностранными коммунистами, возвращаться хоть и к недалекому, но уже преодоленному прошлому?

Еще в годы первой мировой войны, конспектируя Гегеля, Ленин выписал одно, чрезвычайно понравившееся ему место: «...опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научались из истории и не действовали согласно урокам, которые из нее можно было бы извлечь»¹. Этот «всеобщий закон косности» необходимо было сломать.

Большевизм, указывал Ленин, прошел путь, которого по богатству опыта не имела никакая другая партия. Им, этим партиям, еще предстояло пройти этот путь, и опыт большевиков должен был показать путь к победе и предотвратить или, по крайней мере, предостеречь от повторения ошибок и неудач.

Те трудности, указывал Ленин, которые преодолела наша партия, не есть явление чисто русское, а то, что еще предстоит, будет стоять перед рабочими партиями других стран. Именно поэтому, отвечая на злободневные вопросы международного пролетарского движения, выступая на конгрессах Коминтерна, работая над «Детской болезнью «левизны» в коммунизме», он прежде всего анализирует этот путь, историю большевизма, русской революции, страницы ее блестящих побед и невеселые страницы поражений. В передаче такого опыта братским партиям Ленин видел интернациональный долг большевиков.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 281.

Этот интернациональный долг он видел и в ликвидации тех политических и экономических трудностей, которые переживала наша страна и с которыми партия вела повседневную открытую и напряженную борьбу.

Каждый шаг вперед, каждый успех молодой Советской республики не только глубоко анализировался и пропагандировался Владимиром Ильичем. Он всегда вызывал у него и чувство законной гордости... И первые победы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И первые коммунистические субботники, давшие миру невиданный доселе образец нового отношения к труду. И первые тонны чугуна и угля первых восстановленных домен и шахт. И первые электростанции в российских деревнях. И первые детские сады и музыкальные школы...

«На каждую сотню наших ошибок, - писал Ленин, - о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10 000 великих и геройских актов - тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир»¹.

Но, глубоко анализируя, пропагандируя каждую победу и каждый успешный шаг молодого социалистического государства, Ленин прекрасно понимал и другое... Да, главное влияние на развитие мирового революционного процесса Советская Республика оказывает своими успехами. Но не меньшее значение, и, к сожалению, отрицательное, оказывают на него наши недостатки, наши трудности. В этом смысле, говорил Ленин на IV конгрессе, голод, разразившийся в стране после победоносного

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 61.

окончания гражданской войны, был «таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу»¹.

И этот опыт, как и опыт побед, также был нужен тем, кто вступал на путь борьбы за социализм. Один из «польских коммунистов, - рассказывал Владимир Ильич, - когда я ему сказал: «Вы сделаете иначе», ответил мне: «Нет, мы сделаем то же самое, но сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание - сделать Советскую власть лучше, чем у нас»².

Но дело было не только в передаче опыта другим рабочим партиям. Речь шла о важнейшем принципе работы партии в массах и воспитании масс. В свое время Энгельс писал: «Массы должны иметь время и возможность развиваться, а эту возможность они получают лишь тогда, когда у них будет собственное движение - безразлично, в какой форме, лишь бы это было их собственное движение, в котором они будут идти впереди, учась на собственных ошибках, на собственном горьком опыте». Эту мысль он повторял неоднократно: «...массы учатся только на результатах своих собственных ошибок»³.

И Ленин считал, что мысль эта целиком применима не только к воспитанию широких народных масс, но и к воспитанию самой пролетарской партии.

Ленин не скрывал тех трудностей и ошибок, с которыми столкнулись большевики, «когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 285.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 162.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 36, с. 489. 573

должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками»¹. За два десятилетия до этого - в «Что делать?» - он писал: «...для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка». В революционном деле, указывал Ленин, сознание недостатков равносильно «больше чем половине исправления!»².

Этому он учил и партию: «Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку - вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это - воспитание и обучение класса, а затем и массы»³.

Вся буржуазная печать смаковала эти ошибки и неудачи, трубила о них на всех перекрестках. Ленин шутил по этому поводу: «Если наши противники нам ставят на вид и говорят, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но, знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши... Если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два - пять»; а если его противники... делают глупости, то у них выходит: „Дважды два - стеариновая свечка“»⁴.

Выступая на XI съезде партии, Ленин говорил: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, - гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 308.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 32, 33.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 41.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 291.

что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости»¹.

Для Ленина это был важнейший принцип взаимоотношений коммунистов с массой, принцип, обеспечивающий и абсолютное доверие народа к партии, и развитие, рост сознания самого народа. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич с гордостью заявлял: «Мы, партия большевиков, Россию убедили». И, объясняя главную причину этого успеха, он прямо указывал: народ пошел за большевиками не потому, «что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива»².

Любить «человечество» всегда легче и менее хлопотно, чем любить вполне конкретного человека. Для Ленина такие понятия, как «народ», «пролетариат», никогда не были сухими и абстрактными «историческими категориями». «Революционная масса, победоносно разрушающая старое и долженствующая создать новое, - пишет Клара Цеткин, - не была для Ленина чем-то серым и безличным, не была рыхлой глыбой, которую может лепить по своему желанию маленькая группа вожаков. Он оценивал массу как сплочение лучшего, борющегося, стремящегося ввысь человечества, состоящего из бесчисленных отдельных личностей»³.

На тех же съездах, митингах и собраниях, где тысячи людей ловили каждое слово Ленина, сам он с таким же вниманием слушал каждого выступавшего. Его многочисленные записи речей и выступлений рабочих и интеллигентов,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 118.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 172; т. 40, с. 69.

³ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 65.

крестьян и партийных работников всегда точно схватывали суть вопроса, иногда даже интонацию...

Противники Ленина, как, впрочем, и современные сторонники «элитарной» политики, рассматривающей народ лишь как послушное стадо, пытались иронизировать над большевиками и их стремлением научно обосновать требования, адекватные воле народа.

Гигантское усложнение общественных связей и управления в современных условиях использовалось ими для обоснования вывода о «некомпетентности» массы в сфере политики. Народ, считали они, может выдвигать либо сугубо «низменные» потребительские, либо разрушительные требования, и его положительный идеал не идет дальше такого неопределенного и ненаучного понятия, как «справедливость», никак не выражающего реальные общественные потребности.

Ленин указывал, что такого рода взгляды являются убогим и вреднейшим предрассудком.

Из признания народных масс движущей силой истории для марксиста вытекает и то, что не только наука, но и сами массы способны выражать потребности общественного развития.

Нравственное сознание масс улавливает даже самые скрытые признаки необходимости новой исторической перемены. «...Что неверно в формально-экономическом смысле, - писал Энгельс, - может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу

которых он стал невыносимым и несохранимым»¹.

Да, необходимость борьбы за свои реальные жизненные интересы массы формулируют как необходимость борьбы за справедливость. Но утверждать, что «справедливость - пустое слово», указывал Ленин, могут лишь «те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали заднюю» экономического материализма». Представление трудящихся масс о справедливости исходит отнюдь не из абстрактной «внеисторической справедливости», а из вполне реальных нечеловеческих условий, в которых они живут и трудятся. Для народных масс, писал Владимир Ильич, справедливость - «это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба»². И именно эти нечеловеческие условия жизни людей как раз и препятствуют дальнейшему общественному развитию.

Марксизм раскрывает объективное содержание требований трудящихся масс и устанавливает, что их стремление к реализации своих жизненных интересов, по сути дела, означает не что иное, как стремление к устранению «исторической несправедливости» капитализма.

Таким образом, марксистская партия не навязывает народу определенные нормативные представления о «счастье» или о желаемых целях, почерпнутые извне, «из науки». Она устанавливает объективную необходимость, т. е. «законность», с точки зрения научной обоснованности, устремлений самого пролетариата, самих трудящихся масс, которые и составляют большинство человечества.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 184.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 332.

В 1903 году, при обсуждении проекта программы партии на II съезде РСДРП, один из оппонентов Ленина поставил вопрос: «Является ли программа... выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований... Или же наша программа является практически агитационным лозунгом...».

Ленин ответил ему: «Я должен сказать, что не понимаю этого различия... Если бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна, и мы не могли бы принять ее». Но в том-то и дело, что «противоречие между двумя дилеммами... лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение обеспечивает прочный успех в агитации»¹.

И в 1917 году, говоря о «справедливости», которой требует народ, Ленин с гордостью констатировал, что именно большевики «своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами»².

Марксизм, указывал Владимир Ильич, как раз и отличается от прочих социалистических и псевдосоциалистических теорий «замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...»³.

Ленин глубоко верил в сознание народных масс, и прежде всего пролетариата. Он считал,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 280-281.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 332.

³ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

что в сознании передового революционного класса аккумулируется и предшествующий опыт борьбы трудящихся, и опыт развития всего человечества. Владимир Ильич не раз иронизировал над теми политическими деятелями, которые черпали свою мудрость из «учебников» и «путеводителей». «...Ум десятков миллионов творцов, - писал он, - создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»¹.

На протяжении своей политической деятельности Ленин десятки раз сталкивался с этой удивительной способностью рабочих находить точные ответы на самые сложные и запутанные вопросы...

1902 год. В марте, в Штутгарте, отдельной книгой выходит ленинское «Что делать?». После отчаянных споров в редакции «Искры», упреков и обвинений в «интеллигентщине», «оторванности» от жизни, «непонимании» рабочей психологии и т. д. и т. п. Владимир Ильич с нетерпением ждет откликов на книгу из России...

И вот в июле приходит письмо. Агент «Искры» Иван Радченко встретился с питерскими рабочими-революционерами. Состоялся долгий и обстоятельный разговор. «В этом разговоре, - писал Радченко, - мне пришлось слышать если не буквальные, то в духе цитаты из «Что делать?». Сижу и радуюсь за Ленина, вот, думаю, что он наделал. Мне ясно было, что говорящие со мной его читали...»

И вдруг в ходе беседы выясняется, что ни один из рабочих о книге Ленина даже не слышал... «Я, - продолжает Радченко, - был поражен, передо мной сидели типы Ленина. Люди, жаждущие профессии революционной. Я был счастлив за Ленина, который за тридевять земель,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 281.

забаррикадированный штыками, пушками, границами, таможнями и прочими атрибутами самодержавия, видит, кто у нас в мастерских работает, чего им нужно и что с них будет... Передо мной сидели люди, жаждущие взяться за дело не так, как берется нынешняя интеллигенция, словно сладеньким закусывает после обеда, нет, а взяться так, как берутся за зубило, молот, пилу, взяться двумя руками, не выпуская из пальцев, пока не кончат начатого, делая все для дела с глубокой верой «я сделаю это». Повторяю еще раз, что таких счастливых минут в жизни у меня не было еще»¹.

Что думал Владимир Ильич, читая эти строки?.. Его ответ Ивану Радченко был сдержан: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости»².

1908 год. Один из самых тяжелых годов реакции. Каким путем пойдет дальше страна? Сумеет ли Столыпин политикой устрашения и виселиц вытравить из сознания масс память о революции и крутыми реформами двинуть Россию по «прусскому» пути? Или пролетариат сумеет оправиться от поражения и снова даст бой царизму? Ленин, анализируя ситуацию, малейшие симптомы настроения рабочего класса, был убежден, что вторая революция не за горами...

И вот, листая тощий профессиональный журнал питерских текстильщиков «Станок», Владимир Ильич в одной из заметок наталкивается на фразу рабочего: «Погодите, придет опять 1905 год»... О чем думал Ленин, прочитав эту

---

¹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг., т. 2. М., 1969, с. 28-29.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 201.

фразу, выражавшую самые глубинные настроения народных масс, фразу, прочно вошедшую в ленинские работы тех лет?

Впрочем, не будем гадать, ибо сам Владимир Ильич подробно написал о своих размышлениях в связи с другим аналогичным случаем...

В июле 1917 года, рассказывает Ленин, «мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире, подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотрите-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба...»

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры...

«„Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Наждем еще -сбросим совсем"- так думает и чувствует рабочий»¹.

«Этот рассказ В. И. Ленина, - пишет М. С. Ольминский, - вводит нас в сокровенную лабораторию его мысли. Голова ищет «интеллигентским» путем, путем сложного теоретического анализа «простоты и ясности» в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах, которые должны проводиться «с твердой решительностью». И где другой теоретик-интеллигент легко запутается в неразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений при помощи пролетарской классово́й точки зрения; она стала второй природой «интеллигента» Ленина благодаря постоянному с его стороны пристальному вниманию к ходу пролетарской жизни...

Конечно, не фразой рабочего о хлебе был решен в данном случае вопрос о выборе лозунгов: они определились общим результатом теоретического анализа. Но эта фраза сыграла свою роль - приблизительно такую же, какую, по преданию, сыграло падение яблока с дерева в открытии Ньютоном закона всемирного тяготения. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему нахождение простого и ясного ответа на сложнейшие политические вопросы?»².

Повседневная связь с массами, встречи и беседы с рабочими, крестьянами, представителями интеллигенции, с партийными и государственными работниками были тем каналом, который связывал деятельность Ленина с жизнью и борьбой масс, помогал находить решения сложнейших

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 322-323.

² Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 224.

задач, встававших перед партией и Советским государством.

28 октября 1917 года к Ленину пришли два питерских металлиста - П. Н. Амосов и М. Н. Животов, работавшие в Центральном совете фабрично-заводских комитетов Петрограда. Шел третий день и четвертая бессонная для Ленина ночь революции. Рабочие пришли с клочком бумаги, где с помощью кружочков и треугольников изображалась схема некоего учреждения, которое, по их мнению, должно было регулировать и управлять всем народным хозяйством страны. Проект был более чем несовершенен, недостаточно продуман, но сама идея была чрезвычайно интересна. Они долго сидели над этой бумажкой...¹. Так рождался знаменитый ленинский декрет о создании Высшего Совета Народного Хозяйства.

1918 год. 10 мая к Ленину приходит со своими мыслями и соображениями питерский рабочий А. В. Иванов, 14 июня - Н. А. Емельянов, через месяц, 12 июля, - рабочий В. Н. Каюров. У них тоже есть идея... Впрочем, об этом пишет в письме «К питерским рабочим» сам Ленин.

«Тов. Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно - что кулаки ненавидят Советскую власть...

Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик... это - глупо и преступно. Это - гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу,

---

¹ См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 85-86.

на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь»¹.

Так рождался массовый поход в деревню рабочих, сыгравший важнейшую роль в борьбе за победу революции.

1920 год. 22 декабря. М. И. Калинин собрал совещание беспартийных крестьян - делегатов VIII съезда Советов. Владимир Ильич пришел на это совещание. Многие из присутствовавших не заметили его. Он устроился поудобнее и стал записывать выступления. О чем говорили крестьяне? Из Минской губернии: «Соли, железа и всего, чтобы засеять всю землю». Из Донбасса: «А люди только носят портфель, а ничего не сделали. Не можете - дайте разрешение достать...». Из Иваново-Вознесенской губернии: «При разверстке одинаково облагается и лодырь и старательный, что крайне несправедливо». Из Костромской: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет... Сельское хозяйство из-под палки вести нельзя. Давать предпочтение трудящему, а не кто по грибы ходит». Из Екатеринославской: «Более к жизни близко и к сердцу бедных крестьян...»². И так 28 выступлений. Свои записи Ленин рассылает всем членам ЦК партии и всем наркомам, потому что и эти выступления есть та самая реальная жизнь со всеми ее проблемами и сложностями, которая диктует партии программу действий.

1921 год. Партия разрабатывает новую экономическую политику. Дни, предшествующие X съезду, заполнены у Владимира Ильича до отказа подготовкой докладов, резолюций, текущей

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 521-522.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 382-384.

работой, встречами с десятками людей. И среди них - крестьяне... 30 января Ленин долго беседует с тверским крестьянином А. И. Гусевым, 9 февраля с иркутским крестьянином О. И. Черновым (его доклад, по указанию Ленина, публикует «Правда»). 14 февраля Владимир Ильич принимает представительную делегацию (два бедняка, два середняка и два кулака) тамбовских крестьян. И со всеми - обстоятельный, серьезный и деловой разговор, порой споры...

28 февраля к Ленину приходит владимирский крестьянин И. А. Чекунов. Он уже бывал у Ленина и в 1919 году, и в 1920-м и всякий раз с наказами от крестьян, своими проектами. На сей раз у него соображения относительно порядка взимания мясной разверстки. «Старик со светлой головой...»; «очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»; «сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий)» - так писал о нем Ленин.

А вот и основное содержание разговора:

«Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернии,- пишет Ленин о Чекунове. - Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой Советской власти хорошею.

Вот за таких людей нам надо и з о в с е х с и л уцепиться для восстановления доверия массы крестьян. Это о с н о в н а я политическая задача и притом не терпящая отлагательства»¹.

По предложению Владимира Ильича Чекунова вводят в состав коллегии Наркомата земледелия.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 83, 85-86, 372.

1 марта 1921 года, буквально накануне X съезда партии, который должен утвердить новую экономическую политику, А. Д. Цюрупа рассказывает Ленину о двух интереснейших уфимских крестьянах, знакомых ему еще по тем давним временам, когда он работал управляющим в имении... В тот же день Ленин посылает телеграмму:

«Уфа. Председателю губисполкома.

Прошу немедленно передать крестьянам села Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда (36 верст от Уфы по Оренбургскому тракту) Алексею Романовичу Шапошникову и Тарасу Григорьевичу Кондрову приглашение прибыть теперь же в Москву для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства... В случае согласия немедленно устройте поездку в вагоне делегатов партсъезда, обеспечьте на дорогу продовольствием и всем необходимым, окажите всяческое внимание, заботливость»¹.

Они приехали. 22 марта состоялась их беседа с Лениным... И одним из результатов этой беседы была разработка нового закона о землепользовании, новой инструкции о гужевой повинности...

Если мы внимательно посмотрим биографическую хронику В. И. Ленина, мы увидим, что каждый из поворотных моментов в истории нашей страны, те дни, когда принималось то или иное важное принципиальное решение, буквально окружены вот такими встречами, беседами, разговорами. Непосредственная связь с народом являлась одним из важнейших источников мудрости Ленина и как мыслителя, и как вождя партии, и как руководителя государства, и как человека.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 311.

Составляя тезисы для одного из своих выступлений в декабре 1921 года, Ленин записал:

«Жить в гуще.

Знать настроения.

Знать в с е.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее абсолютное доверие».

И, наконец, - «Не льстить массе...»¹.

27 марта 1922 года на XI съезде партии Владимир Ильич говорил: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»².

Вопрос о том, какова должна быть та государственная машина, которая могла бы наиболее полно воплощать революционную творческую инициативу и волю народных масс, был поставлен Лениным еще в начале столетия.

Требование «самодержавия народа», вошедшее в первую программу партии, оппортунисты толковали как обычную парламентскую республику. Для Ленина это понятие означало иное... Не власть, противостоящая народу. И даже не власть, благодетельствующая своим согражданам. В «самодержавии народа», указывал Владимир Ильич, «подчеркивается именно воля народа»³, т. е. создание действительно демократического государства, основанного на широчайшей самодеятельности масс.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 497, 498.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 112.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 275; т. 16, с. 317.

В 1905 году, характеризуя большевистское требование революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Ленин вновь подчеркивал, что имеется в виду «революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа, для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа». Он четко характеризует и методы этой деятельности: «Временное революционное правительство апеллирует к народу. С а м о д е я т е л ь н о с т ь рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт»¹. И революционное творчество самих масс рождает в том же году Советы ту совершенно новую государственную форму, которая могла наиболее полно осуществить самодеятельность самого народа.

В 1917 году, отвечая буржуазным политикам на их доводы о «некомпетентности» масс в деле управления государством, о необходимости сначала научить народ «демократизму», Ленин писал:

«Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии... И благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство...

Да, мы согласны, что кадеты... по-своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?»².

Ленин объяснял «любовь» буржуазии к «демократии»:

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 339, 359.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

«Капиталистам нужна теперь республика, ибо иначе «не сладить» с народом. Но им нужна республика «парламентарная», то есть чтобы демократизм ограничился демократическими выборами, правом посылать в парламент людей, которые - по меткому и глубоко верному замечанию Маркса - народ представляют и народ подавляют.

...Необходимо не только представительство по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении... Вот единственный путь... дающий возможность идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению всей государственной властью»¹.

Ленин прекрасно понимал все трудности, стоявшие на этом пути: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами... Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 287-288.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

Великая Октябрьская социалистическая революция, установив диктатуру пролетариата, сделала Россию Республикой Советов. Она не стала некоей неклассовой или надклассовой формой демократии, но это была одновременно и диктатура и самая широкая демократия для трудящихся масс.

В первый день создания первого в мире государства трудящихся Ленин с трибуны Всероссийского съезда Советов заявил: «...пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹.

Безусловно, те гигантские возможности проявления народной инициативы и самодеятельности, которые были заложены в Советах, не могли реализоваться сразу. Мешали не только те, кто пытался свергнуть эту власть. Мешало не только то, что значительная часть наиболее сознательных рабочих была отвлечена на фронты гражданской войны, где они с оружием в руках отстаивали эту власть. Мешала и общая «некультурность» самих масс. Она проявлялась и в извечном недоверии к государству и власти вообще, и в недостаточном политическом воспитании, и в элементарной неграмотности... Вот почему сам аппарат Советской власти оказался не сразу доступен для всей массы трудящихся.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 21.

«Этот низкий культурный уровень, - отмечал Владимир Ильич на VIII съезде партии, - делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»¹.

Указывая на пути преодоления этого недостатка, Ленин говорил, что «одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной, - чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы»². Этот путь и стал главным направлением дальнейшего развития и совершенствования всей системы социалистической демократии.

Но и в те годы, при всех отмечавшихся Лениным недостатках, власть Советов с момента своего создания дала миру принципиально новый, невиданный доселе тип пролетарского государства и пролетарской демократии.

«Сотни лет, - отмечал Владимир Ильич на XI съезде РКП(б), - государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170.

² Там же, с. 166.

Советский тип государства нами завоеван, - это есть шаг вперед всего человечества...»¹.

Ленин учил коммунистов неустанно укреплять связи с народом. Он считал, что усилия партии в борьбе за революционное преобразование общества оказались бы бесплодными, если бы она не опиралась в своей деятельности на величайшую революционную энергию и творческую самодеятельность трудящихся масс. В этом - источник силы и крепости Коммунистической партии и Советского государства. «Масса трудящихся, - говорил Ленин, - за нас. В этом наша сила. В этом источник непобедимости всемирного коммунизма»².

Ленинизм стал исторической реальностью. С ним «связаны самые выдающиеся революционные свершения двадцатого столетия - Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая начало новой эпохи в истории человечества, образование мировой системы социализма, грандиозные освободительные битвы и победы, одержанные рабочим классом, трудящимися над капитализмом. Имя Ленина стало символом пролетарских революций, социализма и прогресса, символом коммунистического преобразования мира»³.

Идя по пути, указанному Лениным, советский народ под руководством Коммунистической партии в кратчайшие исторические сроки сумел превратить нашу Родину в могучую социалистическую державу. Советская республика стала первой страной научного планирования социальных и экономических процессов в интересах широчайших народных масс. Впервые обществом стали

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 108-109, 110.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 266.

³ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», с. 4.

править не слепые экономические силы, а разумная воля, опирающаяся на познание объективных законов развития общества. И если ранее нелепо было бы размышлять о «строительстве» феодализма или капитализма, то строительство - социализма и коммунизма стало фактом.

«Всемирно-историческим итогом деятельности КПСС и советского народа по воплощению в жизнь ленинских идей, - указывается в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», - явилось построение развитого социалистического общества, в котором все более полно раскрываются созидательные силы нового строя, его подлинно гуманный сущность».

Социалистический строй стал качественно новым этапом в развитии мировой цивилизации, новым типом социального прогресса. Новое звучание приобрели при социализме общечеловеческие ценности, выработанные в длительном и трудном движении всемирной истории. Оценка его достижений в этом плане убедительно показывает, что именно последовательная реализация ленинских идей, принципов и идеалов дает разумные ответы на самые острые проблемы современности и эффективно решает их, обеспечивает надежное наследование и непрерывное развитие всех общечеловеческих культурных богатств и ценностей, всех достижений человечества, его труда и разума. И только эти идеи и принципы в состоянии на деле больше всего и лучше всего выражать в каждой стране национальные интересы народа, так же как в мировом масштабе - интересы прогрессивного развития человечества в целом.

«Ленин жил для людей и среди людей... Скромность и простота, подлинная человечность, уважение и доверие к людям, личное участие в их судьбах соединялись в Ленине с твердой

принципиальностью, с требовательностью к себе и к другим; мудрость и дальновидность - с неутомимой деловитостью, непреклонной волей; эрудиция и острота ума великого ученого - с искренней любовью к жизни, к ее подлинным ценностям и радостям.

Таким был Владимир Ильич Ленин - мыслитель, революционер, человек. Его учение всегда будет призывом и руководством к действию, его жизненный подвиг - вдохновляющим примером для коммунистов, для миллионов людей»¹.

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, Т. 2. М., 1970, с. 563-564.

СОВРЕМЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПОСЛЕСЛОВИЕ» [К СБОРНИКУ «В. И. ЛЕНИН. НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. 1891-1922ГГ.»]

Итак, «засекреченного Ленина» больше не существует. Исследователям открыт доступ к архивному фонду В.И. Ленина, ко всем сопутствующим материалам, часть документов, длительное время не публиковавшихся, собрана в данной книге. Лишь немногие из них с большим шумом и серьезными ошибками в комментариях были напечатаны нашей прессой в последние годы.

Если учесть, что в Собрании сочинений, Ленинских сборниках, Декретах Советской власти и Биографической хронике были опубликованы 24 тысячи документов, то данная книга, включающая лишь 422 документа, на первый взгляд покажется не столь уж значимой. По многим вопросам, затронутым в ней, мы не найдём ничего принципиально нового в сравнении с той информацией, которую давали прежние фундаментальные издания. И в этом смысле для тех, кто всерьез занимался изучением Ленина, она не представляет никакой сенсации.

И тем не менее научная ценность публикуемых документов несомненна. Прежде всего они подробнее и конкретнее освещают ряд сюжетов, которые раньше не получили полного отражения или вовсе оказались обойденными в официальных изданиях. Это касается, в частности, некоторых финансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» (1909—1911), с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками (1911). Впервые публикуется ряд документов по «делу Малиновского» (1914), изобличенного позднее в связях с охранкой. Наконец, особую группу составляет переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений Ленина.

Однако основная масса материалов, включенных в сборник, относится к послеоктябрьскому периоду. Это письма,

телеграммы, записки и другие документы, которые дополняют, а иногда и существенно корректируют имевшиеся представления о некоторых событиях гражданской войны и первых лет НЭПа.

Следует при этом заметить, что широкий резонанс, который получили некоторые материалы, включенные в настоящий сборник, связан не столько с новой информацией, которая в них содержится, сколько с избыточной политизированностью авторов появившихся в последние годы публикаций и непрофессиональными методами подачи и препарирования самих документов.

Слов нет, открытие архивов действительно позволило ввести в научный оборот огромный массив новых материалов по самым различным периодам российской истории. Десятки, если не сотни, профессиональных исследователей кропотливо изучают их, готовя новые фундаментальные труды.

Что же касается исторической публицистики, то она, отделившись от науки, стала вполне самостоятельным жанром. Беда ленинианы в том, что благодаря прессе, радио и телевидению посредством именно этого жанра сведения о Ленине приходят сегодня к миллионам людей. Именно в публицистике были впервые приведены некоторые ранее неизвестные ленинские документы с явно ненаучным, политизированным комментарием.

Между тем цитаты из новых документов сами по себе зачастую мало что объясняют. Документ как таковой для историка является не бесспорным доказательством, а объектом внимательного и скрупулезного научного исследования. Необходимо прежде всего поставить каждый документ, каждый конкретный факт в реальный исторический контекст.

К примеру, среди трех десятков писем Ленина И. Арманд, вошедших в этот сборник, одно — 6 (19) января 1917 г. — содержит фразу: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой»¹.

Публикуя этот документ в книге «Неизвестный Ленин. Из секретного архива», вышедшей в США в 1996 г., американский историк Р. Пайпс усматривает в нем наконец-то найденное

---

¹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. - М.: РОССПЭН, 1999/2017, док. 100.

подтверждение «контактам Ленина с германцами»¹.

Но попробуйте поставить данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной. Откройте, например, страницу 367 в 49-м томе Полного собрания сочинений Ленина.

3 (16) января 1917 г. Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покинуть Цюрих нет необходимости, ибо «война невероятна».

В ответном письме Инесса, очевидно, писала, что Владимир Ильич недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а посему надо думать о переезде. Вот Ленин и пишет ей 6 (19) января 1917 г.: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». Так что не о связях с немцами шла речь. И предположение Р. Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным.

Приверженность заданной «концепции», как и политическая ангажированность, может сыграть злую шутку даже с опытными исследователями. В том же сборнике, вышедшем в США, опубликован документ: записка Ленина, которая, по мнению подготовителей, инициировала начало массового «красного террора».

Основанием для датировки стало содержание записки:

«Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина: Ларин прав).

Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский) + Рыков? Или Милютин?

Тайно подготовить террор: необходимо и срочно.

А во вторник решим: через СНК или иначе».

Ну а поскольку декрет о «красном терроре» был принят 5 сентября 1918 г., то записка и отнесена Пайпсом к 3 или 4 сентября того же года².

---

¹ The unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London. 1996. P. 34

² Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. - М.: РОССПЭН, 1999/2017, док. 272. The unknown Lenin..., p. 56-57.

Но при такой датировке сразу возникает ряд вопросов. Во-первых, автор записки (Ленин) в эти дни после ранения находился на постельном режиме и по состоянию здоровья никаких записок не писал. Во-вторых, почему записка адресована Н. Крестинскому, с августа 1918-го по 1921 г. являвшемуся наркомом финансов? Почему в состав комиссии, связанной с террором, предлагались Рыков и Милютин, руководившие ВСНХ? И, наконец, какое отношение к разработке террористических мер мог иметь Ю. Ларин, занимавшийся вопросами сугубо хозяйственной жизни?

Ответы на эти вопросы приводят в совершенно иное время, а именно — конец 1920-го — начало 1921 г.

В октябре 1920 г. Ларину поручили подготовить предложения по ликвидации параллелизма в работе и сокращению экономических наркоматов и учреждений. На основе его предложений («в духе Ларина», как пишет Ленин) разработали проект постановления СНК «О приведении порядка деятельности экономических комиссариатов в соответствие с постановлением VIII съезда советов о Совете Труда и Обороне».

Как и предлагал Ленин, во вторник 22 февраля 1921 г. комиссия в составе Ларина, Крестинского, Владимирского и Рыкова представила проект на заседании СНК. С дополнениями и поправками его утвердили 17 марта 1921 г.¹

Естественно, что вся эта работа велась «тайно», ибо речь шла о сокращении десятков учреждений и увольнении тысяч чиновников, то есть «драконовских мерах» и действительном «терроре» по отношению к разбухшему бюрократическому аппарату. В настоящем сборнике документ поставлен на свое место — «ранее 22 февраля 1921 г.». Никакого отношения к декрету о «красном терроре» 1918 г. он не имел.

Эти уточнения тем более необходимы, что в настоящем сборнике помещено несколько документов, действительно касающихся вопросов красного и белого террора.

Анализируя любой из них, необходимо, видимо, учитывать не только его тип и характер — например, декрет, постановление правительства или же сугубо личная записка, но и практические последствия, к которым привел данный документ.

---

¹ См.: Декреты Советской власти. Т. XIII. М., 1989, с. 209-217.

Поясню на примере...

Одним из многократно ныне цитируемых документов стала телеграмма Ленина пензенским руководителям 11 августа 1918 г. с требованием «непрерывно повесить» кулаков — организаторов мятежа, а для этого найти «людей потверже»¹.

Что же произошло? Ведь еще в конце апреля 1918 г. Ленин предполагал возможность мирного получения хлеба из деревни с помощью товарообмена. А чуть ли не через неделю он ставит на СНК вопрос о введении продовольственной диктатуры. Дело в том, что относительная, хоть и минимальная стабильность продовольственного снабжения Центральной России обеспечивалась хлебом Украины, Поволжья, Сибири и Северного Кавказа. Но в конце апреля на Украине германские оккупанты привели к власти гетмана Скоропадского. Путь для украинского хлеба был перекрыт. В мае восстание чехословаков отрезало от Центра Сибирь и часть Поволжья. К июлю были блокированы все линии, связывавшие Москву с Северным Кавказом.

О том, каково было летом 1918 г. положение с хлебом, рассказывают современники:

«По моим наблюдениям, в мае 1918 г. в Питере редко можно было видеть лошадей, часть их была съедена, часть — подохла... К этому времени я не помню, чтобы где-нибудь встречал кошку или собаку: предприимчивые люди и их использовали...»

Элементарные расчеты, сделанные Наркомпродом, показывали, что в этой ситуации в Москве и Петрограде на одного человека придется лишь 3 фунта хлеба (1 кг 200 г) в месяц, да и то лишь за счет полной выкачки зерна в потребляющих центральных губерниях. Иными словами, речь шла о жизни десятков и сотен тысяч горожан.

Известно, что продразверстка была введена царским правительством еще 29 ноября 1916 г. Хлебную монополию узаконило 25 марта 1917 г. Временное правительство. Осенью того же года оно направило в деревню за продовольствием воинские команды, но и они не смогли решить эту задачу. Оружия

---

¹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. - М.: РОССПЭН, 1999/2017, док. 137.

в деревне после демобилизации армии, между прочим, вполне хватало, и вооруженных людей там не очень-то боялись.

Важную роль в планах Советской власти по снабжению городов должна была сыграть, в частности, Пензенская губерния, где, по данным Наркомпрода, существовали определенные резервы хлеба. Сюда направили уполномоченного ЦК Евгению Бош, продотряды из столицы. 5 августа в селе Кучки Пензенского уезда вспыхнул вооруженный мятеж. Пятеро продармейцев и трое членов сельского комитета бедноты были зверски убиты. Отсюда волнения перекинулись на четыре наиболее богатых соседних уезда. И если учесть, что Восточный фронт находился в этот момент всего в 45 километрах, то станет очевидной вся серьезность положения.

Может быть, отчасти это и объясняет тон ленинских телеграмм и писем в Пензу, требовавших «вешать» зачинщиков мятежа, «твердости» и «беспощадного массового террора».

Но не только это. Ленин не раз сетовал, что Советская власть похожа не столько на «диктатуру», сколько на «кисель». В письме Н. Рожкову, помещенном в настоящем сборнике, Ленин замечает: «Насчет “единоличной диктатуры”, извините за выражение, совсем пустяк. Аппарат стал уже гигантским — кое-где чрезмерным, — а при таких условиях “единоличная диктатура” вообще неосуществима, и попытки осуществить ее были бы только вредны»¹. И в подобных условиях недостаток реальной власти нередко восполнялся либо обилием декретов, либо просто крепкими словами. Поэтому, когда в том же 1918 г. Ленин заметил, что за срыв монументальной пропаганды Луначарского следует «повесить», никто почему-то не бросился мылить веревку. Да и позднее, когда в 1921 г. Владимир Ильич написал П. Богданову, что «коммунистическую сволочь» следует сажать в тюрьму, а «нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках», никто не собирался строить виселицы.

Ну а как же с пензенским выступлением? В село Кучки из Пензы направили отряд, который арестовал 13 непосредственных участников убийства и организаторов восстания. Всех

---

¹ Ленин В.И. Известные документы. 1891-1922 гг. - М.: РОССПЭН, 1999/2017, док. 161.

расстреляли. В другие уезды и волости направили агитаторов. После сходов и митингов, на которых разъяснялась продовольственная политика Советской власти, волнения крестьян удалось прекратить.

Так было, конечно, не всегда и не везде. Но в данном случае, после данного документа Ленина, было именно так.

Побывав в 1920 г. в России, английский писатель Герберт Уэллс отмечал: «Столкнувшись с нехваткой почти всех предметов потребления, вызванной отчасти напряжением военного времени — Россия непрерывно воюет уже шесть лет, — отчасти общим развалом социальной структуры и отчасти блокадой, при полном расстройстве денежного обращения, большевики нашли единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль.

Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье. Но в России это пришлось делать на основе не поддающегося контролю крестьянского хозяйства и с населением, недисциплинированным по природе и не привыкшим себя ограничивать. Борьба поэтому неизбежно жестока».

Так или иначе, важно понять, что попытки оценить периоды социальных потрясений, выдирая из сотен и тысяч документов те или иные письма и телеграммы, написанные зачастую «в пылу боя», не имеют к науке никакого отношения.

Другой пример еще более нагляден. Речь идет о многократно публиковавшихся в последние годы двух записках Ленина Э.Склянскому, относящихся к концу 1920 года. Комментарий к ним давался всегда лишь на сугубо эмоциональном уровне, не затрагивавшем ни существа дела, ни реальных событий.

Из текста записок, в частности, видно, что появление одной из них на свет связано с действиями С.Булак-Балаховича.

Бэй-Булак-Балахович, офицер старой армии, в феврале

1918 года добровольно вступил в Красную Армию, командовал полком, в ноябре того же года перешел к белым и в 1919 году в составе армии Юденича участвовал в наступлении на Петроград. После разгрома, в августе 1919 г., перешел на службу в армию Эстонии, а позднее — Польши.

В 1920 году Советская Россия заключила мирные договоры с Польшей, а также Эстонией, Латвией и Литвой. Несмотря на это, Б.Савинков помог Балаховичу сформировать из числа белогвардейцев, находившихся в этих прибалтийских государствах, несколько крупных и хорошо вооруженных отрядов. Переходя государственную границу, они стали совершать «рейды» на территорию Белоруссии. Когда же к месту вторжения подтягивались части Красной Армии, Балахович вновь переходил границу и благополучно возвращался на свои базы.

Приведем лишь некоторые тогдашние сообщения зарубежной прессы и радио о его борьбе за «освобождение России».

«Балахович вступил в Плотницу 2 октября, немедленно собрал всех евреев и потребовал денег. После того как евреи отдали все свои вещи, начались самые дикие убийства и пытки. У Моисея Плотника оторвали нос, а затем повесили его. Путерман, у которого изрубили шашками все семейство, сошел с ума и начал танцевать, а потом был расстрелян. Ефрему Поляку сначала отрубили руку, а потом с него живого содрали кожу. Илья Финкельштейн сожжен живым. Всех женщин и девушек в городе, вплоть до 9-летних детей, изнасиловали. 600 беженцев из Плотницы находятся сейчас в Пинске в невообразимой нужде».

«Подобный же погром произошел в Кремне Волынской губернии. Там в квартире Сокачева собрали 30 молодых женщин, которых после изнасилования перестреляли, мужчин же погнали к реке, где их бросали в воду и по плавающим стреляли до тех пор, пока всех не потопили.

Убийства происходили также в местечках вокруг Ковеля».

Но, может быть, все это лишь «газетные утки»? И в «святом, белом деле» ничего подобного быть не могло? Нет, все эти показания прессы и радио полностью подтверждаются известной книгой Б.Савинкова «Конь вороной». Поэтому продолжим дальше...

«Рига. 2 ноября. Берлинский «Голос России» от 27 октября

сообщает новые сведения об ужасах, творимых Балаховичем. Отступая из Пинска, армия Балаховича оставила чудовищные следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин, в том числе 12-летних девочек.

В деревне Инево, на границе Пинского и Ковельского уездов, добровольцы ограбили еврея, затем обмотали его колючей проволокой и катали по земле. Растерзанного и окровавленного его размотали и медленно жгли на огне; во время пыток еврей сошел с ума и был пристрелен. В ряде деревень произведены подобные же зверства с утонченным разнообразием приемов.

В городе Камень-Каширские все еврейские квартиры были разграблены. Всякого еврея, показавшегося на улице, убивали. С целью убийства возможно большего количества евреев балаховцы подожгли дома. Выбегавших расстреливали. 12 девушек подвергнуты пыткам. Полковник Дарский спокойно присутствовал при этом. Известен случай изнасилования одной девушки 34 солдатами. Изнасилована также 60-летняя старуха. После изнасилования ее облили керосином и подожгли.

Девице Эйзенберг, оказавшей сопротивление при изнасиловании, отрубили ноги. В ее присутствии убили ее отца и брата, затем подожгли дом».

Может быть, хватит? Пожалуй, хватит. Видимо, точно так же решил и Ленин после получения очередной информации с еще более подробным описанием зверств банд Балаховича. И вот во время заседания Совнаркома он и пишет записку заместителю председателя Реввоенсовета Склянскому: «...Постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, “на плечах” Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить 100-1000 их чиновников и богачей)...». Мало того, вскоре Ленин пишет еще одну записку, в которой предлагает под видом «зеленых» вторгнуться на 10-20 верст на территорию, занятую противником, и повешать «кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного...»

Читатель вправе сказать, что подобные методы борьбы с бандитами крайне жестоки и неприемлемы. Конечно, но нельзя упускать из виду, что эти методы родились в обстановке гражданской войны... Если документ используется для серьезного исследования, должен возникнуть вопрос: а каковы практические последствия записки?

28 октября 1920 года правительство РСФСР направило ноту правительству Великобритании, в которой говорилось, что после подписания перемирия с Польшей и мирных договоров с Эстонией, Латвией и Литвой «война между существующими правительствами прекратилась, но состояние войны продолжает существовать. В Белоруссии и в Западной Украине вооруженные банды, не подчиняющиеся никакому правительству, продолжают вести враждебные действия против граждан обеих советских республик. Эти вооруженные силы, под командованием Балаховича и Петлюры, снабжаются снаряжением и вооружением державами Антанты через Польшу, и поэтому эти державы являются главным образом ответственными за продолжающиеся страдания и кровопролития». Далее в ноте говорилось, что «лишь уничтожением, расформированием или сдачей вооруженных сил этих мародеров можно будет восстановить мир», и содержалось предупреждение о намерении России и Украины «положить конец их незаконным действиям»¹.

В тот же день ноту направили и министру иностранных дел Латвии. Напомнив статью IV мирного договора о «воспрещении образования на территориях обеих стран военных отрядов, направленных против другой договаривающейся стороны», правительство РСФСР потребовало прекратить вербовку белогвардейцев и «доказать всему русскому народу, что Латвийское правительство искренне желает строго придерживаться мирного договора и жить с русским народом в действительной дружбе и мире»². Аналогичные представления были сделаны правительствам Эстонии и Литвы, а 30 октября требование об интернировании банд Балаховича и Петлюры Польша получила от правительства Украины³.

В ноябре 1920 года северо-западнее Мозыря частям Красной Армии удалось нанести серьезное поражение бандам Балаховича, а 5 декабря из Польши было получено радиосообщение: «26 ноября ночью остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959, с. 301.

² Там же, с. 303, 302.

³ Там же, с. 309.

России, специально для этого прибывшего. Савинков совершенно отказался от Балаховича».

Таковы были практические последствия указаний Ленина...

Война — всегда война. У нее существуют свои безжалостные законы. С началом войны ее участники попадают в «поле вынужденных решений» и действуют по совершенно иным законам, нежели в мирное время. Помните, у Твардовского?

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед! — Вперед.
Есть приказ: умри! — Умрет.

Но гражданская война — не просто война, а одна из самых жестоких войн, которые когда-либо знала история человечества. Она была жестока в США и Китае, в Испании и России. В ней всегда тесно переплетались высокое и низкое, любовь и ненависть, добро и зло.

Что же касается отношения советского руководства к гражданской войне, то напомним лишь некоторые факты.

1919 год. В марте по поручению президента США В.Вильсона и премьер-министра Великобритании Д.Ллойд-Джорджа в Москву прибывает В.Буллит. Огромные регионы России находятся в этот момент в руках белой армии и интервентов. И вот от имени держав Антанты Буллит предлагает Советской республике прекратить военные действия, заключить мир со всеми белыми и марионеточными правительствами, признать их власть на занятых территориях и заодно — уплатить все «царские долги» западным странам.

Для Советского правительства — предложения крайне невыгодные. Однако Ленин соглашается на них, и к 12 марта условия договора были выработаны. Прислушайтесь к мотивировке: «Мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: “Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян”»¹.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 403.

Увы, ни мира, ни даже временного перемирия в гражданской войне добиться не удалось. Весной 1919 года белая армия развернула поначалу успешное наступление на Восточном фронте, и адмирал Колчак отверг какие-либо переговоры.

1920 год. В апреле Польше был предложен мир, как говорил Ленин, «на условиях в высшей степени выгодных для них»¹. Но мир был сорван. 25 апреля польские войска перешли границу РСФСР и, используя более чем двукратный перевес сил, вышли к Днепру и заняли Киев. После переброски частей Красной Армии наступление остановили, а в июле—августе началось контрнаступление. Преследуя противника, советские войска подошли к Львову и Варшаве, но, оторвавшись от тылов и наткнувшись на яростное сопротивление поляков, откатились к прежней границе.

Ленин был одним из инициаторов «наступательной войны», но быстро извлек уроки из поражения и решительно выступил за переговоры, оставив за Польшей ряд районов Западной Украины и Белоруссии. Разъясняя свою позицию, он заявил, что считает допустимым это, мягко выражаясь, не очень-то благоприятное соглашение по принципиальным мотивам: «Лишь бы спасти десятки тысяч рабочих и крестьян от новой бойни на войне».

По свидетельству Клары Цеткин, беседа с ней осенью 1920 года, Владимир Ильич говорил: «Могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании?.. Миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима».

Наконец, последнее ленинское выступление 20 ноября 1922 года. Многие в нем носило характер «итоговых» размышлений. Он говорил о том, что в ходе гражданской войны, когда «борьба шла не на жизнь, а на смерть», мы потеряли «главную ценность — человеческие жизни в невероятно большом масштабе», но нам удалось завоевать «право на мирное развитие» и восстановить российскую государственность (РСФСР) вплоть до самого Владивостока.

---

¹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. - М.: РОССПЭН 1999/2017, док. 253.

В свое время, побывав в Горках, Максим Горький запомнил слова Ленина: «Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!»

Многие наши современники, так или иначе интересующиеся Лениным, могут не разделять столь определенно выраженной уверенности, поскольку в принципе не согласны с ленинской социально-экономической программой, внешнеполитическим курсом или негативно оценивают применявшиеся при Ленине жестокие меры подавления крестьянских восстаний, Кронштадтского мятежа, разные формы репрессий против инакомыслящей или политически оппозиционной советскому режиму интеллигенции, против духовенства, сопротивлявшегося изъятию церковных ценностей и т. д.

Материалы сборника, в дополнение к ранее изданным, дают новую пищу для размышлений и по этим сложным, неоднозначно оцениваемым проблемам.

Публикуя новые документы, составители данного сборника как раз и надеются на то, что читатель, обогащенный опытом современной жизни, — приложит максимум умственных усилий — не для того, чтобы «осудить» или «оправдать» их автора, а для того, чтобы понять его и его время...

ОПУБЛИКОВАНО В: ЛЕНИН В.И. НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. 1891-1922 ГГ. - М.: РОССПЭН, 1999/2017 - С. 581-590.

«P. S.»

ИЛИ

ОТКРЫТЫЙ

ФИНАЛ

ФРАГМЕНТ ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДЛЕНОМ ЛОГИНОВЫМ

Интервью взято Дмитрием Покровым в апреле 2011 года и опубликовано в 4-х частях в его интернет-блоге на сайте «Живой журнал». Беседа снабжена комментариями, сделанными самим Д. Покровым. Публикация содержит благодарность: «Особая благодарность Сергею Кочневу за организацию телефонного разговора и расшифровку фонограммы».

– Могут ли какие-то новые документы перевернуть наше представление о Ленине?

– Нет, не могут, потому что основной корпус документов есть, и он опубликован. А то, что не опубликовано, это лишь всякие маргиналии, пометки, замечания, подписи. И кроме полного собрания сочинений Ленина, мы еще сделали один дополнительный том – изначально его хотели сделать очередным томом собрания сочинений, но издательство перепугалось, и мы назвали этот том «Новые документы Ленина». И все те документы, которые были искажены или были не опубликованы, я имею в виду содержательные документы, в полном собрании сочинений, были в этом томе.

Поэтому я жду документов 1918 года, потому что есть целый ряд деталей, которые важны мне как историку – протоколы ЦК за 1918 год, но уже отсутствие этих протоколов косвенно восполняется.

– Получается, в любом случае, это будут своего рода мелочи, которые могут дополнить общую картину?

– Но это всегда интересно, поскольку появляются новые детали, новые фигуранты и т. д. Но в принципе, вы знаете, когда Волкогонов (1) прочитал ленинское письмо-телеграмму в Пензу (2), написал статью, что именно этот документ перевернул его представление о Ленине и

рухнула «ленинская крепость». Я ему сказал, когда мы встретились, что зря вы не читали полное собрание сочинений, где есть такая же телеграмма, но только, кажется, в Елецкий исполком (3), она опубликована и никакого секрета тут нет. Опубликованы и обстоятельные воспоминания Бош (4), где она подробно излагала содержание телеграмм.

Крепость рухнула от невежества – от этого вообще много крепостей рухнет! Сейчас распространена категория людей одной книги: допустим, человек читал очень много, но как-то прочел одну книгу, и все у него рухнуло. Идет это от невежества.

КОММЕНТАРИИ:

(1) Волкогонов Дмитрий Антонович (1928-1995) – генерал-полковник, историк, член-корреспондент РАН, член КПСС с 1951 по 1991 год. Автор псевдоисторического труда «Вожди» («Ленин», «Сталин», «Троцкий»).

(2) Речь идет о телеграмме от 11 августа 1918 года.

В Пензу

Т-щам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам.

Т-щи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать.

1. Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2. Опубликовать их имена.

3. Отнять у них весь хлеб.

4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин.

P. S. Найдите людей потверже.

(3) Здесь Логинов скорее всего говорит о телеграмме от 20 августа 1918 года Ливенскому исполкому.

«Ливны, исполкому

Копия военкому Семашке

и организации коммунистов

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождах из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу.

Предсовнаркома Ленин.»

(4) Бош Евгения Богдановна (1879-1925) – революционерка, член РСДРП-РКП(б) с 1901 года. В августе 1918 года была председателем Пензенского губкома РКП(б).

В своих воспоминаниях (впервые опубликованных в 1924 году) Бош цитирует не упомянутое письмо-телеграмму от 11 августа 1918 года, а директиву, которая поступила в Пензенский губком в этот же день:

«При подавлении восстания пяти волостей, приложить все усилия и принять все меры, в целях изъятия из рук держателей всех до чиста излишков хлеба, осуществляя это одновременно с подавлением восстания. Для этого по каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или ссыпные пункты, и сдать властям все до чиста излишки хлеба в волости.

Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия.

Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение ее и указать, что

ответственность заложников налагается на кулаков, мироедов, богатеев, исконных врагов бедноты. О получении сего телеграфируйте и регулярно сообщайте о ходе операции не реже чем через день.

Предсовнаркома В. Ульянов (Ленин)

Наркомпрод А. Цюрупа

Наркомвоен Э. Склянский»

Даная директива была опубликована в 29-ом томе 3-его издания собраний сочинений Ленина.

Владлен
Терентьевич
Логинов

**ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ
В. И. ЛЕНИН —
МЫСЛИТЕЛЬ,
РЕВОЛЮЦИОНЕР,
ЧЕЛОВЕК**

Логинов В. Т.

Л 69 Штрихи к портрету: В. И. Ленин —
мыслитель, революционер, человек. —
Л.: Лениздат, 1980. — 336 с., ил.
ИСБН

Книга доктора исторических наук В. Т. Логинова в живой и популярной форме рассказывает о ленинском наследии и его актуальности в современную эпоху, о гигантской армии единомышленников Ленина и его нынешних противниках, а также о поразительно интересной и многогранной личности самого Владимира Ильича. Важное место отводится в книге проблемам гуманизма в ленинском идейном наследии и практике революционной борьбы большевистской партии, вопросам нравственности и морали.

Л 10203 0103020000 — 034 48—80
М 171(03)—80

13.5.

Редакторы Н. В. Кузьмичева и И. Ю. Куберский. Художники Е. А. Борщоговская и В. У. Интойо. Художественный редактор А. К. Тимошевский.
Технический редактор А. В. Семенова. Корректор Н. Г. Ковенская

указать, что - фотонабор.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Книга доктора исторических наук В. Т. Логинова в живой и популярной форме рассказывает о ленинском наследии и его актуальности в современную эпоху, о гигантской армии единомышленников Ленина и его нынешних противниках, а также о поразительно интересной и многогранной личности самого Владимира Ильича. Важное место отводится в книге проблемам гуманизма в ленинском идейном наследии и практике революционной борьбы большевистской партии, вопросам нравственности и морали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
«У НАС НЕТ ШАБЛОНОВ».....	14
ДИАПАЗОН ЛИЧНОСТИ.....	68
ЧТО ТАКОЕ «ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК»?.....	112
«... В НАШЕМ ИДЕАЛЕ НЕТ МЕСТА НАСИЛИЮ НАД ЛЮДЬМИ».....	156
ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА.....	204
«ЖЕСТОКОСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ БУДЕТ ПОНЯТА И ОПРАВДАНА».....	251
«... УМ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ ТВОРЦОВ».....	284

СОВРЕМЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПОСЛЕСЛОВИЕ» [К СБОРНИКУ «В. И. ЛЕНИН. НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ. 1891-1922ГГ.»].....	335
«P. S.» ИЛИ ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ	348